

ТЕОРИИ И СИМВОЛЫ
АЛХИМИКОВ

«ДРЕВНЯЯ МУДРОСТЬ»

ТЕОРИИ И СИМВОЛЫ АЛХИМИКОВ

ФЕРНАН ШВАРЦ

АЛХИМИЯ
И ДУХОВНАЯ
ЭВОЛЮЦИЯ

АЛЬБЕРТ ПУАССОН

ТЕОРИИ И СИМВОЛЫ
АЛХИМИКОВ

Е. П. БЛАВАТСКАЯ

АЛХИМИЯ
В XIX ВЕКЕ

Москва, 1995
«НОВЫЙ АКРОПОЛЬ»

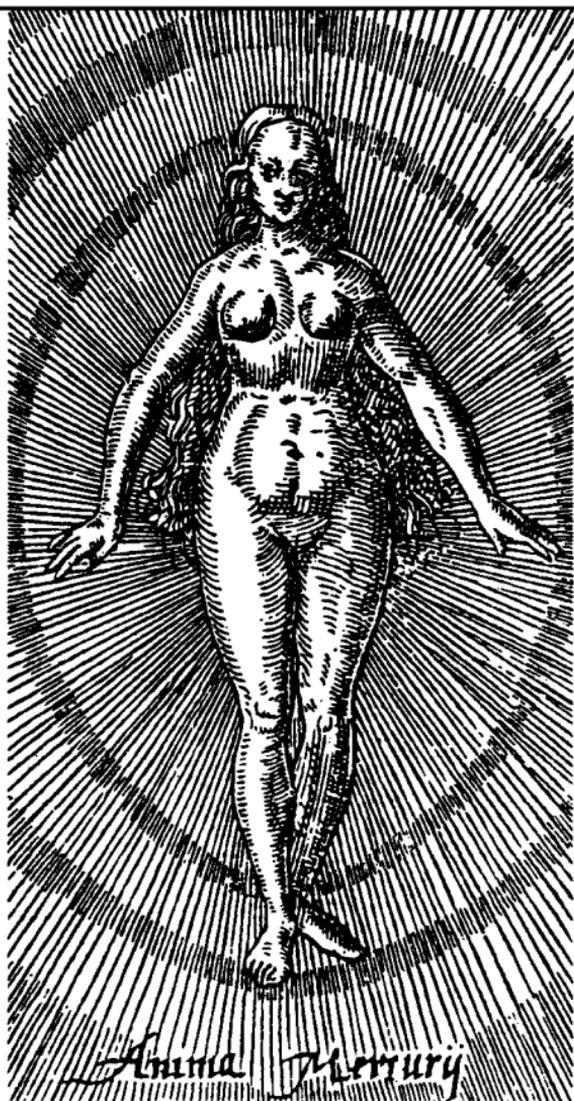
УДК 54:1

ББК 24в

© Составление, перевод и оформление, издательство «Новый Акрополь», 1995.

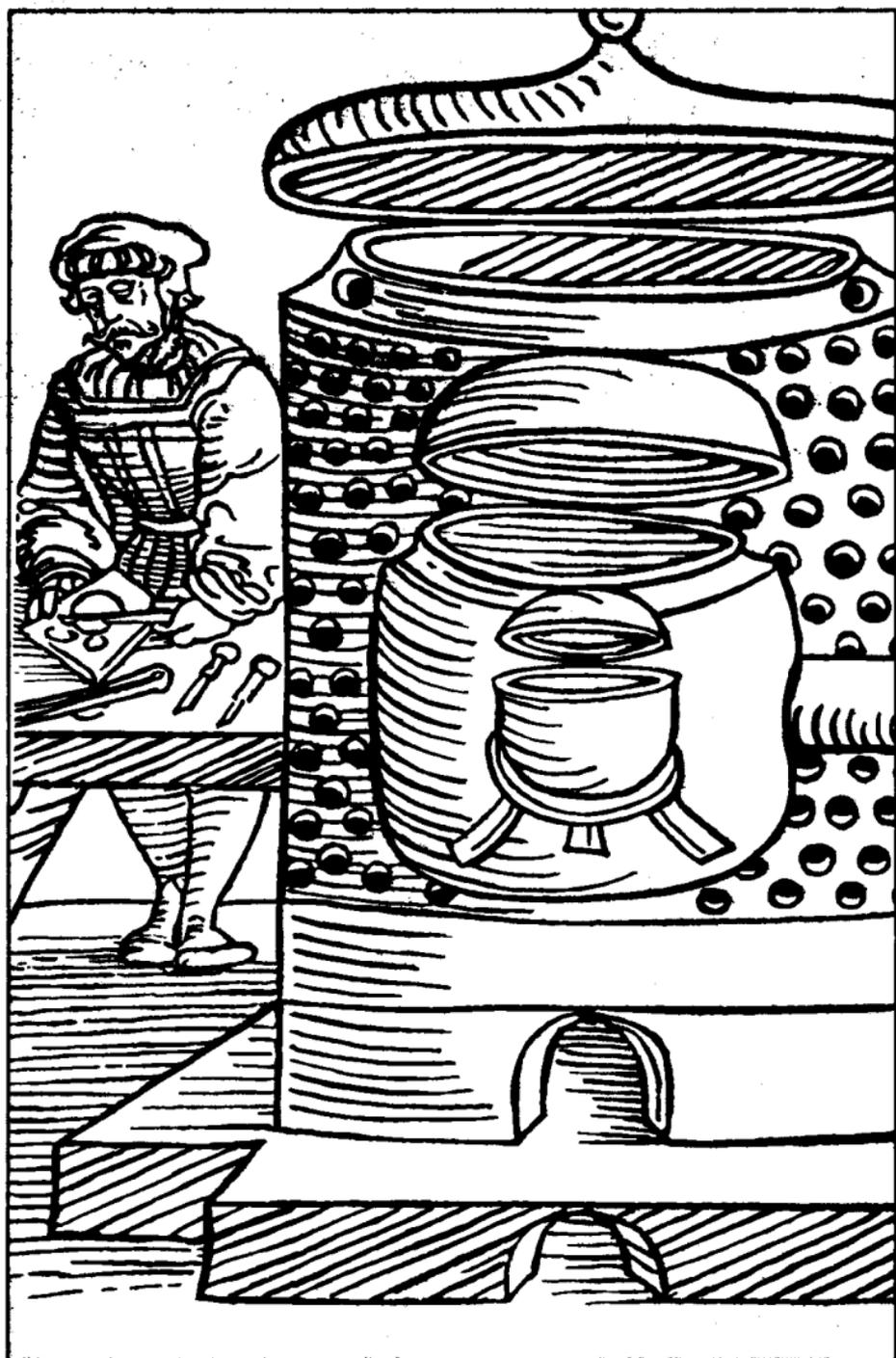
III 0403000000-006 Без объявл.
Э 20 (03)-95

ISBN 5-85738-006-6 (Новый Акрополь)

Анна Меркури

ФЕРНАН ШВАРЦ
АЛХИМИЯ
И ДУХОВНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

Истоки алхимии сокрыты во тьме времен

Слово «алхимия» воскрешает в памяти известную средневековую гравюру, изображающую старца, который трудится в своей лаборатории среди множества инструментов, один таинственней другого, одержимый единственной идеей — найти философский камень.

Однако оказывается, что эта наука о трансмутации металлов и растений не только была известна арабам, египтянам, китайцам и даже индейцам доколумбовой Америки, но по своей основной характеристике, заключающейся в создании символического видения природных мутаций, она восходит своими корнями к самому происхождению человека.

Все магические и религиозные традиции, идущие из глубин древности, доносят до нас постоянное стремление наших предков придать глубокий смысл природным мутациям, свидетелями или участниками которых они были.

Возьмем для примера добычу металлов. Для так называемого «примитивного человека» металл был живым сердцем неодушевленного камня. Извлечение металла из его материальной оболочки было не чем иным, как очищением природы посредством ее разложения на элементы и соединения их вновь. По сравнению с рудой,

Данная статья представляет собой краткое изложение выступления проф. Ф.Шварца на конференции «Алхимия и духовная эволюция» (Париж, 1988). — *Прим. ред.*

символом инерции, «мертвого света», чистый металл обладает необычайной хрупкостью и твердостью; оба эти свойства символизируют материю, способную принять формы духа.

Алхимия — это прежде всего наука и искусство трансмутации.

Глубоко изменяя природу вещей, она не выходит при этом за естественные рамки. В этом смысле она является наукой о бытии.

АЛХИМИЯ — ЭТО НЕ ОБЪЕКТИВНАЯ НАУКА

Алхимию часто рассматривали в качестве предшественницы химии. Однако такая концепция алхимии никоим образом не приведет нас к ее пониманию, так как химия предлагает совершенно иной подход к природным феноменам.

Безусловно, и в том, и в другом случае речь идет о естественных мутациях. Но если химия основана на наблюдении за феноменами и ее действие направлено *от внешнего (наблюдатель) к внутреннему (элементы материи)*, то алхимия при изучении явлений идет *от внутреннего к внешнему*, то есть от сути к формальному проявлению.

Когда речь идет о химии, мы можем говорить о *трансформации*, изучать изменение внешнего вида объектов и устанавливать классификацию, основанную на принципе *идентичности*: А есть А и не может быть Б, если они отличаются по форме. Алхимия открывает нам тайну трансмутации, постигаемую при помощи принципа *аналогии* между наблюдателем и объектом в

его становлении. Здесь имеются в виду два взаимодополняющих подхода к пониманию жизни; алхимия включает в себя химию, ибо она в конце концов имеет дело с трансформацией, или изменением, которая является одной из сторон любой трансмутации, или превращения.

В самом деле, понятно, что человек легко может измениться, если сменит грубую одежду на изящную и благородную, но ему гораздо труднее так изменить свою глубинную природу, чтобы благородство стало для него внутренне более естественным, чем грубость...

Вот такая заманчивая награда ждет того, кто желает изучить алхимию.

Что значит познать вещь изнутри?

Объективная наука предполагает использование точной техники, подобной интерфейсу между наблюдателем и объектом наблюдения. При этом в целях максимальной объективности никоим образом не принимается в расчет состояние души наблюдателя. Поэтому его может заменить даже компьютер.

Такая механизация сознания доступна всем без углубления в суть дела, и именно поэтому обучать этой науке относительно легко.

Овладев алхимическим языком, мы оказываемся перед совершенно иной формой педагогики, поскольку а priori создается впечатление, что алхимия и объективная наука полностью противоположны.

Алхимический язык — это поэтика, обращенная главным образом к воображению:

алхимические тексты не поддаются математической расшифровке, поскольку в них часто встречаются загадки, фантастические истории, героями которых являются создания, существующие лишь в воображении.

Это сбивает с толку и может стать препятствием для того, кто не будет заставлять работать свое воображение. Понимание изнутри ведет к тому, что собственный внутренний мир человека в достаточной степени обогащается символическими образами, готовыми войти в резонанс со смыслом текста. Невозможно понять что-либо, не видя основную мысль. Почему же именно эта мнимая преграда превращает алхимию в науку, оттачивающую столь многих?

Напомним: речь идет о том, чтобы познать живое существо, не препарировав его, то есть не заставляя его умереть.

Алхимия — это прежде всего искусство, а не техника. Это Искусство Любви, Царское Искусство, как говорили средневековые алхимики, и его герметический, сокровенный характер есть не что иное, как знак уважения к Живому: можно дотронуться до кого-либо путем простого физического прикосновения, но это даст лишь поверхностное, мимолетное и преходящее знание. Если же мы соприкоснемся с его сердцем, то нам откроется его истинное измерение, измерение существа, тело которого — не более чем оболочка, одежда.

Итак, говоря символическим языком, алхимическое знание основывается на умении заставить нашу внутреннюю струну вибрировать в гармонии с внутренней струной того существа, которое мы желаем познать, идет ли речь о человеке, животном, растении или даже о камне — почему бы и нет?

Для алхимика живым является все. Его задача — научиться вести диалог с тем, что живет в каждой вещи, то есть с тем, что может заставить ее измениться.

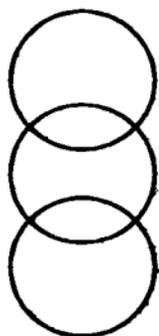
Алхимия — искусство циркуляции

Теперь мы можем лучше понять основное кредо алхимика:

«Освободить дух через материю и освободить материю через дух».

Такое двойное освобождение выражается через существование активной циркуляции между самыми плотными и самыми тонкими сферами бытия. Вот почему бессмысленно говорить о материальной или духовной алхимии.

Любое творение есть симбиоз Идеи и Субстанции. Алхимию интересует то, что их объединяет, связь,

МЫСЛЬ

Принципы, Архетипы, Умопостигаемое

ВООБРАЖЕНИЕ

Мечта, Мировоззрение, Символы

ДЕЙСТВИЕ

Осуществление, Материя, Чувственное

которая не может не быть парадоксальной, если принять во внимание противоположность этих двух миров. Лишь идея циркуляции может устранить это противоречие. *«Solve et coagula»**, еще один алхимический девиз, хорошо иллюстрирует такую циркуляцию: растворять и снова соединять вещество столько раз, сколько будет

* Разлагай и соединяй (лат.).

необходимо для получения самого совершенного симбиоза материи и духа — философского камня.

Таким образом, любое существо, чем бы оно ни было — минералом, растением, животным или человеком, — может стать философским камнем.

Мысль и Действие

Дух и материя вызывают в человеке два совершенно различных типа поведения: Мысль и Действие.

Мы мыслим через дух, а действуем через материю.

Но умеем ли мы реально связывать все наши действия с нашими мыслями и создавать из наших действий причину наших новых идей? Каким бы легким ни казался этот парадокс, он представляет собой ключ к любому алхимическому труду. Что надо сделать, чтобы получить необходимую мотивацию, которую мы называем энергией, для преобразования окружающего нас мира в соответствии с созданным нами идеалом?

В наше время, когда орудие труда все более отделяется от материи (возьмем, к примеру, информатику), осуществление Идеи становится все более сложным, и мы часто видим, как человек отказывается от своих планов, в то время как от своих Идеалов он отказывается не так легко.

А ведь даже элементарные усилия по конкретизации наших идей могут заставить нас глубоко измениться.

Мы являемся результатом своего труда. Изменить этот труд — значит измениться самим. Это залог развития и лучший «рецепт» против стресса, какой только может быть. Отсутствие такой работы является источни-

Слева — три мастера в библиотеке. Справа — мастер или его помощник, работающий в лаборатории. (Майер. *Tripus aureus*. 1618.)

ком внутренних блокировок, огорчений и разочарований. Человек, разрывающийся между Идеалистической Мыслью и ее конкретным воплощением, не находит иного убежища, кроме ухода в себя, состояния, противоположного Любви; он будет действовать без убеждения и думать, не заботясь о конкретизации. Перед таким человеком дверь в алхимическую мистерию неизбежно закроется.

Как примирить непримиримое?

Любой союз может быть выражен словом «любовь». Проблема циркуляции между духом и материей лежит,

таким образом, в промежуточной плоскости, не относящейся ни к тому, ни к другому миру и характеризующейся повышенной эмоциональностью. Любая задержка в движении вызывает «эмоциональный затор». Например, когда мы парализованы паникой, мы всего лишь эмоционально заблокированы: решение, находящееся в ментальном плане, которое могло бы нас спасти (например: если на меня нападают, я должен делать то-то и то-то), не находит доступа к «мотору» действия.

Но такой путь может быть не только воображаемым. Способность ярко представить себе то, что нужно сделать для преодоления препятствия, позволит нам «завести мотор» и начать действовать. Именно эту связь мы найдем во всех традициях, представляющих мир в троичном и трехфункциональном разделении.

Промежуточный мир, центр воображения

Вселенная, к которой принадлежит человек, функционирует благодаря взаимодействию Мысли и Действия в промежуточном мире, который мы, вслед за Анри Корбеном, будем называть воображаемым.

МЫСЛЬ *Принципы, Архетипы, Вневременные Модели*

ВООБРАЖАЕМОЕ *Мечта, Концепция, Символы*

ДЕЙСТВИЕ *Конкретизация, Материя, Преходящее*

Воображаемый мир так же реален, как реален предмет или Идея. Без него мы были бы подобны животным, неспособным, например, верить в кино, которое заставляет нас смеяться или плакать из-за появления на

экрane образа, наполненного для нас эмоциональным или аффективным содержанием.

Представляя собой мир образов, создаваемых нами во сне или в состоянии бодрствования, *Воображаемое является вместилищем всех парадоксов.*

Таким образом, оно одновременно является и той опасной областью, где находят прибежище привидения, и тем таинственным садом, находящимся вне времени, настоящим золотым веком, в котором наши действия черпают вдохновение, как в неиссякаемом источнике энергии. Какой человек смог бы прожить без такой поддержки структурирующих образов, придающих смысл всему, что имеет жизнь, — от мельчайшей песчинки до неизмеримой Вселенной? Не в этом ли мире находится человеческая реальность, реальность актера, играющего роль в театре жизни?

Творческое воображение, место духовной эволюции

Вернемся к концепции алхимии как бесконечной циркуляции энергии. Выше мы говорили о струнах, которые необходимо заставить вибрировать в нас самих, для того чтобы в вибрации находилось все, что нас окружает. Эти струны являются внутренними образами, квинтэссенцией конкретного мира, превращающими, например, дерево в вечный символ оси мира, но также являющимися силой, конденсирующей наши Идеи в Действия. Если мы способны выделить из наших действий энергию, превосходящую их, то мы становимся легкими в полноте бытия. Если будем действовать иначе, то станем источником истощения, приводящего к опус-

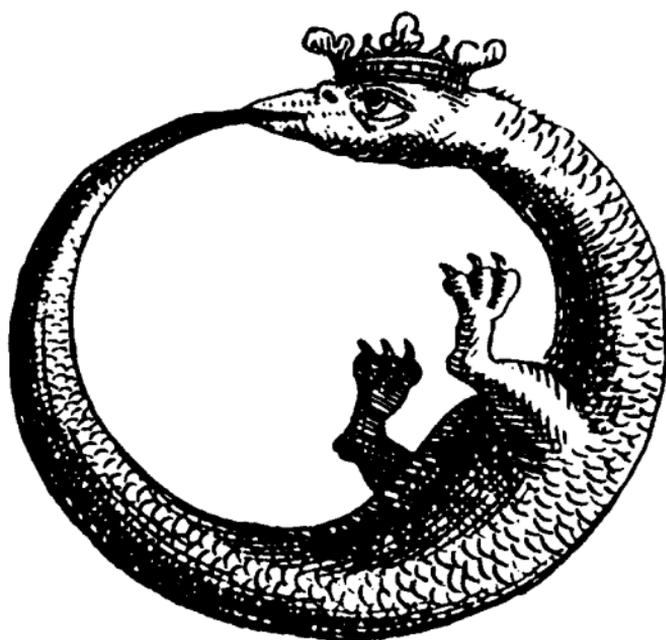
тошению и безжизненности. Искусство алхимии освобождает большое количество энергии, подобно тому как трансмутация вещества высвобождает избыточную энергию. Важно, чтобы эта энергия постоянно была под контролем и не стала подобием энергии атомной бомбы, растроченной понапрасну и дискредитировавшей себя.

«Solve et coagula»:

мысленно перемещаться благодаря энтузиазму действия, оживляющего наше воображение, и собирать эту энергию, чтобы вдохнуть ее в новые действия, — так можно определить Царское Искусство.

Тогда тайна философского камня раскрывается перед нами в виде совершенного существа, окруженного потоками энергий и наделенного искусством преобразовывать все, чего касается: в минеральном царстве философский камень будет преобразовывать свинец в золото; в растительном царстве он ускорит производство эликсиров; на человеческом плане он станет тем светлым существом, которое одним лишь своим присутствием способно открыть сердца людей, ищущих свою вершину. Иначе как понять тот факт, что в средние века Христа сравнивали с философским камнем? Как понять, что некоторые люди смогли изменить историю не только своих современников, но и многих последующих поколений?

Творческое воображение, место встречи чувственного и умопостигаемого, — есть орудие нашей собственной трансмутации.

АЛЬБЕРТ ПУАССОН
ТЕОРИИ И СИМВОЛЫ
АЛХИМИКОВ

Алхимия — наука самая туманная из всех, оставленных нам в наследство Средними Веками. *Схоластика* со своей тонкой аргументацией, *Теология* с двусмысленной фразеологией, *Астрология*, столь обширная и сложная, — детские игрушки в сравнении с *Алхимией*.

Откройте один из важнейших герметических трактатов XV или XVI века и попробуйте его читать. Если вы не специалист в этом предмете, не посвящены в алхимическую терминологию и у вас нет некоторого познания в неорганической химии, вы скоро закроете книгу.

Некоторые скажут, что эти аллегории бессмысленны, что таинственные символы придуманы для развлечения... На это можно ответить, что не мудрено отрицать то, чего не понимаешь, и мало людей, которых препятствия только побуждают вести борьбу. Эти последние — избранники науки — имеют настойчивость, основную добродетель ученого. Когда перед ними встает проблема, они начинают трудиться без устали, чтобы найти ее решение. Знаменитый алхимик Дюма, начав с одного факта, употребил десять лет на разработку закона металеписии, то есть замены элементов.

Текст печатается по изданию: Пуассон А. Теории и символы алхимиков. Издательство журнала «Изида», 1916. Были внесены лишь необходимые изменения в написание некоторых терминов и фамилий. — Прим. ред.

Герметические трактаты действительно темны, но под этой темнотой скрывается свет. Раз алхимическая теория открыта и известен ключ главных символов, вы можете смело предпринять чтение любого алхимического сочинения. Что вам казалось бессмысленным, окажется логичным, символы, которые вас удивляли, будут ясны, и вы будете находить удовольствие в их дешифровании.

* * *

Родина алхимии, как и многих других наук, — Египет, где знания находились в руках жрецов и посвященных, производивших опыты в величайшей тайне, в тишине святилища. Когда римляне завоевали Египет, тайны Изиды перешли к неоплатоникам и гностикам. Эту эпоху (II и III века христианства) можно считать временем зарождения алхимии. Тогда-то и были написаны первые трактаты, часть которых дошла до нас под именами Останеса, Пелага, Псевдодемокрита, Синезиуса, Зосимы, Гермеса, Клеопатры и др. Эти сочинения об искусстве делать золото, идущие бок о бок с металлургическими и экономическими рецептами, были отысканы М.Бертло, указавшим на них в своем «Введении к изучению химии» и в особенности в «Собрании трудов греческих алхимиков». Можно констатировать, что с тех пор алхимия оставалась неизменной во всей полноте своей теории до времени великого Лавуазье.

Когда варвары наводнили Европу, науки и искусства замерли, а цивилизация оказалась в руках арабов. Их химики были терпеливыми наблюдателями и искусными техниками; они увеличили объем науки и избавили ее от посторонних элементов: магии, каббалы и мистики. Самый знаменитый среди них, Гебер, первый упоминает об азотной кислоте и царской водке. Рядом с ним

Enigma Regis.

необходимо назвать имена Авиценны, Розера, Алфидиуса, Калида, Мориена, Авензоора.

Арабы поставили алхимию, так сказать, на ноги. С этих пор она идет большими шагами к своему апогею. Крестовые походы дали Западу славу и науку. Крестоносцы принесли драгоценные творения Аристотеля и трактаты арабских алхимиков.

Философия распустила крылья, у алхимии появились великие учителя: Алан де Лилль, Альберт Великий, Роджер Бэкон, Фома Аквинский, Раймонд Луллий;

в XIV и XV вв. — Джордж Рипли, Нортон, Бартоломей, Бернар Тревизан, Николай Фламель, Тритемий, Василий Валентин, Исаак Голланд и др.

* * *

С Василием Валентином алхимия вступает в новую эру и склоняется к мистицизму; она снова соединяется, как при своем зарождении, с каббалой и магией; в то же время появляется химия и, мало-помалу, отделяется от своей матери.

Самым знаменитым представителем алхимии в XVI веке был Парацельс. Никогда реформатор не был более жесток и никогда человек не имел более восторженных приверженцев и озлобленных врагов. Целого тома не хватило бы для перечисления сочинений его учеников и памфлетов его клеветников. Наиболее известными из его последователей были: Турнейсер, Кроллиус, Дорн, Рох Бельи, Бернард Пено Керцелянус и в особенности Либавий. Другие алхимики этой эпохи, не принадлежащие ни к какой школе, суть: известный Дионисий Захарий, Блез де Виженер, Барнальд, Гроспарми, Викольт, Гастон Клавес, Дюлко, Келли, Сендивогий, или Космополит. Можно поставить рядом с ними Джамбаттиста делла Порту, известного автора «*Magia Naturalis*» («Естественная Магия») и трактата о человеческой физиогномике (*Physionomie humaine*).

В XVII веке алхимия находится в полном своем блеске; адепты, рассыпанные по Европе, доказывали истину науки Гермеса удивительными трансмутациями. Настоящие апостолы науки, они, живя бедно, шли в большие города и обращались только к ученым; их единственным желанием было доказать истину алхимии фактами. Благодаря этому Ван Гельмонт, Бернард де Пизе, Кроссе де ла Гомери, Гельвений были обращены

в алхимиков. Результат был достигнут: жажда золота охватила весь мир, все монастыри имели лаборатории, князья и короли держали алхимиков на жалованье и совершали Великое Делание; медики, в особенности аптекари, отдались герметизму. В то же время появилось знаменитое общество розенкрейцеров, о котором до сих пор не знают ничего достоверного.

Трактаты алхимии, которые появились в XVII веке, бесчисленны, но в числе последователей уже не встречается имен, которые следовало бы назвать, кроме Филалета, президента Испании, Мишеля Майера и Планискампи.

* * *

В XVIII веке алхимия клонится к упадку, а химия, наоборот, прогрессирует и обособляется в науку. Открытия следуют одно за другим, факты накапливаются. Алхи-

Старинная карикатура на алхимика (по картине Питера Брейгеля Старшего, XVI век).

мия имеет еще сторонников, но они уже скрывают свои занятия, на них смотрят, как на безумцев. Нет более адептов; последователи довольствуются перепечаткой древних трактатов или же составлением компиляций, не имеющих никакой ценности. Имена отсутствуют; известны только: Пернети, Лангле Дюфренуа, автор истории герметической философии, Либуа, затем Сен-Жермен, Калиостро и Эттейла, деятельность которых сомнительна.

В наши дни алхимии не существует, остался только интерес к ее истории. Алхимиков, связанных с древним учением, осталось только два — Килиани и Камбриель. Что же касается Тифферо и Луи Люкаса, то они опираются на современную химию, чтобы прийти к тем же заключениям, что и алхимики, ибо, любопытная вещь, последние открытия науки стараются доказать единство материи и, следовательно, возможность трансмутации. Правда, уже Пифагор знал, что Земля обращается вокруг Солнца, но только спустя две тысячи лет Коперник восстановил эту старую истину.

* * *

Скажем теперь несколько слов о предлагаемой книге. Мною приложены все усилия, чтобы сделать ее по возможности ясной, но ввиду сложности предмета ее читать необходимо с вниманием и методично. Имеющиеся картины были воспроизведены фототипией. Имеющиеся цитаты, необходимые для подтверждения, приведены дословно.

В конце книги имеется словарь значения герметических символов, список авторов, цитированных в этом сочинении, эскиз современной алхимической библиотеки и, наконец, подробная аналитическая таблица*.

* В издании журнала «Изида» список цитируемых авторов, эскиз

Это сочинение представляет продолжение пяти моих этюдов по алхимии. Впоследствии я предполагаю выпустить Историю алхимии от древних времен до наших дней, затем — описание алхимических лабораторий, инструментов и опытов герметических философов*.

алхимической библиотеки и аналитическая таблица отсутствуют. —
Прим. ред.

* Смерть помешала автору закончить намеченную им программу. — *Прим. ред.*

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ
ТЕОРИИ

Определение алхимии. — Алхимия научная и герметическая философия. — Суфлеры и адепты. — Цели алхимии: Великое Делание, гомункулы, алкагест, палингенезия, Мировой Дух, квинтэссенция, жидкое золото.

то такое алхимия? Для нас это только естественная наука, мать химии. Но средневековые алхимики вот как определяют свою науку: Алхимия, говорит *Парацельс*, есть наука превращения одних металлов в другие. (*Это небо философов.*) Подобное же определение дается и большинством алхимиков. Так, *Дионисий Захарий* в своем сочинении, озаглавленном «Естественная философия металлов», говорит: «Алхимия — это часть естественной философии, показывающая способ усовершенствования металлов, подражая, по возможности, природе».

Роджер Бэкон, строгий мыслитель, дает более точное определение: «Алхимия есть наука приготовления некоторого состава или эликсира, который, будучи прибавлен к неблагородным металлам, превращает их в металлы совершенные» («Зеркало алхимии»). Подобно этому *Аргиропея* есть превращение серебра в золото, а *Хризопея* — превращение в золото земли. (См.: *G. Claves. Apologia Chrysopeiae et Arguropeiae.*) В XVIII веке, когда химия сияла во всем своем блеске, надо было

разделить обе эти науки, и вот как об этом говорит *Пернетти*: «Обыденная химия есть искусство разрушать составы, которые сформировала природа, тогда как герметическая химия помогает природе их совершенствовать» (см.: «Греческие и египетские легенды»).

Рисунок из сочинения Бархузена (*Barchusen. Elementa chemiae. 1718*). Алхимик перед началом Великого Делания молится в своей лаборатории.

Но все эти определения имели в виду только высшую алхимию, на поприще изыскания которой работало только два сорта лиц: *алхимики-суфлеры*, не имевшие понятия о теории и работавшие случайно. Они,

правда, искали философский камень, но только попутно, при производстве продуктов промышленной химии, каковы: мыла, искусственные драгоценные камни, кислоты, краски и пр.; это были родоначальники химии; они-то и продавали за деньги тайну изготовления золота; шарлатаны и мошенники, они делали фальшивые монеты. Многие из них были повешены на вызолоченных виселицах.

Напротив, *герметические философы*, гнушаясь подобными работами, предавались изысканию философского камня не из жадности, но из любви к науке. Они имели специальные теории, которые не позволяли им удалиться за известные пределы.

Так, в приготовлении философского камня они работали обыкновенно только над благородными металлами, между тем как суфлеры имели дело с различными произведениями царств растительного, животного и минерального. Философы придерживались доктрин, сохраняющихся в неприкосновенности целые века, тогда как суфлеры мало-помалу оставили дорогостоящие изыскания, к тому же крайне медленные, и занялись производством продуктов повседневного обихода, приносящих хороший доход; таким путем химия превратилась постепенно в особую науку и отделилась от Алхимии.

Лучше всего осветит вопрос отрывок из Беккера («*Physica subterranea*»): «Ложные алхимики ищут только способ делать золото, а истинные философы жаждут науки. Первые делают краски, поддельные камни, а вторые приобретают знание вещей».

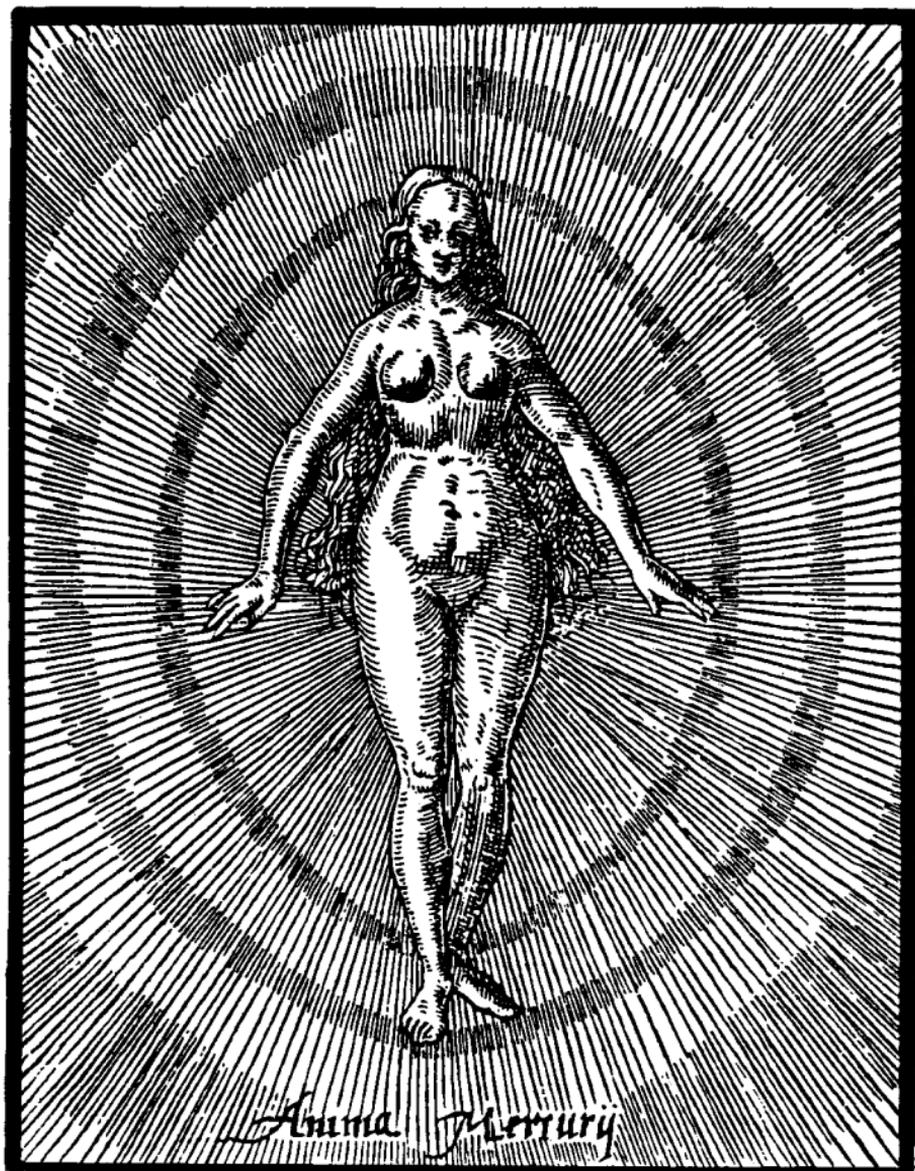
Теперь мы рассмотрим проблемы алхимии. Главная состояла в приготовлении *эликсира, магистерия, философского камня*, имеющего способность превращать обыкновенные металлы в золото или в серебро. Различали два эликсира: один — *белый*, превращавший металлы

в серебро; другой — *красный*, превращавший их в золото. Греческие алхимики знали это различие двух эликсиров; первый белил металлы, второй их желтил. (См.: *Berthelot. Origines de l'Alchimie.*) Вначале за философским камнем признавалось только свойство превращения металлов, но позднее герметические философы признали у него массу других свойств, как то: производить бриллианты и другие драгоценные камни, исцелять все болезни, продлевать человеческую жизнь долее обыкновенных границ, давать тому, кто им обладает, знания наук, силу влияния и могущества над небесными духами и т.д. Этот пункт разработан во второй части настоящего труда.

Первые алхимики имели целью только превращение металлов, но позднее они себе поставили много других задач и даже создание одушевленных существ. Легенда гласит, что Альберт Великий сделал деревянного автоматического человека — *андроида*, в которого могущественными заклинаниями вдохнул жизнь. Парацельс пошел дальше и предполагал сотворить *гомункула* — живое существо из мяса и костей. В его трактате «*De natura rerum*» (*Paracels. Opera omnia medico-chimico-chirurgica. Tome II*) имеется способ их создания. В одном сосуде заключаются различные животные продукты, коих мы не назовем; благоприятные влияния планет и легкая теплота необходимы для удачи операции. В сосуде образуется легкий пар и постепенно принимает человеческие формы; маленькое создание шевелится, говорит — рождается гомункул. Парацельс весьма серьезно описывает способ его кормления.

Алхимики искали также *алкагест*, или всеобщий растворитель. Эта жидкость должна была разлагать на составные части все погруженные в нее тела. Одни думали ее найти в едком калии, другие — в царской водке, Глаубер — в своей соли (серноокислом натрии). Они не сообразили только того, что если бы алкагест

действительно все растворял, то уничтожил бы и содержащий его сосуд. Но как бы ошибочна ни была

Anima Mundi — Мировая Душа. (*Thurneisser zum Thurn. Quinta essentia. 1574.*)

гипотеза, она помогает открытию истины; отыскивая алкагест, алхимики открыли много простых тел.

По существу, *палингенезия* приближается к идее гомункула, так как это слово означает воскрешение; и действительно, с помощью этой операции воспроизводили растение или цветок из его пепла, как указал Афанасий Кирхер в своем «*Mundus subterraneus*» («Подземный мир»).

Алхимики пробовали также извлекать *Spiritus Mundi* (Мировой Дух). Эта субстанция, разлитая в воздухе, насыщенная планетным влиянием, по их мнению, обладает массой удивительных свойств, в особенности — растворять золото. Они ее искали в росе, в «*flos coeli*» — небесном цветке или «*nostoc*» — тайнобрачном, появляющемся после больших дождей. «Дождь во время равноденствия служит мне, чтобы заставить выйти из земли «*flos coeli*» или универсальную манну, которую я собираю, гною и выделяю из нее чудесным образом воду — истинный источник молодости, радикально растворяющий золото» (*De Respour. Rares expériences sur l'esprit mineral*).

Проблема *Квинтэссенции* была рациональнее. Надо было извлечь из каждого тела самые деятельные части, непосредственным результатом чего являлось совершенствование очистительных процессов.

Наконец, алхимики искали «*or potable*» — жидкое золото. По их словам, золото, будучи телом совершенным, должно быть лекарством энергичным, сообщающим организму силу противодействовать всем болезням. Одни употребляли раствор хлористого золота, как это можно видеть в следующем тексте: «Если налить воды в этот раствор, положить туда олова, свинца, железа и висмута, то золото, брошенное туда, обыкновенно пристает к металлу, и, как только вы помешаете воду, оно, будучи подобно грязи, смешивается и собирается в воде» (*Glauber. La médecine universelle*).

Но обыкновенно шарлатаны продавали очень дорого под именем растворенного золота жидкость, имеющую желтый цвет, и в особенности раствор хлорной перекиси железа.

Таким образом, у алхимиков не было недостатка в предметах для испытания терпения, но большинство оставляло без внимания второстепенные задачи для *Великого Делания*. Большая часть герметических сочинений говорит только о философском камне, поэтому и мы займемся рассмотрением только этого вопроса, не затрагивая других, появившихся уже позднее в истории алхимии и разбивающихся на массу различных видоизменений.

Г Л А В А II

Алхимические теории. — Единство материи. — Три принципа: «сера», «ртуть», «соль», или «мышьяк». — Теория Артефюса. — Четыре элемента.

Часто приходится слышать мнение, будто алхимики брели ощупью, как слепые. Это большое заблуждение; они имели весьма определенные теории, основанные греческими философами второго века нашей эры и продержавшиеся почти без изменения до XVIII века.

В основании герметической теории лежит великий закон единства материи. Материя одна, но принимает различные формы, комбинируясь сама с собой и производя бесконечное количество новых тел. Эта первичная материя еще называлась «причиной», «хаосом», «мировой субстанцией». Не входя в подробности, *Василий Валентин* признает в принципе единство материи. «Все

вещи происходят от одной причины, все они были вначале рождены одной и той же матерью» («Char de Triomphe de l'antimoine»). Сендивогий, более известный под именем Космополита, еще определеннее выражает-

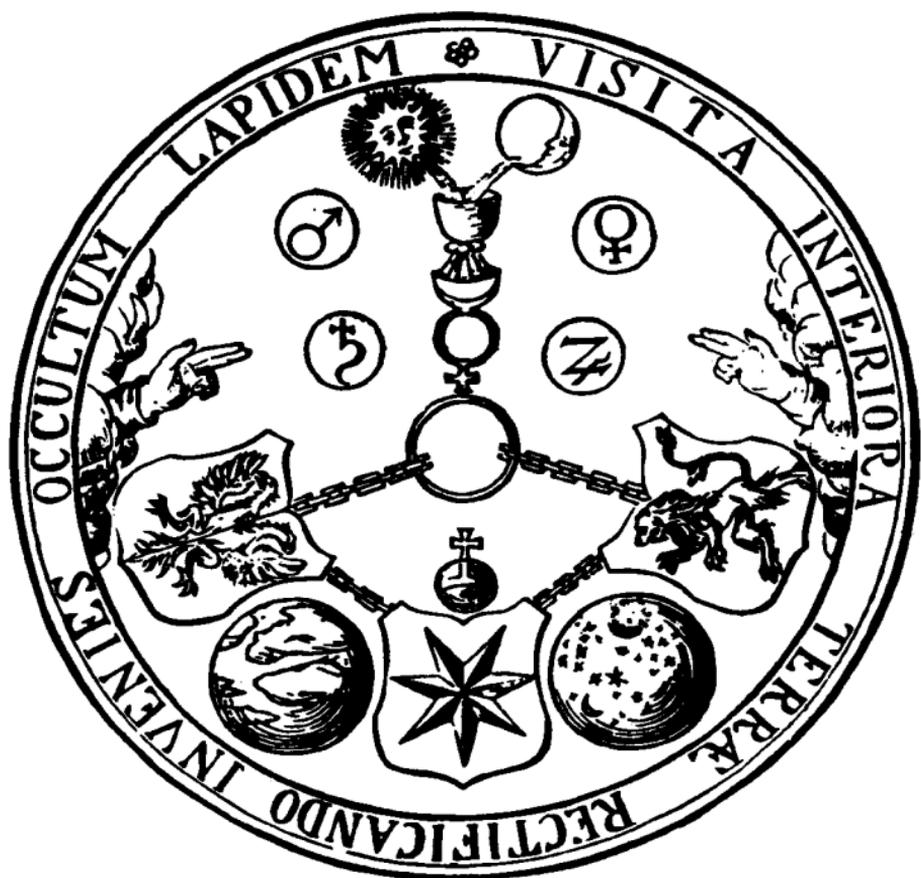

Рисунок из сочинения *Василия Валентина* «Azoth des philosophes». Первые буквы составляют слово «Vitriol», то есть *Купорос* по современной терминологии, — результат алхимического процесса; деятельное начало природы. Кроме того, символы семи металлов; орел представляет летучее начало, а лев — устойчивое.

ся в своих «Письмах». «Христиане, — говорит он, — хотят, чтобы Бог сначала сотворил известную первичную материю... и чтобы из этой материи способом отде-

лений были выделены простые тела, которые впоследствии, будучи смешанными одни с другими, посредством соединения послужили бы к созданию видимого нами... В творении была соблюдена последовательность: простые тела служили для образования более сложных». Наконец, он так резюмирует все сказанное: «1-ое — образование первой материи, которой ничто не предшествовало, 2-ое — разделение этой материи на элементы и, наконец, 3-е — посредством этих элементов составление смесей» (Письмо XI). Под именем смеси он понимает всякое составное тело.

Д'Эспанье дополняет идею Сендивогия, устанавливая постоянство материи, и говорит, что она может только изменять свои формы... Достигнув раз состояния субстанции, или существа, материя не может по законам природы лишиться индивидуальности и перейти к небытию. Вот почему *Трисмегист* говорит в «Пимандре», что на свете ничто не умирает и все только видоизменяется («*Enchiridion physicae-restitutae*»), причем он допускает существование первичной материи. «Философы думают, — говорит он, — что существует первичная материя, предсуществующая элементам».

Эта гипотеза, прибавляет он, уже находится в сочинениях Аристотеля. Заметим, он рассматривает качества, которые метафизики приписывали материи. Барле разъясняет этот пункт таким образом: «Всемирная субстанция включает все существующее без различия рода и пола, все грубое, плодородное, с отпечатком чувственного» (*Barlet. La théotechnie ergocosmique*).

Таким образом, первичная материя не есть какое-либо тело, но представляет все их свойства.

Обыкновенно допускали, что первичная материя — жидкость, вода, представлявшая в начале мира хаос. «Это была первичная материя, заключавшая все формы в возможности проявления... Это бесформенное тело

было водянисто, и греки называли его ὕλη (хилус), обозначая одним словом воду и материю» («Lettre philosophique»). Далее он говорит, что это был огонь, исполнявший активную роль по отношению к материи — женскому началу; таким образом получили начало все тела, составляющие вселенную.

Следовательно, гипотеза первичной материи имела одинаковые основы с алхимией; исходя из этого положения, было рационально допустить трансмутацию, то есть превращение металлов.

Вначале материю разделяли на «серу» и «меркурий» и полагали, что эти два начала, соединяясь в различных пропорциях, образуют все тела. «Все состоит из серной и ртутной материй», — говорит греческий анонимный алхимик.

Позднее прибавили третье начало: «соль», или «мышьяк», но не придавая ему такого значения, как «сере» и «меркурию». Эти названия ни в каком случае нельзя смешивать с общеупотребительными, так как они представляют лишь известные качества материи: так, «сера» в металлах обозначает цвет, горючесть, твердость, способность соединяться с другими металлами, тогда как «меркурий» значит блеск, летучесть, плавкость, ковкость. Что же касается «соли», то этим именем обозначали принцип, соединяющий «серу» с «меркурием», подобно жизненному началу, связывающему дух с телом.

«Соль» была введена как третье начало тернера, в особенности Василием Валентином, Кунратом и Парацельсом — одним словом, алхимиками-мистиками. Раньше Роджер Бэкон говорил о ней, но неуверенно, не приписывая ей специальных качеств и не отводя ей много места. Напротив, Парацельс сердился на предшественников, не знавших «соли».

«Они думали, что «меркурий» и «сера» были родоначальниками всех металлов, и они даже во сне не видели

третьего начала» (« Le Trésor des trésors»). Но «соль» и не представляла большого значения, и после Парацельса многие алхимики обошли ее молчанием.

«Сера», «Меркурий» и «Соль» представляют, следовательно, только отвлеченные понятия, удобные для обозначения группы свойств. Так, если металл был желтый или красный, трудно плавился, то говорили, что в нем слишком много «серы». Однако не надо забывать, что «сера», «ртуть» и «соль» произошли из первичной материи: «О чудо, „сера“, „ртуть“ и „соль“ дают мне возможность видеть три субстанции в одной материи — „свет, самопроизвольно исходящий из тьмы”» (*Marc Antonio. Lumière sortent par soi-meme des Ténèbres*).

Чтобы уничтожить в теле некоторые свойства, надо отделить «серу» или «ртуть»; например, сделать металл тугоплавким, обратить его в известь или окислить.

Другой пример: обыкновенная ртуть содержит посторонние металлы, остающиеся в реторте при ее очистке. Эта отделенная часть считается алхимиками «серой» обыкновенной ртути; перерабатывая эту ртуть, или живое серебро, в двухлористый раствор, получали летучее тело и думали, что этой операцией они изъяли «Меркурий-начало» из Меркурия-металла.

В заключение вопроса о трех началах надо упомянуть теорию Артефюса, алхимика XI столетия, для которого «сера» представляла в металлах видимые свойства, «меркурий» — свойства сокровенные и тайные. По его мнению, в каждом теле надо различать свойства видимые: цвет, блеск, протяжение, это — «сера»; затем свойства сокровенные, проявляющиеся под влиянием внешней силы, каковы: плавкость, тягучесть, ковкость, летучесть, это — «меркурий». Такое объяснение мало отличается от приведенного выше.

Рядом с «серой», «меркурием» и «солью» алхимики признают четыре элемента: «Землю», «Воду», «Воздух»

и «Огонь»; эти слова имеют совершенно иное значение, чем обыкновенно. В теории алхимии четыре элемента, как и три начала, представляют не стихии, а состояния материи, качества или свойства. «Вода» есть синоним жидкости, «земля» — это твердое состояние, «воздух» — состояние газообразное. «Огонь» — состояние газа, наиболее тонкое, как бы расширенное теплотой. Четыре элемента, следовательно, представляют состояния, под которыми представляется нам материя. Таким образом,

Христос в виде человека, стоящего на земном шаре и окруженного четырьмя элементами. (*Glanville. Le Propriétaire des choses. 1482.*)

на основании вышесказанного, логически — элементы составляют всю вселенную. Для алхимика всякая жидкость есть «вода», все твердое — «земля», по последнему анализу, всякий газ — «воздух». Вот почему в древних

трактатах по физике говорится, что обыкновенная вода при кипячении превращается в воздух. Это не значит, что вода превращается в смесь, составляющую атмосферу; но что вода, сначала жидкость, изменяется в воздушный флюид, или в газ, как это стали говорить позднее.

Элементы означали не только физическое состояние, но растяжимостью, распространением представляли качества материи.

«Все, что обладало качеством теплоты, называлось в древности огнем; что было сухо и твердо — землей; сырое и жидкое — водой; холодное и воздушное — воздухом» («Epitre d'Alexandre»).

Ввиду того, что вода превращается в пар, подобно всем жидкостям, когда их кипятят, а с другой стороны, твердые тела большею частью горючи — герметические философы уменьшили число элементов до двух видимых — «земли» и «воды», заключающих в себе элементы невидимые — «огонь» и «воздух». «Земля» содержит «огонь», а «вода» — «воздух» в невидимом состоянии. Если повлияет какая-нибудь внешняя причина, «огонь» и «воздух» проявятся. Сближая это положение с теорией Артефиуса, «земля» будет соответствовать «сере», «вода» — «меркурию» и т.д.

В сущности, четыре элемента с «серой» и «меркурием» представляют почти те же видоизменения первичной материи, назначенной представить остаток тел. Только «сера» и «меркурий», обладая металлическими качествами, применяются к металлам и минералам, между тем как четыре элемента прилагаются к растительному и животному царствам. Когда алхимик работает над обработкой дерева и получает в результате эссенцию или масло и субстанцию воспламеняющуюся, он говорит, что дерево состоит из «земли», «воды» и «огня». Позднее к четырем элементам прибавили пя-

тый — «Квинтэссенцию». Можно назвать твердые части «землей», жидкие — «водой», самые разреженные — «воздухом», природный жар — «огнем», а качества сокровенные называются небесными и астральными свойствами, или «квинтэссенцией» (*D'Espagnet. Enchiridion physicaerestitutae*). Эта квинтэссенция соответствует «соли». Отсюда видно, насколько теории алхимиков были стройны. Суфлер терялся в этой путанице: три начала, четыре элемента, всемирная материя; а философ легко согласовывал эти кажущиеся несоответствия. Зная это, будут ясны слова монаха Гелиаса: «Четырьмя элементами было сотворено все, что находится в этом мире, всемогуществом Бога» (*Hèlias. Miroir d'Alchimie*).

Эти теории существовали с начала существования алхимии. Греческий алхимик Синезиус в своем комментарии на сочинение Демокрита нам указывает на то, что в алхимической операции не создают ничего нового, а изменяют лишь форму материи. Греческий анонимный писатель, о котором мы упоминали, принадлежит к этой же эпохе. Что же касается четырех элементов, они были известны гораздо ранее. Зосима дает их совокупности название «Тетрасомата», то есть четыре тела. Вот таблица, резюмирующая алхимическую теорию.

Первичная материя, единая, неразруши- мая.	{ «Сера» — начало постоянное. «Соль». «Меркурий» — нача- ло летучее. }	«Земля» (видимое) — состояние твердое.
		«Огонь» (сокровен- ное) — состояние лу- чистое.
		«Квинтэссенция» — состояние эфирное.
		«Вода» (видимое) — состояние жидкое.
		«Воздух» (сокровен- ное) — состояние газообразное.

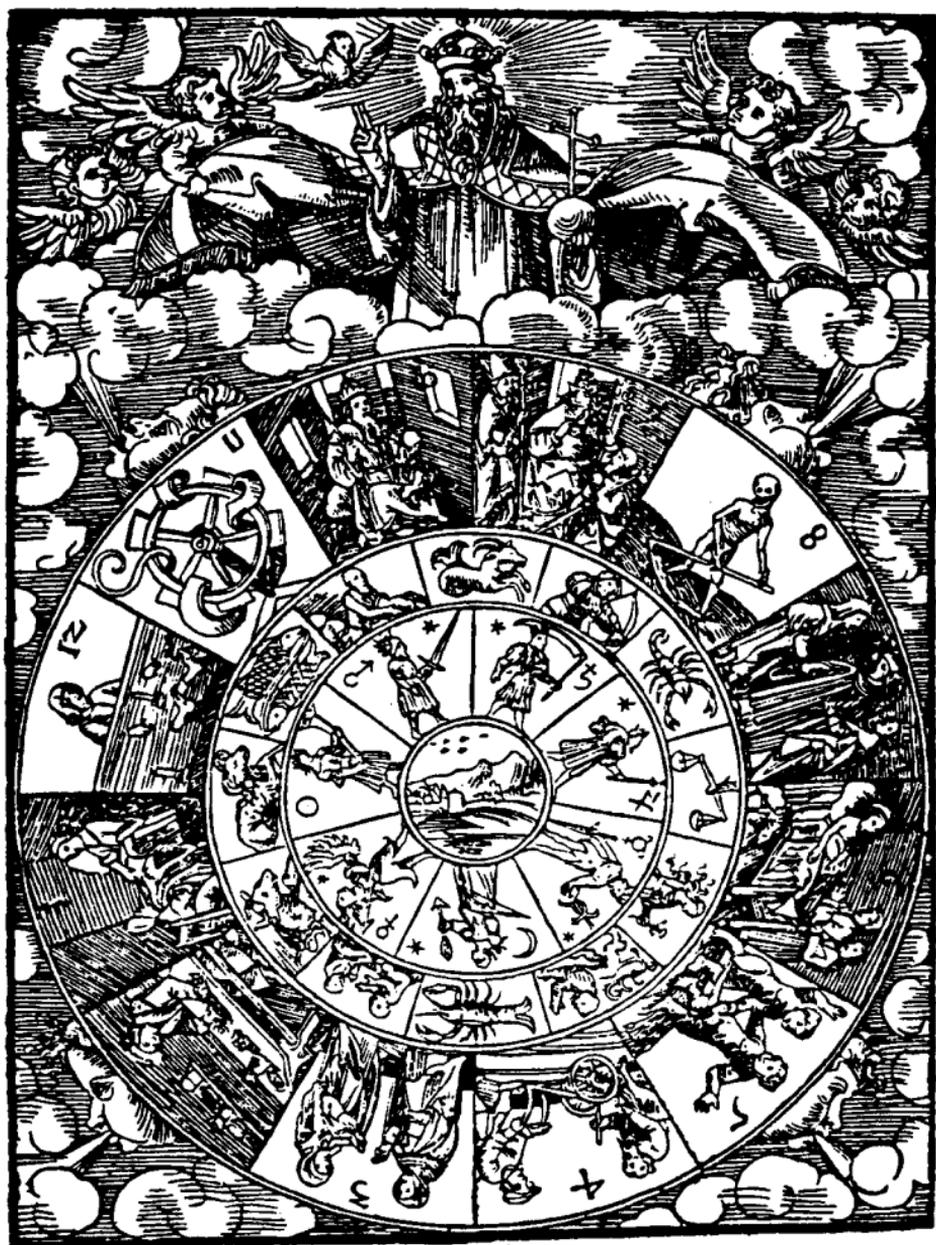
ГЛАВА III

Семь металлов. — Их составы. — Их бытие. — Центральный огонь. — Цикл формации. — Планетное влияние.

Алхимики работали, главным образом, на металлах, поэтому понятно, что они много писали о Книге Бытия и составе металлов.

Они дали им имена и знаки семи планет: Золото или Солнце — ☉, Серебро или Луна — ☾, Ртуть или Меркурий — ☿, Свинец или Сатурн — ♄, Олово или Юпитер — ♃, Железо или Марс — ♂, Медь или Венера — ♀. Они их разделяли на металлы совершенные, неизменяемые, каковы золото и серебро, и металлы несовершенные, изменяющиеся в «известь» (окись). «Элемент „Огня” изменяет металлы несовершенные и их уничтожает. Этих металлов пять — ☿ ♃ ♄ ♂ ♀. Металлы совершенные от огня не изменяются» (*Paracelse. Le Ciel des philosophes*).

Посмотрим, каково применение герметической теории к металлам. Прежде всего, все металлы должны происходить от одного и того же родоначальника — первичной материи. Герметические философы сходятся во мнениях относительно этого пункта. «Металлы сходны в „эссенции”. Они различаются только своей формой» (*Albert le Grand. De Alchimia*). «Есть только одна первичная материя металлов, она принимает различные формы, смотря по степени их варки или жжения и мощности влияния агента природы» (*Arnauld de Villeneuve. Le chemin du chemin*). Теория эта вполне применима к минералам. «Есть только одна материя для всех металлов и минералов» (*Basile Valentin*); и наконец: «Природа камней одна и та же, как и природа других вещей» (*Cosmopolite*).

Гороскоп, показывающий дома, знаки зодиака и планеты. Гравюра на дереве. (Erhard Schoen. 1515.)

Изречение Альберта Великого указывает на то, что материя одна во всех вещах, что все существующее разделяется лишь по форме, что атомы одинаковы между собою и, группируясь, составляют различные геометрические формы; отсюда происходит различие между телами. В химии аллотропия оправдывает прекрасно этот способ суждения.

Из этого следует, что «сера» и «меркурий» суть начала второстепенные и, в противоположность первичной материи, представляют собою только собрание качеств. «Таким образом, ты можешь ясно видеть, что сера не есть вещь отдельная от субстанции ртути и что это не простая обыкновенная сера, потому что, в таком случае, материя металлов не была бы однородной, что противоречило бы положению философов» (*Bernard de Trévisan. Livre de la Philosophie naturelle de metaux*). В том же сочинении Бернар Тревизан возвращается к этому предмету: «Сера не есть вещь, которую можно было бы отделить от ртути, но есть только та теплота и сухость, которая господствует над холодом и сыростью ртути. Эта сера после переработки преобладает над двумя другими качествами, то есть над холодом и сыростью, и им запечатлевает свои добродетели. Эти различные степени варки составляют различие металлов» (*Idem*). Сера горячеей природы и деятельна, ртуть природы холодной — пассивна. «Я сказал, есть два свойства: одно — активное, другое — пассивное. Мой учитель меня спросил, каковы эти два свойства. И я ответил: одно свойство горячее, другое холодное. — Какое свойство горячего? Горячее активно, а холодное пассивно» (*Artephius. Clavis majoris, sapientiae*).

Сера или ртуть могут господствовать в составе металлов, одним словом, некоторые качества могут быть сильнее других. Что же касается «соли», мы уже объясняли, что начало ее, неизвестное первым алхимикам,

даже впоследствии имело неопределенное значение, несмотря на разъяснения Парацельса. «Соль», или «мышьяк», была только связью, которая соединяла два других начала: «Сера, меркурий и соль суть начала, образующие металлы. Сера есть начало активное, меркурий — пассивное, мышьяк — связь, их соединяет» (*Roger Bacon. Breve breviarum de dono dei*). Бэкон так мало придавал значения «соли», что в других своих сочинениях о ней упоминает как о составном начале.

«Заметьте, — говорит он, — что основа металлов суть меркурий и сера. Эти два начала дали происхождение всем металлам и всем минералам, которых, между прочим, существует большое число различных пород» («*Miroir d'Alchimie*»). Следовательно, можно сказать, что все металлы состоят из «серы» и «меркурия», превратимых в первичную материю. «Ибо все металлы составлены из серы и имеют в себе меркурий, это семя металлов» (*Nicolas Flamel. Sommaire*). «Сера» есть отец (начало активное) металлов, говорит алхимия, а «меркурий» (начало пассивное) — их мать. «Меркурий есть ртуть, которая управляет семью металлами, ибо она их мать» (*Jean de la Fontaine. La fontaine des amoureux de science*).

Мы займемся теперь только «серой» и «меркурием» и их ролью в бытии металлов. Эти два начала разделены в недрах земли.

«Сера — под видом твердого тела, неподвижного и маслянистого; меркурий — в форме пара. Сера есть жир Земли, сгущенный в рудниках умеренной варкой до тех пор, пока не затвердеет» (*Albert le Grand. De Alchimia*). Притягиваемые постоянно одно к другому, два начала комбинируются в различных пропорциях, чтобы составить металлы и минералы. Но есть еще другие случайности, изменяющие свойства этих начал: степень варения, чистота, различные случайности. Алхимики допус-

кают действительное существование огня в недрах земли, смешение «серы и ртути», более или менее сваренных и изменяющих вследствие этого свои свойства. «Заметили, что свойства металлов, которые мы знаем, произошли от серы и ртути. Только различная степень варки производит разницу в металлической породе» (*Albert le Grand. Le Composé des composés*). О чистоте металлов говорят следующие строки: «Судя по чистоте составных начал, серы и ртути, получаются металлы совершенные или несовершенные» (*Roger Bacon. Miroir d'Alchimie*). Это заставляет нас сказать, что металлы несовершенные рождаются первыми: так, железо преобразуется в медь; эта последняя, совершенствуясь, обращается в свинец, который, в свою очередь, становится оловом, ртутью, затем серебром и, наконец, золотом. Металлы, следовательно, проходят известный цикл. «Мы ясно указали в „*Traité des minéraux*”, что происхождение металлов идет циклическим путем, они переходят один в другой кругообразно. Соседние металлы имеют сходные свойства, поэтому серебро легко превращается в золото» (*Albert le Grand. Le Composé des composés*). Глаубер пошел дальше; он пустил в обращение странную теорию, будто металлы, раз дошедшие до состояния золота, проходят цикл в обратном порядке и, делаясь все более несовершенными, доходят до железа для того, чтобы вновь подняться до благородных металлов; и так — до бесконечности. «Свойствами и силой „*Элементов*” каждый день нарождаются новые металлы, а старые, напротив, изменяются в то же время» (*Glauber. L'Oeuvre minéral*). Слово «элемент» имеет здесь значение «минеральной силы».

Золото есть совершенство и постоянная цель творчества природы; кроме недостаточного градуса варения или нечистоты серы и ртути, различные случайности могут затруднять его действие. «Я полагаю, что

природа имеет целью и старается непрестанно достигнуть совершенства, то есть золота. Но вследствие случайностей, затрудняющих ее действия, получается разнообразие металлов» (*Roger Bacon. Miroir d'Alchimie*). Одна из таких случайностей та, что рудник, где развиваются металлы, бывает открыт. «Например, когда начинают разрабатывать рудник и в нем находят металлы, еще не окончившие своего развития, а так как открытие рудника прерывает действие природы, эти металлы остаются несовершенными и никогда не достигают совершенства, а все металлическое семя, содержащееся в этом руднике, теряет свою силу и добрые качества» («*Texte d'Alchimie*»).

Мы не можем окончить этой главы, не сказав о влиянии планет на зарождение металлов. В средние века допускалась абсолютная связь между всем, находящимся на земле, и планетами.

«Земля не производит ничего, что не было бы посеяно в небе. Постоянные сношения между ними могут быть изображены пирамидой, вершина которой находится на Солнце, а основание — на Земле» (*Blaise de Vigenère. Traité du feu et du sel*). Также: «Знай же, о сын мой и самый любимый из детей, что Солнце, Луна и звезды постоянно влияют на центр Земли» (*Valois. Oeuvres manuscrites*). Мы уже видели выше, что алхимики объединили символы семи металлов и семи планет, которые их породили.

Эти теории восходят к самому корню алхимии. Прокл, философ-неоплатоник V-го века нашей эры, в своем «*Commentaire sur le Timée de Platon*» говорит, что натуральное золото, серебро и каждый из металлов, как и все другие минералы, зародились в земле под влиянием божественных сил неба. Солнце производит золото, Луна — серебро, Сатурн — свинец, а Марс — железо. (См.: *Berthelot. Introduction à l'étude de la chimie*.) Можно

указать и более древние источники. У персов металлы также были посвящены планетам, но они не соответствовали тем же светилам, как в средние века; так, олово было посвящено Венере, а железо — Меркурию.

Алхимики единогласно признавали влияние планет на металлы. Парацельс идет дальше и специализирует это действие. По его словам, каждый металл обязан своим рождением планете, имя которой он носит; шесть остальных планет, соединенные каждая с двумя знаками зодиака, дают ему различные качества. Так: «Луна обязана ♃, ♆ и ♄ своей твердостью и своей приятной звучностью. Она обязана ♀, ♀ и ♁ своей тугоплавкостью и плохой ковкостью. Наконец ♃, ♄ и ♆ дают ей ее плотность и однородное тело, и т.д.» (*Paracelse. Le Ciel des philosophes*).

В результате металлы и минералы, сформированные на основе первичной материи, составлены из серы и ртути. Степень варения, переменная чистота составов, различные случайности и планетные влияния производят различие металлов.

ГЛАВА IV

Мистическая алхимия. — Теории мечтателей. — Алхимическая каббала. — Тройное применение герметической теории. — Святилище.

У греков алхимия была по причине своего происхождения смешана с магией и с теургией. Позднее, благодаря арабским философам, эта наука обособилась, и только в XV и XVI столетиях она снова соединилась с другими оккультными науками.

С этого времени большая часть алхимиков искала в каббале, магии, астрологии ключ Великого Делания. Парацельс допускал учениками, как сам сообщает, только людей, знающих астрологию. «Мне надо возвращаться к моему предмету, чтобы удовлетворить моих учеников, которым я охотно помогаю, когда они обладают сведениями о природе, знают астрологию и, в особенности, когда они сильны в философии, научающей нас познавать основу существующего» (*Paracelse. Le Trésor des trésors*).

Тогда как его предшественники и современники — Калид (Calid), Валуа (Valois) и Блез де Виженер (Blaise de Vigenère) — допускали просто влияние светил при зарождении металлов, Парацельс шел дальше и определял, когда и как планеты влияют на металлы. Следуя этому учению, некоторые алхимики тесно связывали астрологию с герметизмом и никогда не начинали операций, не осведомившись, благоприятно ли влияние планет.

Парацельс ввел в алхимию каббалистические данные. Он изложил свои оккультные доктрины в своем «*Traité de Philosophie occulte*» и «*Archidoxes magiques*».

Это заставляет нас сказать несколько слов о каббале. Эта наука учит перестановке и разложению слов, определению численного их достоинства и установлению выводов, сообразуясь со специальными правилами. Таким образом, число золота по-еврейски будет 209, это — украшение минерального царства и соответствует значению Иеговы в мире Духов.

Хёффер в своей «Истории Химии» посвятил несколько страниц применению каббалы к свойствам металлов. Алхимия — наука наблюдательная и потому не может ничем воспользоваться от каббалы, науки чисто спекулятивной.

Введение посторонних элементов должно было сделать ее еще темнее, и Парацельс в этом отношении ошибался.

Еще раньше него Василий Валентин сделал несколько опытов в этом отношении; он разлагает слово азот следующим образом: «Азот заключает в себе все,

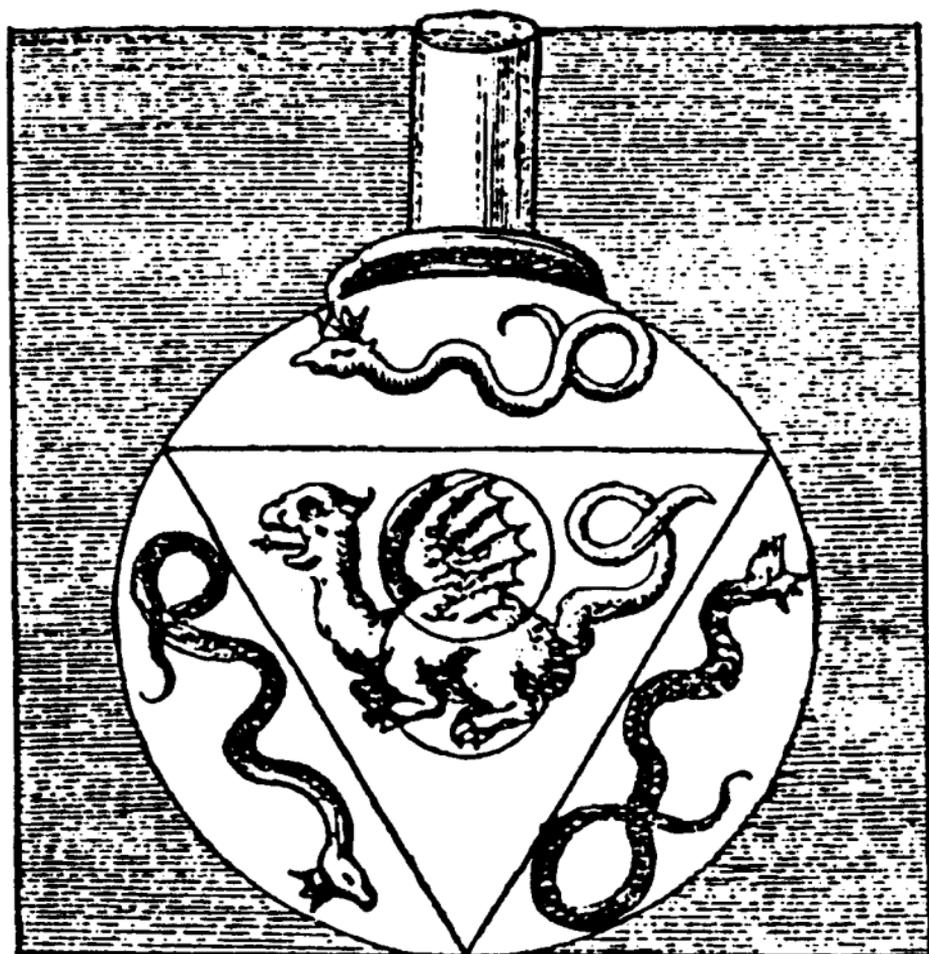

Рисунок из книги Василия Валентина «Douze clefs de Sagesse». Дракон символизирует первичную материю, один из кругов отделяет крылья — летучее, другой — твердое; три змеи и треугольник представляют три начала. Все это заключено в философское яйцо.

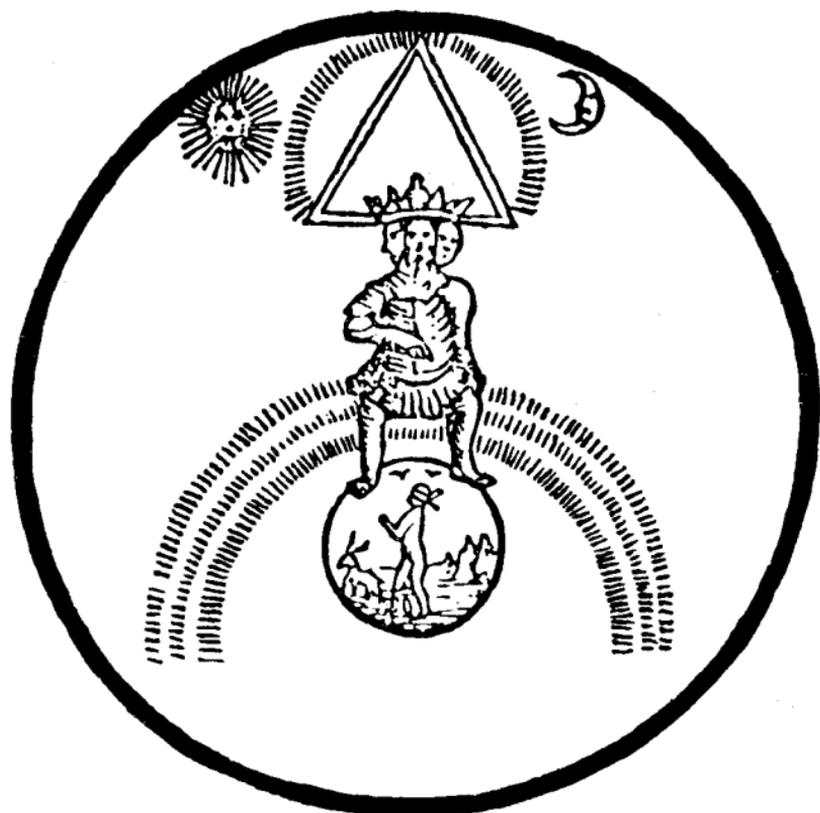
потому что он есть A и Ω — начало и конец всего. Философы составили слово AZOT так: итальянцы ввели A и Z , греки — α и ω (альфу и омегу), евреи — алеф и

тау; из соединения первой и последних букв и получилось это слово» («L'Azoth des philosophes»).

После Парацельса только два автора трактовали об алхимической каббале. Это Пантей (Panthée), венецианский священник, и англичанин Джон Ди (Jean Dee), алхимик и математик. Пантей написал два трактата: «Ars et Theoria transmutationis metallicaе» и «Voarchadumia». Из них видно, что число творения есть 544, число гниения — 772, что ртуть, золото и серебро соответствуют еврейским буквам: фе, тау, бет, и тому подобные бредни. Джон Ди в своем трактате «La monade hiéroglyphique» пробовал создать особую каббалу с помощью алхимических символов. Так например, символ ртути он составил из символа луны ☾, солнца ☉ и четырех элементов +. Далее, знак солнце представляет монаду, изображенную точкой, вокруг которой круг, символизирующий мир ☉. Эти любопытные указания находятся во втором томе его «Theatrum chemicum».

Эти алхимики и некоторые другие, как Кунрат (Khunrath), Майер (Mayer) и Блез де Виженер (Blaise de Vigenère), ввели в науку новое толкование алхимической теории. Тогда как науки точные и естественные применяют индукцию и дедукцию, науки оккультные делают выводы, основываясь на аналогии, поэтому они приложили тот же метод и к алхимии. Оккультизм говорит — существуют три мира: материальный, человеческий и божественный. В мире материальном мы имеем серу, ртуть и соль, начала всех вещей, и одну материю; в мире человеческом, или микрокосме, — тело, дух и душу, объединенные в человеке; в мире божественном — три лица Св. Троицы в Едином Боге. «Таким образом, троица заключается в единице, и единица — в троице, ибо здесь — тело, дух и душа, а там — сера, ртуть и мышьяк» (Bernard de Trévisan. La Parole délaissée).

Великое Делание имеет тройную цель. В мире материальном — преобразование металлов, доводя их до золота, до совершенства; в микрокосме — моральное совершенствование человека; в мире божественном — созерцание Божества в его Славе. Во втором из этих значений человек есть философский атанор, в котором совершается выработка добродетелей; в этом смысле, по словам мистиков, надо понимать слова: «Великое Делание есть у вас и с вами, так что, находя его в себе, где оно находится постоянно, вы его имеете всегда, где бы вы ни были, на земле или на море» (*Hermes. Les sept chapitres*).

Меркурий-трицефал в виде человека. Внизу слепец, ведомый животным. (*Kelley. Tractatus de Lapide philosophorum. 1676.*)

Алхимики-мистики понимали под именами Серы, Меркурия и Соли — Материю, Движение и Силу. *Меркурий* — начало пассивное, женское, материя; *Сера* — начало активное, мужское — сила, формирующая материю и дающая ей вид посредством движения, которое есть *Соль*.

Соль представляет начало промежуточное, результат приложения силы к материи; символически это есть новое существо, рождающееся от соединения мужского с женским. Это основное положение не находится в противоречии с современной наукой. Современная химия не пренебрегает гипотезой единства материи, принятой уже с давних пор метафизикой как необходимой для объяснения проблемы мира. Английский ученый Крукс называет эту материю протилем; по его теории, наши простые тела суть только полимеры (многосоставные) протилея. С другой стороны, весьма справедливо положение, что материя сама по себе инертна и имеет особенные свойства только тогда, когда находится в движении, а всякое движение развивает теплоту; следовательно, при 273° ниже ноля (при абсолютном калорическом нуле химических свойств не существует) серная кислота не может действовать на поташ; наконец, единство силы также необходимо для объяснения физических явлений. Ни один ученый в настоящее время не находит разницы между причинами магнетизма, теплоты, электричества, света и звука; флюиды уже не существуют, они заменены силами, действующими одни на другие. Силы различаются числом колебаний материи, которое они производят; причем какое-либо тело во время движения или вибрируя, что одно и то же, производит сначала звук, затем нагревается и, наконец, излучает свет. Где кончается звук, где начинается тепло и свет? Где переходные ступени? *Natura non facit saltus* (природа не делает скачков).

Надо прибавить, что алхимики средних веков только предвидели эту высшую теорию; состояние других наук

не позволяло им этого. Для них, как мы показали, материя была единой; они называли ее «первичной материей», или хилусом; они признавали также единую силу вселенной. Бодуэн называет ее всемирным магнетизмом, магнетической серой; для мистиков сила есть сера Бога, первое начало жизни и движения. Парацельс называет ее археем. Архей есть сила, непрестанно действующая, которая, влияя на материю, заставляет ее двигаться и дает ей форму. Термины «арес» и «клиссус» имеют у него почти тот же смысл.

Что касается движения, они его приравнивали к огню, который представляет действительно образ материи, приведенной в действие силой.

Такова была высшая алхимическая теория, которой обладало небольшое число адептов. Как не удивляться этому прекрасному синтезу, достаточному алхимикам, как он некогда удовлетворял Пифагора, Демокрита и Платона, возвышая их до понимания высших истин.

Алхимики представляли эту теорию в виде треугольника, символа абсолютного равновесия; в первом углу они ставили знак серы, символа силы; во втором — знак ртути, символа материи; в третьем — знак соли, символа движения.

В заключение приведем таблицу аналогий тройного применения алхимической теории.

Серя	<i>Самец,</i> мужское начало	Сила	Причина
Меркурий	<i>Самка,</i> женское начало	Материя	Предмет
Соль	<i>Детеныш,</i> среднее начало	Движение	Результат

Таким образом, материя, единая по существу, различается сама по себе формой как следствием движения, которое ей придает сила.

ЧАСТЬ
ВТОРАЯ
СИМВОЛЫ

Причины неясности трактатов алхимии. — Средства, употребленные алхимиками, чтобы скрыть способ Великого Делания. — Знаки. — Символы. — Мифологические имена. — Иностранные слова. — Анаграммы. — Басни. — Загадки. — Аллегии. — Криптография.

ерметические трактаты темны для читателя: во-первых, потому, что читатели обыкновенно не знакомы с алхимическими теориями; затем и в особенности потому, что философы преднамеренно их затемняли. Они смотрели на алхимию как на самую высокую науку. «Алхимия есть искусство из искусств, это — истинная наука», — вскричал восторженно Калид в «Книге трех слов» («*Livre des trois paroles*»). Подобная наука должна быть известна, по их мнению, только небольшому числу адептов. Можно ли их порицать за это? Теперь нам кажется такой взгляд преувеличенным, но в древности мистерии служили для передачи некоторых законов природы и правил философии. В средние века корпорации ремесленников имели практические секреты, которые ни один член корпорации не отважился бы разоблачить. Приготовление некоторых красок составляло драгоценное наследие, которое великие художники передавали своим наиболее любимым ученикам. Между тем как ученые, не колеблясь, продавали решения запутанных проблем, герметические

философы скрывали свою науку и никому ее не продавали. Когда попадался неопит, достойный посвящения, они указывали ему дорогу, не открывая, однако, всего сразу. Они требовали, чтобы он добивался сам, и только наводили его и поправляли: один указывал состав материи Великого Делания, другой — градусы тепла, порядок окраски, принимаемой составом, устройство химической печи — атанора; но не было ни одного полного описания всего Великого Делания, так как они верили, что могут за это навлечь на себя небесную кару — моментальную смерть. «Я не представляю себе, — говорит Фламель в разборе Авраама Еврея, — возможности написать это понятным латинским языком, так как Бог тотчас покарал бы меня» («Explication des Figures de Nicolas Flamel»).

Что же касается обвинения алхимиков в затемнении смысла и символичности, которое могли бы возвести на них слишком усердные теологи, то мне кажется, что символы и странные фигуры, наполняющие их сочинения, могли бы больше всего служить к обвинению в магии. Роджер Бэкон, Альберт Великий, Арнольд из Виллановы не избежали обвинения в магии и безбожии. А, между тем, алхимики были весьма набожны: в их писаниях постоянно попадаются воззвания к Богу. Они делили свое время между изучением, работой и молитвой. Некоторые думали даже, что тайну изготовления философского камня люди получили от самого Бога.

Ранее, чем объяснить символы, относящиеся к Великому Деланию, мы укажем, какие средства употреблялись алхимиками, чтобы скрыть от профанов науку священного камня.

Прежде всего установлены знаки. Они появились вместе с алхимией. Греки ввели их первыми, получив свою науку от египтян, где она изображалась с помощью иероглифов. Знак воды одинаков с иероглифом воды,

подобно другим, например, золота и серебра. (См.: *Hoef-fer. Histoire de la Chimie. T. I,* и *Berthelot. Origines de l'Alchimie.*) Алхимические знаки весьма многочисленны в некоторых трактатах, например, у Кунрата (*Khunrath. Confessio de chao-physico-chimicorum*), где он заменяет ими названия химических тел и стадии операции.

Символы имели такое же большое применение; так, например, взлетающие птицы означали отделение пара,

Орел и лебедь как символы очищенных спиртов. На переднем плане — Сатурн. (*Mylius. Philosophia reformata. 1622.*)

а птицы опускающиеся, наоборот, — поспешность, стремительность, опрометчивость. Феникс был символом камня совершенного, способного обращать металлы в золото и серебро. Ворон символизировал черный цвет, который принимает материя в начале процесса Великого Делания, когда ее нагревают. Странная герметическая

книга «Liber Mutus», или «Livre sans paroles», в сущности, содержит только одну строчку текста. Она состоит из символических рисунков, иллюстрирующих процесс Великого Делания.

Мифологические имена были в большом ходу. Марс обозначал железо, Венера — медь, Аполлон — золото, Диана, Геката или Луна — серебро, Сатурн — свинец; золотое руно обозначало философский камень, а Бахус — материю земли. Это греко-египетский символизм; в средние века мифологическими именами пользовались для обозначения металлов, но в конце XVI века они так усложнились, что бенедиктинец дон Иозеф Пернети должен был написать два толстых тома («Fables grecques et égyptiennes dévoilées»), чтобы объяснить их смысл и происхождение.

К мифологическим именам присоединилось большое количество иностранных слов: еврейских, греческих и арабских. По происхождению алхимии, в ней должны встречаться греческие слова, каковы: *hylé* — первичная материя, *hypoclastique* — сосуд для отделения летучих масел, *hydrooleum* — эмульсия масла и воды и т.д.

Арабские слова там еще более многочисленны, как то: *эликсир*, *алкоголь*, *алкалы*, *боракс*, кроме не дошедших до нас, забытых, но находящихся в герметических трактатах, каковы: *alcani*, *étain*, *alafar*, *matras* и т.д. Что касается еврейских названий, то их можно встретить только в алхимически-каббалистических трактатах. Для изучения всех этих названий мы попросим читателя обратиться к «Dictionnaire mytho-hermétique» Пернети и «Lexicon chemicum» Джонсона.

Очевидно, что эта специальная терминология должна быть достаточна для устранения профанов, но алхимики пользовались еще и другими средствами. Они часто употребляли анаграммы. В конце «Songe verd» находится несколько, и вот объяснение двух из них:

«Seganissegède» означает гения мудрости, а «Tripsarecorsem» — дух, тело, душу.

Они пускали в ход притчи. Вот одна, легко объяснимая. «Весь мир знает камень, а я клянусь Богом живым, что все могут иметь материю, которую я ясно назвал в книге: «vitrium», для невежд, но надо к нему прибавить L и O; вопрос в том, куда надо поставить эти буквы» (*Helias. Miroir d'Alchimie*). Искомое слово есть «vitriol» (купорос).

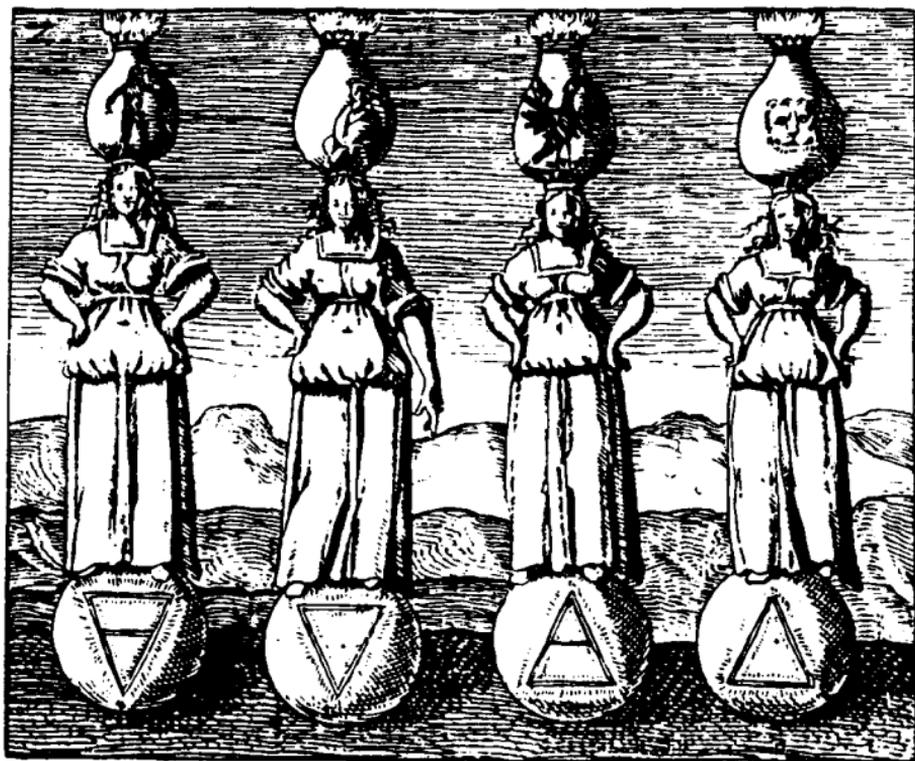
Любопытная загадка, хорошо известная алхимикам находится на стр. 744 третьего тома «*Theatrum chemicum*», сопровождаемая комментариями Николая Барнальда (*Nicolas Barnauld*). Вот она: «*Aelia Laelia Crispis*» есть мое имя. Я ни мужчина, ни женщина, ни гермафродит, ни дева, ни юноша, ни старуха. Я ни развратница, ни девственница, но все это взятое вместе. Я не умирала ни от голода, ни от железа, ни от яда, но от всех этих вещей сразу. Я не покоюсь ни на небе, ни на земле, ни в воде, но повсюду. „*Lucius Agatho Priscius*”, который не был ни моим мужем, ни моим любовником, ни моим рабом, без горечи, без радости, без слез велел меня похитить, не зная и не ведая, для кого этот монумент, представляющий ни пирамиду, ни мавзолей, но оба вместе. Вот могила, не вмещающая в себя трупа, и труп, не заключенный в могилу. Труп и могила составляют одно». Барнальд устанавливает в своем комментарии, что эта выдержка касается философского камня. Другой ребус, не менее знаменитый, заимствован из греческих авторов. «Во мне девять букв и четыре слога; помни обо мне. — Первые три имеют каждый по две буквы. — Другие имеют остальные пять согласных. — Узнай меня, и ты будешь обладать мудростью». Разгадка, по-видимому, будет «*Arsenicon*».

Имеется еще способ затемнения смысла; это — акrostих. В нем начальные буквы слов какой-либо фразы или надписи составляли слово, скрываемое гер-

метическими философами. Мы дали два таких акрости-
ха в прилагаемых рисунках.

Вот средства сокрытия слов. Укажем теперь, как
алхимики скрывали идеи.

На первом месте стоят легенды, заимствованные из
греческой, латинской и египетской мифологии. Их нахо-
дят у позднейших алхимиков в эпоху Возрождения.
Мифами пользовались не только для сокрытия Великого
Делания, но, напротив, старались доказать, что Гомер,

Четыре стадии алхимического процесса. На шарах обозначены четыре
элемента. (*Mylius. Philosophia reformata. 1622.*)

Вергилий, Гесиод, Овидий были адептами и учили
практике камня. Наиболее странное мнение приписы-
вало Адаму знание камня. Пернети в своем словаре, не
колеблясь, дает герметическое объяснение «Илиаде» и

Фигура, заимствованная из II-го тома сочинений Манже (*Mangeti. Bibliotheca chimica*). В середине между семью металлами находится «ребис» — гермафордит, одновременно мужчина и женщина, устойчивость и летучесть, «сера» и «меркурий». Легучий шар — символ материи, оживляемой жизненной силой, «археум». Дракон — символ единства материи, треугольник — три начала; квадрат и крест — четыре элемента.

«Одиссее». Ни один миф не ускользает от его объяснения. Его работа очень любопытна, но утомительна. Пернети был последователем Либуа, написавшего «Энциклопедию богов и героев» (*Libois. Encyclopédie des dieux et des héros, sortis des quatre éléments, et de leur quintessence, suivant la science hermetique. 2 vol.*).

Аллегорические истории применялись алхимиками также во все времена. Грек Зосима делает об этом довольно типический доклад, сообщаемый Хёффером в «*Histoire de la Chimie*». В одной более современной книге указаны цвета, принимаемые материей во время Великого Делания: черный, серый, белый, желтый, красный: «Так, когда я намеревался путешествовать, то встретился между двумя горами с важным господином и скромным и серьезным крестьянином, одетым в серый плащ и черную шляпу; на шее его был повязан белый шарф, а талия стянута желтым поясом; на ногах его были красные сапоги» («*Cassette du petit paysan*» par Ph... Vr...). Аллегория продолжается на нескольких страницах. Много любопытных аллегорий можно встретить в этой литературе, каковы: аллегии Мерлина и Хёффера или в историческом очерке Фигье «Алхимия и алхимики». Эти авторы дают им весьма забавные толкования; так, Хёффер видит в аллегии Мерлина указание химического анализа, произведенного как сухим, так и сырым путем.

Теперь остается сказать о криптографии, то есть об искусстве секретного письма при помощи специальных букв и знаков или иносказательной передачи истинного значения. Алхимики употребляли специальные азбуки, составленные из герметических знаков, иногда с примесью цифр. Иоганн Третгейм в своей «Полиграфии» («*Polygraphia*») приводит несколько азбук, составленных из особенных знаков.

Иногда алхимики писали слова наоборот или прибавляли ненужные буквы, тогда как другие выпускали

буквы. Парацельс тоже искажал слова; так, вместо «*Aroma philosophorum*» у него написано «*Aroph. D'Atre mont*»; в «*Tombeau de la pauvreté*» он даже заменяет целые фразы. К счастью, в конце книги находится ключ или перевод этих странных терминов.

Раймонд Луллий предпочитает особый способ криптографии, обозначая главные периоды опыта, произведения и препараты буквами азбуки. Так, в его «Процессе видоизменения души» («*Compendium animae transmutationis*») написано: «Посмотри, сын мой, если ты возьмешь F и поставишь его в C, то получишь H, то есть первую фигуру F.C.H., и т.д.» F означает металлы, C — кислоты, растворяющие металлы, а H — огонь первой степени.

Каждый алхимик употреблял особые способы криптографии; эта пространная наука бесполезна и увлекла бы нас слишком далеко. Достаточно того, что мы уже сказали о самых распространенных приемах.

ГЛАВА II

Символы алхимии. — Материя, три начала, четыре элемента, семь металлов и их символы.

Пантаклями называются символические фигуры, составленные из самых разнообразных элементов, которые резюмируют собой целую теорию. Пантакль помогает понять и запомнить какую-нибудь систему. Это — краткая формула, которую можно развивать по желанию. Пантакли нередки в трактатах алхимии. В сочинениях В.Валентина «Двенадцать ключей мудрости» и Г.Кунрата «Зрелище вечной мудрости» содержится их

большое количество. В сочинении Бархузена «Химические элементы» (*Barchusen. Les Elements chimiques*) содержится трактат о философском камне, где ход операции изображен в 78 пантаклях. Четыре большие фигуры *Ионитора Пансофуса* (*Ianitor Pansophus*) резюмируют всю герметическую философию. Мы будем иметь случай дать краткое объяснение многих из этих фигур.

В этой главе мы рассмотрим символы, или пантакли, которыми алхимики резюмировали свои теории.

Греки изображали первичную материю змеем, кусающим свой хвост. Это — *Уроборос* гностиков. В середине круга, составленного таким образом, они писали формулу $\epsilon\nu\ \tau\acute{o}\ \pi\acute{\alpha}\nu$ (единое — все). Эта фигура находится в Хризопее Клеопатры («*Chrysopée*» *Cléopâtre*), см.: *Berthelot «Origines de l'Alchimie»*. Далее, единство материи изображалось просто крестом.

Три начала имеют свои специальные знаки: знак «*Меркурия мудрых*» изображается кругом, сверху которого помещается луна, а внизу — крест; так же представляют обыкновенную ртуть. «*Сера философов*» изображается треугольником, имеющим внизу три стрелы или крест. «*Соль*» изображалась перечеркнутым посередине кругом. Три начала символизированы тремя лицами: Отцом, Сыном и Духом Святым. Эти принципы представлены также тремя змеями или одним змеем с тремя головами, чтобы показать, что они имеют только один корень — материю, подобно Пресвятой Троице, совмещающей три лица в одном. Мы уже видели, что три начала сводились к двум: «*Сере*» и «*Меркурию*»; их изображали тогда двумя змеями, составлявшими круг. Один, с крыльями, представлял «*Меркурия*», женское, летучее; другой, без крыльев, изображал «*Серу*», мужское и устойчивое.

Четыре элемента имеют следующие знаки: «*воздух*» изображается треугольником, поставленным верши-

ной кверху и перечеркнутой линией, параллельной основанию; «вода» — треугольником вершиной книзу; «огонь» — треугольником вершиной кверху; «земля» — треугольником, поставленным вершиной книзу и перечеркнутой линией, параллельной основанию. Шестиконечная звезда и четырехугольник символизируют четыре элемента. Элементы эти были символизированы еще следующим образом: «воздух» изображался пти-

Король изображает золото; дети, стоящие перед ним на коленях, изображают шесть других металлов. Они умоляют золото, чтобы оно передало им свое совершенство. (*Bonus. Pretiosa margarita novella. 1546.*)

цей; «вода» — кораблем, рыбой или сосудом, наполненным водой; «огонь» — саламандрой, драконом, изрыгающим пламя, зажженным факелом; «земля» — горой, львом — царем зверей — или человеком. Таким образом они изображены в главе «Gloria mundi» сочинения «Museum hermeticum». В знаке «меркурия» видели

изображение кадуцея — жезла греческого бога или египетского бога с головой ибиса, над которой находится диск солнца и рога, символизирующие плодородие. Алхимики изображают часто металлы под видом олимпийских богов: *Сатурн*, вооруженный косой, представляет свинец; *Марс* в каске и с мечом — железо; *Меркурий* с кадуцеем и крыльями на ногах и голове — ртуть и т.д. Это представлено на картине, находящейся в соч. «*Viatorium spagyricum*». На гравюре в сочинении «*Pretiosa margarita*» металлы изображены в виде шести юношей, стоящих на коленях перед королем, сидящим на троне и представляющим седьмой металл, самый совершенный — золото. Текст гласит, что каждый просит у короля царства. После ряда видоизменений, символизирующих Великое Делание, король исполняет их просьбу, и последняя фигура изображает их коронованными, то есть превращенными в золото; но это скорее относится к Великому Деланию, о котором мы будем говорить в следующих главах.

ГЛАВА III

Теория Великого Делания. — Материя Великого Делания. — Сера и Меркурий. — Их символы. — Драконы Фламеля. — Список герметических символов Серы и Меркурия.

Великое Делание, или приготовление философского камня, было, как мы сказали, главной целью алхимиков. Их трактаты обыкновенно вращаются только около этого предмета. Поэтому в последующих главах мы будем говорить исключительно о Великом Делании.

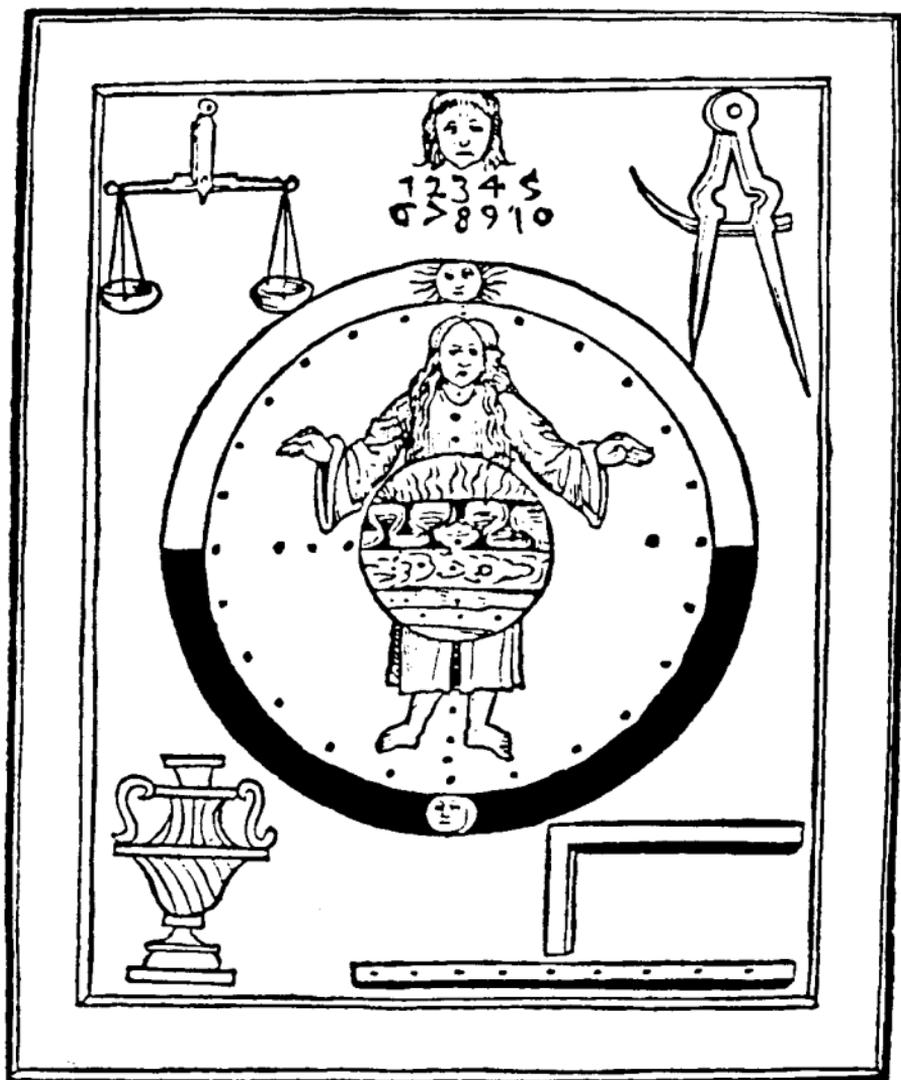
Но прежде чем дать ключ герметических символов, мы в немногих словах представим путь, которым следовали алхимики для приготовления философского камня. Затем мы разберем каждую часть в отдельности.

Материя Великого Делания состояла из золота и серебра, соединенных с ртутью и обработанных особым образом. Золото брали как материал, богатый «серой», серебро — ввиду содержания чистого огня, «меркурия»; что же касается ртути, то она изображала «соль» — средство их соединения. Эти три тела, подвергнутые известной обработке, были заключены в колбу с длинным горлом, философское яйцо, тщательно закрытое. Смесь эта кипятится в химической печи, называемой *атанор*. Как только огонь разведен, Великое Делание, собственно говоря, началось и заключалось в различных фазах: кристаллизации, выпаривании, сгущении и т.д. Это составляло стадии операции, в течение которых материя принимала различные цвета, которые назывались «Цветами Великого Делания». Последний, красный цвет возвещал конец Делания. Трансмутацией, при помощи брожения, материи сообщали большее могущество, после чего получался философский камень. Рассмотрим теперь теоретический состав материи Великого Делания. По алхимической теории было рационально, чтобы материя философского камня была составлена из абсолютно чистых «серы», «меркурия» и «соли». Соединенные и сваренные по известным правилам, они должны были составить новое тело, которое, не будучи само по себе металлом, давало металлическое совершенство ртути, серебру, свинцу и олову.

Алхимики, говоря о материи камня, считали ее то единой и неизменяемой, то тройственной, то четверной, заменяя ее состав элементами. Таким образом, «Магистерий произошел из одного и становится одним или составляется из четырех, а три заключены в одном»

(*Arnauld de Villeneuve. Le Chemin du chemin*). Один — это материя камня, рассматриваемая в своем составе, это также единая всемирная материя. Число четыре — четыре элемента; три — «сера», «меркурий» и «соль». Четыре элемента превращаются в три начала, что видно из другого текста того же сочинения *Виллановы*: «Существует камень, составленный из четырех начал: огня, воздуха, воды и земли; „Меркурий” — это мокрый элемент камня; другой элемент — „Магнезия”, в природе обыкновенно не встречается» («*Lettre du roi de Naples*»). «Меркурий», холодный и жидкий, изображает воздух и воду, «Магнезия», или «Сера», представляет огонь и землю, жар и сухость. Это объясняет, почему философы иносказательно говорили, что материя камня имеет: три угла, три начала, — в своей субстанции; четыре угла, элементы, — в своей добродетели; два угла, устойчивость и летучесть, — в своей материи; один угол, всемирную материю, — в своем корне. Каббалистически число материи будет 10, ибо, соединяя эти числа, мы получим: $1+2+3+4=10$.

Они говорят также, что материя бывает растительная, животная и минеральная: растительная — потому что она имеет дух; минеральная — потому что она имеет тело; животная — потому, что она имеет душу; мы здесь опять находим троицу: «сера», «меркурий» и «соль». Это те «соль», «сера» и «меркурий», которые составляют тело, дух и душу; они все три исходят из хаоса, или, скорее, из «моря философов», где были между собою смешаны (*Psautier d'Hermophile*). Это море философов, или хаос, указывает на единство материи. Этот символический язык разорил многих суфлеров. Вместо того, чтобы работать над металлами, они, принимая слова философов в буквальном значении, проводили свою жизнь, дистиллируя растения, мочу, волосы, молоко, в надежде извлечь материю камня мудрецов.

Антропос как *anima mundi*; содержит четыре элемента и характеризуется числом 10, которое выражает совершенство (1+2+3+4).
 (Albertus Magnus. *Philosophia naturalis*. 1650.)

Треугольник или четырехугольник символизируют материю камня, смотря по тому, будут ли ее рассматривать как сформированную из начал или из элементов. Иногда треугольник заключен в квадрат; такой символ

был взят из трактата под заглавием «Le grand-Oeuvre dévoilé en faveur des enfants de lumiere». Свет представляет, следовательно, тот же состав, как и металлы: «Тщательно исследуй состав металлов. Поистине, в этом заключается все Делание мудрецов» («Texte d'Alchimie»).

Но, как мы уже упоминали, большая часть философов обошла молчанием «соль» как третье начало металлов и занималась только «серой» и «меркурием». Они давали смеси «серы» и «меркурия», приготовленной для Делания, название «ребис». Филипп Руйяк дает этому слову следующее происхождение: «Вот причина, почему философы называли словом ребис материю благословенного камня: оно составлено из латинского слова *Res* и *Vis*; это равносильно тому, что назвать одну вещь два раза; желая найти две вещи, представляющие одно целое, они назвали таким образом «серу» и «меркурий» («Abrégé du Grand-Oeuvre» par Ph. Rouillac, cordelier).

«Сера» и «меркурий», составляющие начала активное и пассивное, были символизированы мужчиной и женщиной, обыкновенно королем и королевой. Таким образом они изображены во II-м томе соч. «L'Artis Auriferae». Под символом короля и королевы они представлены в «Двенадцати Ключах» Василия Валентина.

Соединение короля и королевы составляло философский брак. «Знай, сын мой, что наше делание есть философский брак, где должны участвовать начала мужское и женское» (Ph. Rouillac. Abrégé du Grand-Oeuvre). Собственно говоря, после этого брака, или союза, материя принимает название ребис, символизирующее двуполое тело. Этот химический гермафродит весьма часто встречается в герметических трактатах: в начале «De Alchimia opuscula complura», в «Viatorium spagyricum», в немецком переводе соч. «Crede Mihi de Northon» и т.д.

В рукописных герметических трактатах король одет в красное, а королева в белое, так как «сера» — красная, а «меркурий» — белый. «Это наш двойной „меркурий“, эта материя снаружи бела, а внутри красна» («Texte d'Alchimie»).

«Серу» и «меркурий» изображали также знаками золота и серебра; это обозначало, что «сера» должна быть извлечена из золота, а «меркурий» — из серебра. Знаки золота и серебра соответствуют в пантаклях сочинения *Barchusen'a* «*Liber singularis de Alchimia*» «сере» и «меркурию». Этот пункт будет развит в следующей главе.

Так как «сера» устойчива, а «меркурий» летуч, то алхимики изображали первую львом, царем зверей, а «меркурий» — орлом, царем птиц. «Меркурий» философ есть летучая часть материи; лев — часть устойчивая, орел — часть летучая. Философы говорят только о борьбе этих двух животных (*Pernety. Fables égyptiennes*). Следовательно, орел, пожирающий льва, будет означать улетучивание твердых частей; наоборот, лев, пригвождающий орла, будет означать осаждение летучего («меркурия») с помощью «серы». Скажем мимоходом, что слово «орел» в соч. Филалета имеет иное значение: для него это символ совершенства в операции. Таким образом, семь орлов означают семь совершенств. (См. «*Entrée ouverte au palais fermé du roi*».)

В том же символическом смысле употребляли изображения двух змей, из коих одна крылатая, а другая без крыльев. Крылатая змея — начало летучее, «меркурий»; начало устойчивое, «сера», изображалось змеей без крыльев.

Тайна жизни изображена кругом, составленным из двух змей, одной крылатой, а другой без крыльев, что изображает две природы тел — устойчивую и летучую, соединенные вместе (*Lebreton. Clefs de la philosophie*

spagyrique). Две змеи то соединены, как в кадучее Меркурия, то разделены.

В сочинении Авраама Еврея находится изображение змея, пригвожденного к кресту; алхимически это означает, что летучее должно быть сделано устойчивым.

Драконы имеют одинаковое значение со змеями. Дракон без крыльев, изображение которого мы находим в книгах Авраама Еврея и Николая Фламелья, — это «сера», мужское и устойчивое; крылатый дракон — это «меркурий», летучее, женское. Эти два дракона суть истинные начала философии мудрых.

«Находящееся внизу без крыльев представляет устойчивое, или мужское, тогда как вверху — летучее, или женское, черное и темное, которое возьмет верх в продолжение нескольких месяцев. Первое называется «серой», или холодом и сухостью, а второе «меркурием», или сыростью и теплотой. Это солнце и луна, извлеченные из меркуриального и серного источника» (*Nicolas Flamel*).

Один дракон может также изображать три начала, но тогда у него бывает три головы: «Золотое руно сторожит дракон о трех головах; одна есть вода, вторая — земля, третья — воздух. Эти три головы должны соединиться в одну, которая будет достаточно сильна и достаточно могущественна, чтобы пожрать всех других драконов» (*D'Espagnet. Arcanes de la philosophie d'Hermès*).

Три змеи в чаше обозначают три тела, составляющие материю камня, помещенную в философское яйцо, — символ, обыкновенно сопровождающий химический гермафродитизм.

Фламель нам говорит, почему алхимики изображали «серу» и «меркурий» драконами: «Причина, что я тебе нарисовал эти две спермы под формой драконов, та, что

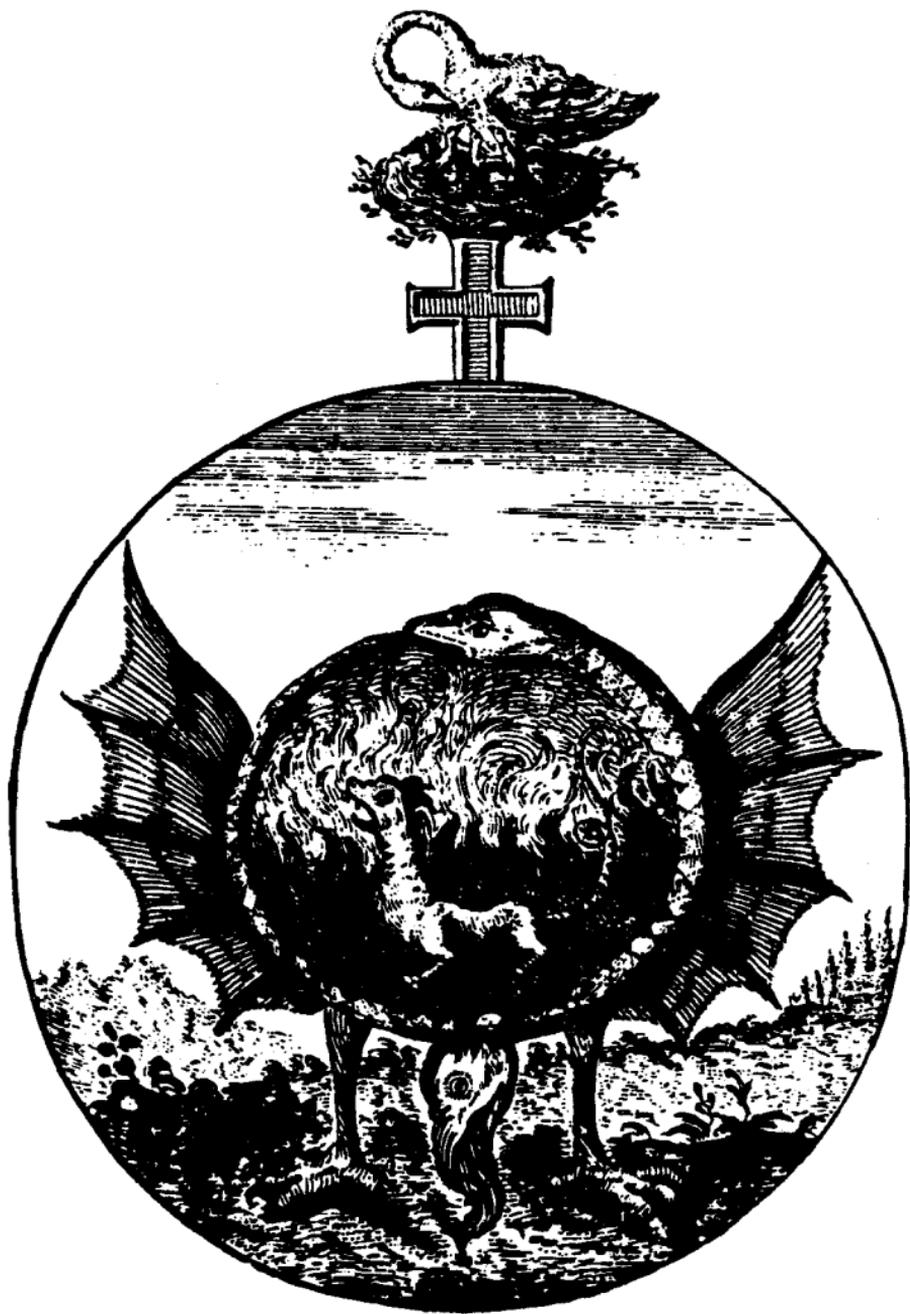
Слева — коронованный дракон, пожирающий собственный хвост. Справа — два дракона, составляющие круг, по углам — знаки четырех элементов. (Eleazar. Uraltes chymisches Werk. 1760.)

их зловоние так же велико, как и зловоние драконов» («Le livre de Nicolas Flamel»).

Мы говорили о главных символах «серы» и «меркурия». Существует бесконечное множество других символов, что весьма понятно, если вспомнить изречение: «Сера», будучи мужским и устойчивым, а «Меркурий» — летучим и женским, представляются веществами противоположными (устойчивость, летучесть) или животными различных полов (самцом и самкой). В фигурах de Lambsprinck'a они изображены в виде двух рыб, льва и львицы, оленя и лани и, наконец, двумя орлами. Наиболее употребительный — это символ двух собак. «Сера» называется кобелем, а «меркурий» — сукой. «Сын мой, возьми черных собак, соедини их, и они родят» (Calid. Secrets d'Alchimie).

«Сера» и «меркурий» имели громадное количество символических имен, из которых необходимо знать главные.

Синонимы «серы»: резина, масло, солнце, точность или устойчивость, красный камень, кислое молоко, шафран, мак, желтая медь или латунь, сухое, краска, огонь, спирт, агент, кровь, дух, красный человек, земля, царь, супруг, бескрылый дракон, змей, лев, кобель, бронза, философское золото и т.д.

Мифическое чудовище, содержащее хаотическую массу, из которой рождается пеликан. (*Hermaphroditisches Sonn- und Mondskind*. 1752.)

Синонимы «меркурия»: женское начало, белое, луна, белое золото, сырое золото, недоваренное, азот, вода, молоко, белое покрывало, белая манна, белая моча, холод, сырость, летучесть, белая женщина, терпение, белый свинец, стекло, белый цветок. «Соли»: кора, покрывало, яд, купорос, воздух и т.д.

ГЛАВА IV

Материя Великого Делания. — Два пути. — Золото и Серебро. — Их очищение. — Источник философов. — Баня короля и королевы. — Растворение золота и серебра. — Малый Магистерий и Великое Делание.

В предшествующей главе мы видели, что алхимики брали извлеченные из металлов «серу», «меркурий» и «соль» как материю для получения камня. Для этого они могли употреблять много методов, ведущих к той же цели. Таким образом, некоторые алхимики предполагали извлечь материю из олова, свинца или купороса, о чем будет сказано далее.

Что же касается обыкновенного хода Великого Делания, то самые знаменитые учителя герметизма признавали только один метод: «Существует только один камень, одна материя для опыта, один огонь, один способ варки для достижения белого и красного цветов, и все делается в одном сосуде» (*Avicenne. Declaratio lapidis physici*). И, несмотря на это утверждение, алхимики с XVII века различали два пути: сырой и сухой. Они называют сырым путем следующую операцию: «сера и меркурий философов» варятся на умеренном огне в закрытом сосуде до тех пор, пока материя сделается

черной, затем прибавляют огня, и она становится белой; наконец, огонь делают еще более сильным, и тогда содержимое получает красную окраску; сухой путь состоит в том, что «соль небесную», то есть «меркурий философов», смешивают с металлическим земным телом и ставят в реторте на легкий огонь, и дело оканчивается в четыре дня. Таким образом оперировал артист, о котором вспоминает Гельвеций в своем «Veau d'or» (*Barchusen. Liber singularis de Alchimia*).

Однако этот сухой путь был мало принят, и мы не знаем ни одного специального трактата об этом предмете; поэтому мы займемся только путем скрытым, или мокрым, всемирно признанным адептами всех стран и всех веков.

Сера, меркурий и соль составляют материю камня, но все тела содержат в себе эти начала; из которого же лучше их извлечь? Это было камнем преткновения для суфлеров. Принимая слова философов в буквальном смысле, они не умели разобраться в символической. Серу называли красным цветком, материю камня — растительным или металлическим деревом. Суфлеры спешили толочь травы, собирать соки, дистиллировать цветы. В других местах камень называли кровью, волосами, собакой, орлом и т.д.; говорили также, что материя вещь не чистая и что ее находят повсюду.

Все герметические философы единогласно утверждают, что материю надо добывать из металлов, ибо цель Великого Делания есть производство золота. «Природа забавляется с природой, природа содержит природу и природа умеет побеждать природу» («Texte d'Alchimie»). Эта знаменитая аксиома, которая поставила Бернара Тревизана на истинный путь, находится в соч. «Physiques et mystiques de Démocrite le mystagogue, alchimiste grec». «Природа побеждает природу». Адепты не переставали повторять эту формулу под всеми фор-

мами; то же самое говорит Арнольд из Виллановы в своем «Flos flogum». «Человек воспроизводит только человека, лошадь производит только лошадей; то же самое и с металлами: они могут быть произведены только их собственным семенем».

Следовательно, материя должна быть извлечена из металлов, но вопрос — из каких: из неблагородных или из совершенных, из Золота и Серебра, то есть из Солнца и Луны?

«Солнце есть отец, Луна есть мать» («Изумрудная скрижаль»). «Материя, из которой выработано высшее лекарство философов, есть тоже золото, только очень чистое, и наша ртуть» (*Bernard de Trévisan. La Parole délaissée*). «Золото, Серебро и Меркурий составляют материю камня, после того как они были подготовлены согласно указаниям Искуства» (*Libavius. Paraphrasis Arnoldi*).

Тексты, указывающие на Золото, Серебро и Меркурий как источники извлечения материи, бесчисленны; предыдущие достаточно ясны, но в особенности тексты Либавия, из которых наиболее интересен: «Говорю тебе, работай с помощью меркурия и подобных ему, но только не прибавляй к ним ничего постороннего и знай, что Золото и Серебро не чужды меркурию» (*Saint Thomas d'Aquin. Secrets d'Alchimie*). Это значит: работай с помощью Меркурия, Золота и Серебра.

Но эти три металла представляют довольно отличную от камня материю; наиболее близкая материя есть сера, меркурий и соль, изъятые из нее. Из золота добывают серу, из серебра — меркурий, а из ртути — обыкновенную соль. По словам теоретиков алхимии (*Roger Bacon*, в особенности в его «*Miroir d'Alchimie*»), золото содержит серу — начало весьма чистое, устойчивое, красное, несгораемое, а серебро — меркурий, начало чистое, более или менее летучее, блестящее, белое. Что

касается соли, то она заключает ртуть. Материя камня состоит, следовательно, из тела, полученного из золота и серебра. «Есть другие философы, предполагающие, что камень добывается из ртути, получаемого с помощью искусства из металлов совершенных, как Солнце и Луна» (*Albert le Grand. Concordance des philosophes sur le Grand-Oeuvre*).

Здесь замечается легкое противоречие с тем, что мы говорили выше, но это не так: философы часто обозначали под именем «ртути философов» материю камня, рассматриваемую в своем составе; таким образом, слово «ртуть» имеет четыре различных значения; оно может указывать: во-первых — металл, во-вторых — начало, в-третьих — серебро, приготовленное для Делания, в-четвертых — материю камня. В этом последнем смысле надо понимать следующее место:

Это есть ртуть из ртутей;
И многие люди прилагают свои старания,
Чтобы найти его для своего дела,
Ибо это не есть ртуть обыкновенный.*

Наоборот, в смысле серебра, приготовленного для Делания, о ртути-начале, изъятом из серебра, говорится в следующей цитате:

Мечтаешь ли ты сделать устойчивой ртуть,
Если она улетучивающаяся и обыкновенная,
А не та, из которой я делаю металл?
Бедный человек, ты сам себя очень обманываешь!
Этим путем ты ничего не сделаешь,
Если не пойдешь по другим путям!**

* *Jean de la Fontaine. La fontaine des amoureux de science.*

** *Jan de Meung. La complainte de natur à l'alchimiste errant.*

Мы уже сказали, что о соли как о третьем начале едва упоминается у древних алхимиков; они говорят часто только о сере и ртути, золоте и серебре, солнце и луне.

Чтобы затемнить действительность, им доставляло удовольствие употреблять одни термины взамен других. «Солнце — отец всех металлов, Луна — их мать, хотя Луна получает свой свет от Солнца». От этих двух планет зависит состав магистерия (*R.Lulle. La Clavicule*). В первой фразе солнце и луна суть синонимы серы и ртути, всемирных начал. В другой фразе они означают серу и ртуть как материю Делания. Эти четыре термина могли быть взяты дважды по два как абсолютные синонимы.

Один рисунок Бархузена изображает знак серы как соответствующий солнцу, золоту, а знак ртути как соответствующий луне, серебру. Символы серы и ртути как начал могут применяться к сере и ртути, взятым в смысле материи камня, а равно и к золоту, и к серебру. (Об этих символах смотри главы II и III этой второй части.)

Золото и серебро, приготовленные для делания, назывались золотом и серебром философов. Они были сначала очищены, вот почему Разес говорит: «Начало нашего делания есть очищение» («*Livre des lumières*»). Совершенствовать значит очищать. Греввер говорит: «Золото обыкновенное не чисто, оно загрязнено присутствием посторонних металлов, окислено, нездорово, и потому даже бесплодно; то же самое можно сказать и об обыкновенном серебре. Напротив, солнце и луна философов совершенно чисты, они не осквернены никакими посторонними примесями, здоровы, сильны, в них изобилует плодородное семя» (*Grever. Secretum nobilissimum*). Очищая эти металлы, прибавляли им совершенства и давали им, таким образом, способность совершен-

ствовать во время Великого Делания. Обыкновенное золото совершенно только по своей природе и настолько, чтобы делиться им с металлами несовершенными; из этого можно заключить, что золото простое, обыкновенное может усовершенствовать форму металлов несовершенных. Дабы их превратить, необходимо, чтобы это обыкновенное золото было усовершенствовано (*Colleson. Idée parfaite de la philosophie hermétique*). Избыток своего совершенства золото и серебро передают металлам во время трансмутации.

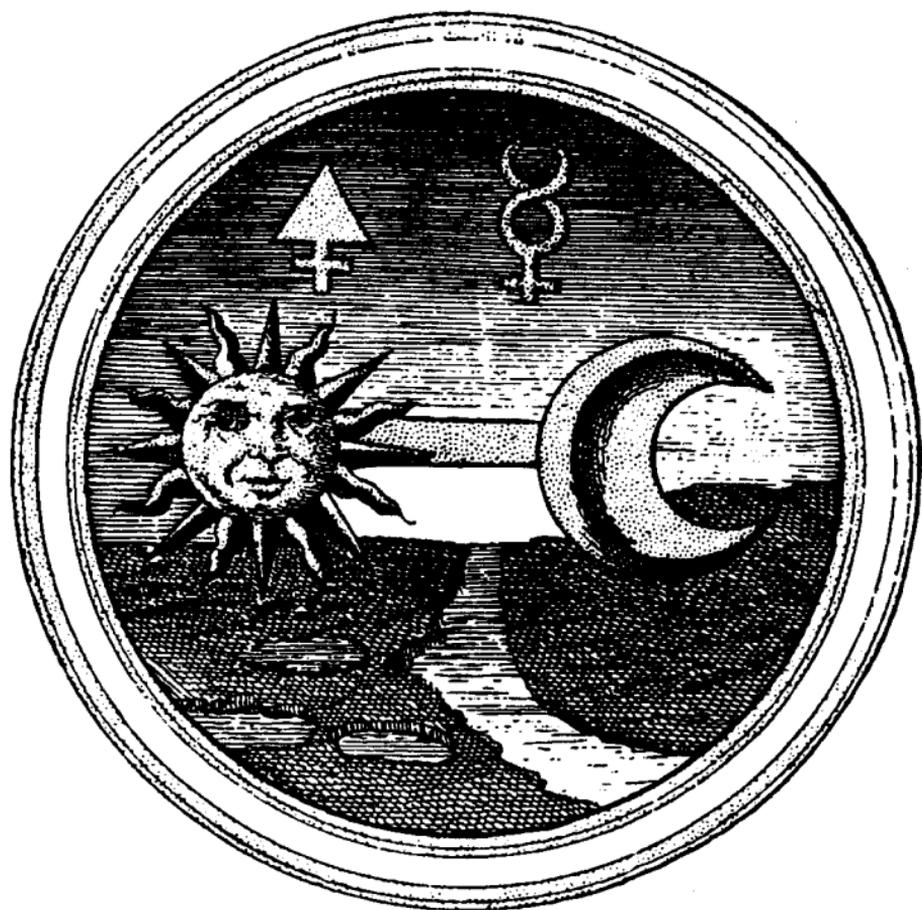
Золото очищали цементованием, то есть сплавляли с сурьмой, а серебро — купеляцией со свинцом.

Все это относится к золоту и серебру монетному или в изделиях, которые всегда смешаны с другими металлами. Ископаемое золото можно употреблять прямо, потому что оно достаточно чисто само по себе: «В недрах земли находят золото совершенное и иногда находят маленькие кусочки самородка. Если ты можешь достать его — оно достаточно чисто; если же нет, то тебе придется его очищать сурьмой» (*Philalète. Entrée ouverte au palais fermé du roi*).

Мы сказали, что было два способа очистки золота: «Прогони золото через царский цемент или через сурьму» (*Ph. Rouillac. Abrégé du Grand-Oeuvre*). Цемент, или царский цемент, состоял, по словам Макара («*Dictionnaire de chimie*»), из четырнадцати частей толченого кирпича, части зеленого кальцинированного, то есть прокаленного, или красного купороса (это были, следовательно, купоросные остатки или извержения) и одной части обыкновенной соли. Из всего этого готовили тесто с помощью воды или мочи и заключали в плавильный тигель, перекладывая слоями золота и цемента поочередно.

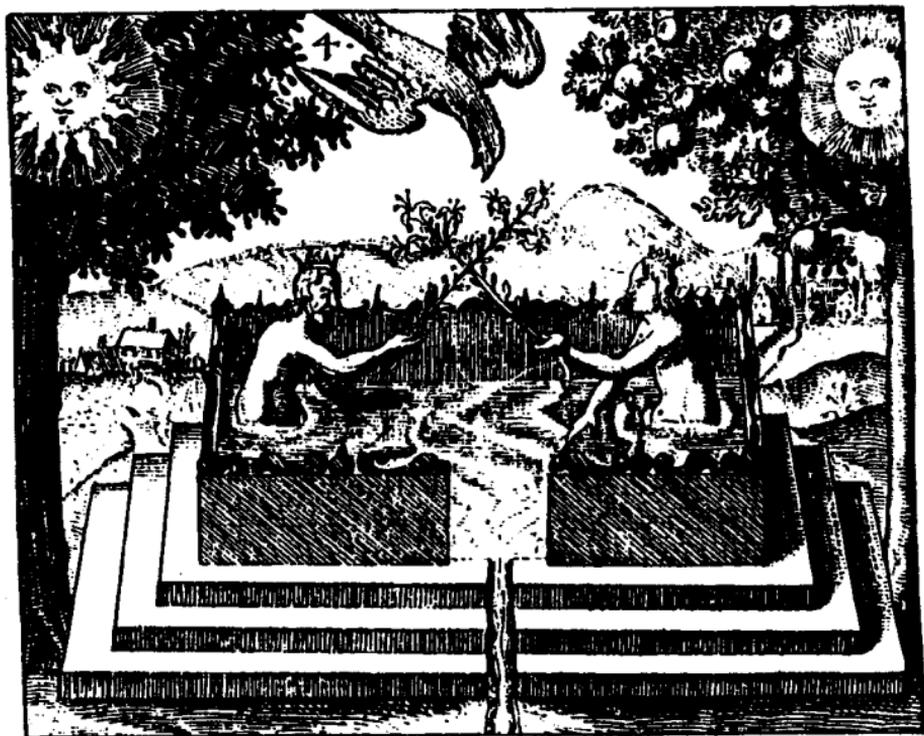
Чтобы указать эти операции, алхимики употребляли массу символов. Золото и серебро обыкновенно изобра-

жались королем, одетым в красное, и королевой, одетой в белое. «Мужское символизируется красным, женское — белым» (Isaak le Hollandair. Opera mineralia).

Рисунок, заимствованный из сочинения «Liber de Barchusen». Он указывает, что сера и ртуть философов выделены из золота и серебра.

Золото и серебро изображали также в виде больших четок. Их одежды означали посторонние примеси, нечистоты, которые их загрязняют. Алхимики говорили еще, что король и королева очистились в бане. «Но раньше, чем венчать чистоту их любви и допустить их

«Ванна философов». (*Mylius. Philosophia reformata. 1622.*)

до брачной постели, надо их тщательно омыть от всех грехов, как врожденных, так и усвоенных... Приготовьте, следовательно, для них теплую ванну, в которой вы их вымоете каждого отдельно, ибо женщина, менее сильная, не могла бы перенести едкости мужской ванны. Она была бы неизбежно разрушена или уничтожена. Мужская ванна готовится из сурьмы. Что же касается женской ванны, то сатурн вам покажет, какова она должна быть» (*Huginus a Barmâ. La règne de Saturne change en siècle d'Or.*)

Мы здесь находим указанное аллегорически очищение золота сурьмой (на латыни — *stutum*) и серебра — свинцом (сатурн). Очищение было символизировано источником, в который король и королева, солнце и луна,

шли купаться. Этот символ находится в рисунках Авраама Еврея и у Розера.

Сурьма символизирована волком, а свинец — Сатурном, вооруженным косой. Таким образом, в первом из рисунков соч. Василия Валентина «Les douzes clefs de Sagesse», которое говорит об очищении, сурьма символизирована волком, помещенным рядом с царем, символом солнца или золота. Операция совершается в тигле: свинец, символизированный сатурном, помещен рядом с королевой, луной или серебром, с той же стороны помещена купель. Что же касается трех цветков, которые держит королева, то они означают, что очищение должно быть повторено три раза.

Первая картина Авраама Еврея, изображающая Меркурия, преследуемого Сатурном, относится к очищению серебра свинцом. И действительно, серебро после купелирования становится легче по той причине, что содержит посторонние металлы, окиси которых поглощаются стенками тигля. Алхимики, видя, что в этой операции серебро потеряло свой первоначальный вес, допускали, что улетающие части испарились. Сатурн, или свинец, преследует Меркурия, или серебро, и отрубает ему ноги, то есть делает его неподвижным, устойчивым — одним словом, неизменяемым. Это настоящее сгущение ртути, на котором обманывалось столько суфлеров.

Очищенные золото и серебро составляют материю, удаленную от камня.

Сера, изъятая из золота, ртути, извлеченный из серебра, были материей будущей. Все философы согласны в этом последнем пункте. «Золото есть наисовершеннейший из всех металлов; это есть отец нашего камня, а между тем, это есть только материя: «материя камня есть семя, содержащееся в золоте» (*Philalète. Fontaine de la philosophie chimique*). Еще: «Вот почему я вам советую, о друзья мои, оперировать над солнцем и луною

только после обращения их в их материю, которая есть сера и меркурий философов» (*R.Lulle. La Clavicule*). Гигинус говорит положительно: «Сера золота есть настоящая сера философов».

Следующий процесс был употребляем алхимиками для извлечения серы или ртути из золота или серебра: они растворяли сначала эти два металла, следуя древней аксиоме: *Corpora non agunt nisi soluta*. Затем они давали этой жидкости остыть, то есть ее кристаллизовали, после чего разлагали соли, полученные таким способом; вновь растворяли полученное золото и серебро, обращали их в порошок, и после разных разложений, которые варьируются у различных философов, наконец получались сера и ртуть, годные для добывания камня.

Что же касается «соли», это, обыкновенно, была летучая ртутиальная соль. Перед трансформацией в соль ртуть очищалась кристаллизацией.

Мы видели, что философы употребляли кислоты для растворения золота и серебра. «В нашем камне скрыт весь секрет порошка магистерия, который есть солнце, луна и крепкая водка» (*R.Lulle. Eclaircissement du testament*). *Крепкая водка* обозначает жидкости кислот. «Во-первых, надо, чтобы тело было растворено и чтобы поры были открыты, для того чтобы природа могла действовать» (*Le Cosmopolite*). Эту часть Великого Делания алхимика держали особенно в тайне. По их мнению, эту операцию произвести труднее всего.

«Самая трудная работа заключается в том, чтобы хорошо приготовить материю» (*Augurel. La Crysopee*).

Большая часть адептов прошла молчанием эту часть делания и начинала описание Великого Делания, предполагая, что приготовление материи известно. Это, впрочем, нам подтверждает Колезон: «Они говорят весьма мало и весьма темно о первой операции герметического магистерия, без которой, между прочим, ничего нельзя

сделать в этой науке трансмутации» («*Idée parfaite de la philosophie hermétique*»).

Между тем, нам удалось найти несколько строк, освещающих этот вопрос. Из них ясно, что золото было растворимо в царской водке, а серебро — в крепкой водке или азотной кислоте, а иногда в купоросном масле (серной кислоте). Артефиус распространяется более всех других о водке или кислоте, употребляемой для растворения золота; он называет ее *первичным ртутьем, уксусом гор*. «Эта водка, — говорит он, — растворяет все, что может быть растворено и обращено в жидкость. Эта водка весомая, или тяжелая, липкая, клейкая... Она растворяет все тела в их первичную материю, то есть в серу и в ртуть. Если ты положишь в эту водку какой бы то ни было металл (в опилках) и оставишь на некоторое время в умеренном жару, металл весь растворится и превратится в липкую водку... Она прибавится в весе и примет цвет совершенного тела» (*Artephius. Traité secret de la pierre des philosophes*).

Последний параграф совершенно верен: хлористый раствор золота, полученный действием царской водки, имеет желто-блестящий цвет и тяжелее употребленного металла.

Автор анонимного труда «О белом и красном», который говорит открыто о Великом Делании, оперирует над солями, полученными от предварительного раствора золота и серебра. Вот его рецепт *водки для золота*, то есть царской водки. «Возьми совершенно сухого венгерского синего купороса и селитры, более фунта нашатырной соли. Сделай из этого крепкую водку в стеклянном, хорошо замазанном сосуде, снабженном стеклянной крышкой или колпаком» («*Traité du Blanc et du Rouge*»). Рипли входит в подробности опыта: «Тело, уже приготовленное, влей сверх составленной водки, чтобы она была покрыта толщиной в 1/2 дюйма.

Водка начнет сейчас же кипеть на извести без малейшего внешнего огня, растворится и примет форму льда, высушив все» (*Riplée. Moëlle d'Alchimie*). Принять форму льда значит кристаллизироваться. Эта последняя операция называлась также сгущением. «Ты узнаешь, что всякий Магистерий состоит только из одного растворения и одного сгущения» (*Albert le Grand. Le livre des huit chapitres*).

Соли, полученные таким образом, служили для Делания. «Соли не имеют никакого трансмутационного качества. Они служат только ключом к приготовлению камня» (*Basile Valentin. Char de triomphe de l'Antimoine*). Но они претерпевают различные видоизменения, после которых превращаются в кислоты или новые соли.

Кислоты символизировались львами, пожирающими солнце или луну. Каждый рисунок, изображающий солнце или луну, Аполлона или Диану, побежденными и пожранными животными сильными и храбрыми, каковы: лев, орел, тигр и т.д. — символизирует растворение драгоценных металлов. Филалет говорит: «Прежде, чем начать последний процесс Делания, надо найти жидкость, в которой золото растворяется, как лед в воде». Эта жидкость есть кислота, называемая желудком страуса; подобно тому как страус переваривает все, так и эта жидкость растворяет все металлы.

В картинах, которые Фламель велел вылепить на кладбище Инносанс (невинных), растворение представлено драконом, пожирающим человека, прижатого им к земле. Готовую уже материю изображали жидкостью, заключенной в сосуде. Наконец, ее представляли химическим гермафродитом, и она дает прирост всем вещам, смешиваясь безразлично со всеми ими, потому что содержит семена всех эфиров (*Venceslas Lavinius. Traité du ciel terrestre*). Гермафродит изображен одним телом с двумя головами. Он называется ребис и символизирует

«Зеленый лев», пожирающий солнце. (Rosarium philosophorum. 1550.)

серу и ртути, приготовленные для Великого Делания. Ричард Английский говорит: «Первая материя нашего камня называется ребис, то есть вещь, получившая от природы двойное тайное свойство, которое дает ей имя гермафродита» («Le triomphe hermétique»).

Мы не сделаем ошибки, повторив, что ртуть философов, когда он представлен как единая материя Делания, обозначает собрание тел, входящих в состав

Меркурий как солнечно-лунный гермафродит (gebis), стоящий на хаосе (шаре). (*Mylius. Philosophia reformata. 1622.*)

материи. Взятый в этом смысле, он представляет собой не специальное тело, а синоним материи Делания. Это ясно из следующих строк Рипли. «Теперь, сын мой, чтобы сказать что-нибудь о меркурии философов, узнайте, что когда вы смешаете вашу водку с красным мужчиной (нашей магнезией) и с белой женщиной, которую называют альбифической, и когда они все будут соединены, составляя одно тело, тогда-то только вы, действительно, будете иметь меркурий философов» (*Riplée. Traité du mercure*).

Мы окончим эту главу несколькими словами о получении порошка, называемом Малым Магистерием Великого Делания, или Великого Магистерия.

Малое Делание, или Малый Магистерий, представлял операцию с ртутью (солью серебра), но философский камень, полученный таким способом, был белый и не обращал металлы в серебро. Великое Делание производилось смесью солей золота и серебра с серой и ртутью, и тогда получался настоящий философский красный камень, превращавший металлы в золото.

Два камня и два Магистерия изображались деревом; одно — лунное дерево, имеет на себе луны в виде плодов, это — Малое Делание; другое — солнечное дерево, имеет на себе солнца, это — символ Великого Делания. Это различие между двумя Деланиями весьма древнее; его знали все алхимики. «Философы утверждают, что золото сначала прошло через состояние серебра. Следовательно, если бы кто-нибудь захотел совершить Делание с одним только серебром, он не мог бы двинуться дальше белого и мог бы превратить несовершенные металлы только в серебро, но никогда не превратил бы их в золото» (*Vogel. De lapidis physici conditionibus*). Гебер признавал два философских камня, или эликсира, так как он говорит: «Луна, укрепленная для белого эликсира, готовится раствором луны в едкой водке» (*Geber. Livre des fourneaux*).

Ход обоих Деланий одинаков, кроме того, что ход работ в Малом Магистерии останавливался при появлении белого цвета, между тем как Великий Магистерий продолжался до появления красного цвета. Трактат «*Du Blanc et du Rouge*» различает также два делания. Разъяснив пространно Великое Делание, или Делание красное, он довольствуется указанием, что для Малого Делания достаточно повторить те же операции, работая только с серебром, растворенном в специальной водке. Философы писали только о Великом Делании, поэтому и мы оставим в стороне Малый Магистерий. Между прочим, известно, что тигель, сосуд, огонь, операции,

цвета сходны в обоих случаях, но Великое Делание продолжительнее, ибо после белого цвета, конца Малого Делания, другие цвета появляются в Великом Делании. В сущности, говоря об одном, мы будем говорить одновременно и о другом.

ГЛАВА V

Философское яйцо и его символы. — Печать Гермеса. — Атанор. — Огонь философов. — Степени или градусы.

Уже готовой материи камня надо было медленной варкой придать способность превращать металлы. Для этого ее заключали в маленькую шарообразную колбу с длинным горлом, названную *философским яйцом*; затем помещали ее в чашу, наполненную золой и песком, и подогревали, соображаясь с некоторыми правилами, в горне или атаноре.

Алхимики обыкновенно довольно охотно распространяются об этих частях Делания. Философское яйцо изготовлялось из довольно толстого стекла, иногда из обожженной глины или из металла — меди или железа. «Сосуд искусства есть яйцо философов, сделанное из самого чистого стекла, имеющий шейку умеренной длины. Надо, чтобы верхняя часть шейки могла быть герметически запечатана и чтобы материя, которую туда помещают, наполняла бы только четвертую часть» (*Huginus a Barma. Le regne de Saturne*). Роджер Бэкон употреблял безразлично сосуд стеклянный или глиняный. «Сосуд должен быть круглым, с узким горлом. Он может быть сделан из стекла или из такой же твердой,

как стекло, глины; отверстие его закрывают герметически крышкой и заливают смолой» (*Roger Bacon. Miroir d'Alchimie*). Филалет в особенности настаивает на свойстве и закупорке. «Имей сосуд стеклянный, овальный и достаточно великий для того, чтобы содержать унцию дистиллированной воды. Его надо плотно запечатать, иначе вся твоя работа пропадет» (*Philalète. Entrée ouverte au palais fermé du roi*).

Этот сосуд называли яйцом сначала по причине его формы, затем потому, что из него, как из яйца, после высиживания в атаноре должен был выйти философский камень. «Дитя, увенчанное добродетелью и царским пурпуром», как говорили алхимики. Почти в том же смысле Руйяк дает этимологию этого слова: «Яйцо имеет все необходимое для рождения цыпленка: туда нельзя ничего прибавить и ничего нельзя отнять; точно так же надо заключить в наше яйцо все, что необходимо для рождения камня» (*Rouillac. Abrégé du Grand-Oeuvre*).

Из текстов, упомянутых выше, видно, что философы сильно настаивали на полной закупорке яйца; одни, как, например, Бэкон, употребляли крышку, которую прикрепляли смолой, но большая часть философов прибегала к печати Гермеса. «Нить Ариадны» («*Le Filet Ariadne*») — анонимный трактат — дает нам весьма интересные подробности об этой операции. Он предлагает три способа герметической закупорки шара: 1) накаливали горло его на сильном огне и отрезали ножницами, причем края спаивались так же, как отрезают резиновую трубку; 2) размягчали горло таким же способом, затем сжимали горло, понемногу стягивая над пламенем его конец так, чтобы на нем образовался шарик; 3) согревали отверстие шара и закупоривали его стеклянной пробкой, а затем заливали жидким стеклом. Некоторые алхимики предпочитали простой стеклян-

ный шар, составленный из двух реторт, причем горло одного должно было входить в горло другого. «Есть два сосуда одинаковой формы, величины и вместимости, у которых нос одного входит в пузо другого для того, чтобы действием жара то, что находится в одной части, поднималось в голову сосуда и затем действием холода опускалось бы в пузо» (*Raymond Lulle. Eclaircissement du testament*). Также: «Одни пользуются сосудами стеклянными — овальными или круглыми. Другие предпочитают форму горшка. Они берут сосуд, короткое горло которого проходит в пузо другого сосуда, который служит крышкой, и их замазывают» (*Libavius. De lapide philosophorum*).

Их или запечатывали крепкой замазкой, или размягчали горло первого шара на горле второго. Эта форма представляла следующие преимущества: испарения сгущались легче от соприкосновения с холодными стенками верхнего шара, причем при расширении аппарат менее рискует лопнуть.

Алхимики давали различные названия философскому яйцу. По словам Фламелья, они его называли: сферой, земным львом, темницей, гробом; перегонным кубом он был назван по причине его формы; выражение «дом цыпленка» есть только перифраза; брачная комната, тюрьма, гроб суть образы весьма понятные, если вспомнить, что сера и ртуть, материя камня, были названы красным мужчиной и белой женщиной; яйцо было тюрьмой потому, что раз философские супруги (царь и царица, красный мужчина и белая женщина, *Gabricius et Veia*) туда входили, они там содержались до конца Делания. Гробом — потому, что супруги там умирали после своего соединения; а после их смерти рождался их сын (философский камень), ибо каждое рождение происходит от гниения: смерть рождает жизнь согласно теории, бывшей в почете в средние века. (Смотри главу VII.)

Символ гроба довольно часто употреблялся философами для обозначения философского яйца: «Блюди, чтобы союз мужа и жены случился только после того, как они снимут свои одежды и украшения как с лица, так и со всего остального тела, чтобы войти в гроб такими же

CONIVNCTIO SIVE *Coitus.*

**O Luna durch meyn umbgeben/vnd susse mynne/
Wirstu schön/starck/vnd gewaltig als ich byn.**

Аллегория психического объединения противоположностей. Внизу стихи: «О Луна, заключенная в мои объятия, / Будь столь же сильной, как и я, и ясной ликом. / О Солнце, ярчайшее из всех огней, известных человеку, / Да будешь ты во мне нуждаться, как в курице петух».

(«Rosarium philosophorum». 1550.)

Рисунок из сочинения «Viatorium spagyricum», где царь и царица, сера и ртуть, заключены в философском гробу. Скелет указывает на момент операции, называемой умерщвлением, а хромой, или вулкан, символ огня, означает, что философское яйцо необходимо нагревать.

чистыми, какими они пришли в мир» (*Basile Valentin. Les douzes clefs de Sagesse*). Под формой гроба он символизируют на рисунках Розера в «*L'Artis auriferac quam chemiam vocant*». В соч. «*Viatorium spagyricum*» яйцо с материей представлено стеклянным гробом, в котором покоятся король и королева.

Яйцо названо брачной комнатой, брачным ложем, потому что в нем совершается союз серы и ртути, союз царя и царицы. В «*Зеленом Сне*» говорится об одном запертом зеленом доме; туда вводят супругов и запирают дверь тем же материалом, из которого построен дом.

Яйцо было еще названо маткой, по аналогии, так как «матка женщины после зачатия остается закрытой, даже для доступа воздуха. Точно так же и камень должен оставаться постоянно закрытым в своем сосуде» (*Bernard de Trévisan. La Parole délaissée*), а также и потому, что в него заключают семена металлов серы и ртути, из которых должен родиться камень философов.

Наконец, яйцо было названо чревом матери, ступкой, ситом. Ситом — потому, что пар, сгущаясь, падает капля по капле, как жидкость, проходящая через сито.

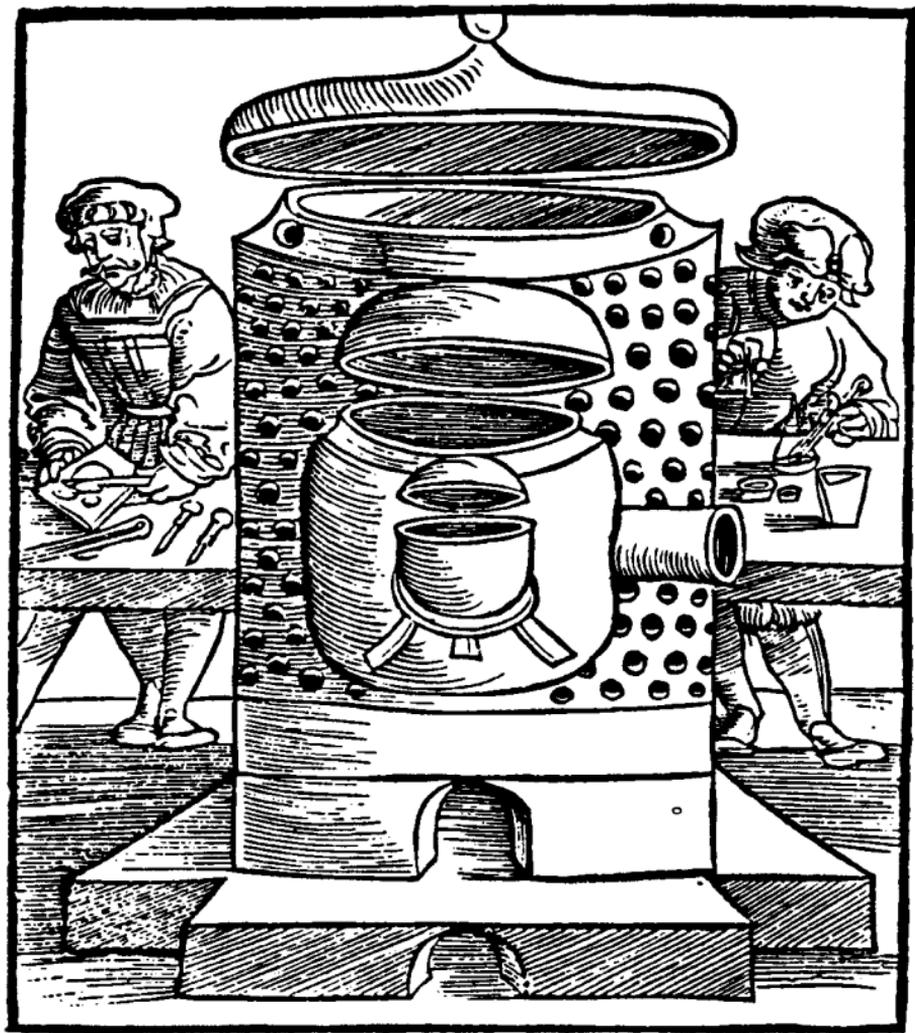
Яйцо, наполненное и закупоренное, ставили в чашу, содержащую золу или тонкий мелкий песок. Гелиас в своем «*Miroir d'Alchimie*» рекомендует ставить яйцо в купель, содержащую в себе золу, собранную в кучу таким образом, чтобы только две верхние части шара выходили наружу.

Некоторые философы вместо песочной ванны употребляли ванну из грязи, которую они называли сырым огнем.

Чаша яйца ставилась в специальный горн, называвшийся атанором, от греческого слова *ἀθανάτοζ* — бессмертный, потому что огонь, раз разведенный, должен был гореть до конца Делания. Некоторые алхимики рисовали в своих сочинениях различные модели атаноров. Один из самых любопытных находится в соч. Планискампи «*Vouquet chymique*». Он состоит из двух соединенных горнов; в одном из них разводят огонь, и газы, происходящие от горения, проходя через отводящее их отверстие, нагревают другой горн.

Атанор де Бархузена — это обыкновенный горн. Но настоящий атанор тот, который был известен первым западным алхимикам: Альберту Великому, Роджеру Бэкону, Арнольду из Виллановы и др., есть нечто вроде горна с отражателем, могущим разбираться на три части. В наружной части горел огонь; она была пробурована дырками, чтобы дать приток воздуху, и представ-

ляла из себя дверь. Средняя часть, также цилиндрическая, представляла три выпуклых треугольника; на них покоилась чаша, содержащая яйцо, которое имело по диаметру четыре противоположные отверстия, закрытые хрустальными дисками, что позволяло наблюдать за происходящим в яйце. Наконец, верхняя часть, полая, сферическая, составляла купол или рефлектор, отража-

Алхимическая печь. (De alchimia. 1529.)

ющий жар. Таков был атанор, употреблявшийся обыкновенно. Главные части были неизменны, а частные уклонения не имели никакого значения. Таким образом, в «*Le Liber mutus*» находится фигура атанора, довольно элегантная, напоминающая по форме зубчатую башню.

Символ горна есть дуб, пустой в середине; его находят таким образом изображенным в фигурах Авраама Еврея.

Давали собранию — горна, чаши и философского яйца — название тройного сосуда. «Этот сосуд из глины называется философами тройным сосудом, ибо в его середине есть чаша, полная теплой золы, в которую положено философское яйцо» («*Le livre de Nicolas Flamel*»).

Алхимики, ревниво оберегая все, что касалось Великого Делания, не были ясны, говоря об огне или степени жара, необходимого для Делания. Знание степени жара считалось ими одним из самых важных ключей Великого Делания. «Многие из алхимиков заблуждаются, потому что они не знают расположение огня, который есть ключ Делания, ибо он растворяет и сгущает в одно и то же время, что они не могут схватить, будучи ослеплены своим невежеством» (*Raymond Lulle. Vade tecum seu de tincturis compendium*). И действительно, раз приготовленная материя только при помощи варки могла измениться в философский камень. «Я вам рекомендую только варить: варите в начале, варите в середине, варите в конце и не делайте ничего другого» («*La Tourbe des philosophes*»).

Алхимики различали несколько способов огня: огонь сырой — это ванна из грязи, доставляющей ровную температуру; огонь сверхъестественный, или искусственный, означал кислоты. Это происходит от того, что алхимики заметили, что кислоты производят повышение температуры во время различных реакций и что они имеют на тела действие, одинаковое с огнем: они их растворяют, уничтожают быстро их первоначальный вид. Наконец, огонь естественный, обыкновенный.

Вообще, алхимики не употребляли ни угля, ни дерева для согревания философского яйца. Было бы в таком случае необходимо постоянное наблюдение и было бы почти невозможно достигнуть ровной температуры. Марк Антоний сердится на невежественных суфлеров, употреблявших уголь: «К чему служит сильное пламя, раз мудрецы никогда не пользуются горящими угольями, ни горящим деревом для производства герметического делания» («*La lumière sortant par soi même des ténèbres*»). Герметические философы употребляли масляную лампу с льняным фитилем, содержание которой легко и которая доставляет почти такой же жар. Это именно и был тот огонь, который они прятали и о котором только некоторые говорят открыто.

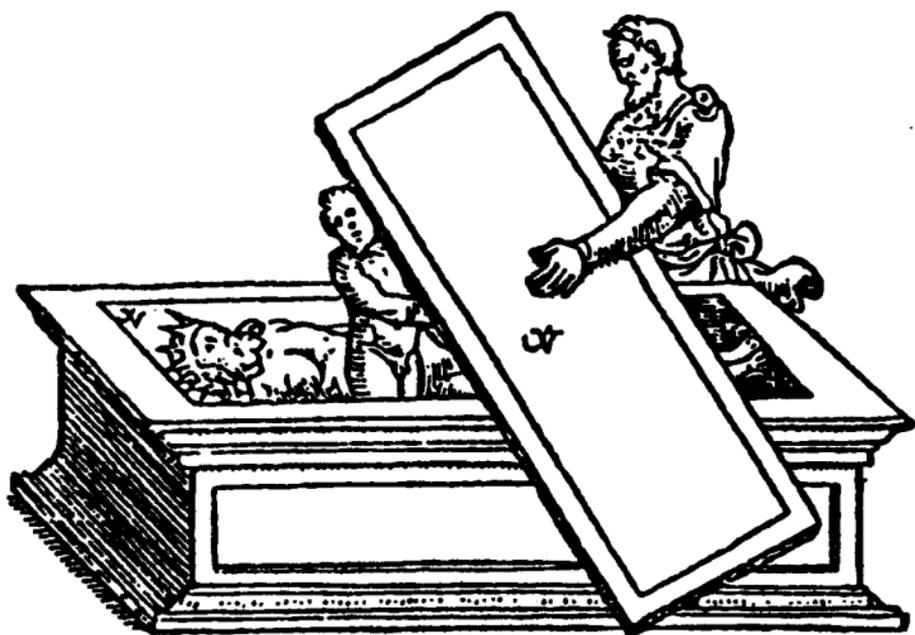
Они допускали несколько степеней жара в своем огне, соображаясь с моментами делания; они достигали урегулирования огня, прибавляя нитки в фитиль. «Сначала сделай огонь слабый, как будто бы у тебя было только 4 нитки, до тех пор, пока материя не почернеет; тогда прибавь, положи 14 ниток; когда материя моется, она делается серой; наконец, положи 24 нитки, и ты будешь иметь совершенную белизну» (*Happelius. Aphorismi basiliani*).

Первая степень огня при начале делания равнялась приблизительно 60-70 градусам стоградусного термометра. «Сделайте ваш огонь в пропорции, чтобы он имел жар месяцев июня и июля» («*Dialogue de Marie et d'Aros*»). Не надо забывать, что это говорит египтянин. Впрочем, первый градус и назывался огнем Египта именно потому, что он почти равняется летней температуре Египта. Некоторые алхимики, забывая этот пункт, назначали для первого градуса температуру слишком слабую, как Ф.Руйяк. «Наблюдайте в особенности огонь и его градусы, чтобы первая степень тепла была февральская, то есть равная температуре солнца в феврале

Трансформация ртути в огне. (Barchusen. Elementa chemiae. 1718.)

месяце» (*Ph. Rouillac. Abrégé du Grand-Oeuvre*). По первой степени удостоверяться, что достигли желаемой температуры: дотрагиваясь до яйца, не должны были обжигаться. «Ты никогда не допускай сосуд слишком нагреваться, так, чтобы ты всегда мог его тронуть, не обжигаясь. Это будет продолжаться все время растворения» (*Riplée. Traité des douze portes*). Другие градусы легко находят, удваивая и утраивая и т.д. температуру

Рисунок, заимствованный из сочинения «Margarita pretiosa», где золото, материя Камня, покоится в гробу, или философском яйце, и во время своего затворничества родит сына, то есть образует новое тело.

Алхимик погребает отца и сына.

первого градуса. Было всего 4 степени нагревания. Вторая степень колеблется между температурой кипения воды и плавкой обыкновенной серы, третья степень ниже плавки олова, а четвертая — плавки свинца.

Символы огня суть: ножницы, шпага, меч, коса, молоток — одним словом, все инструменты, могущие произвести рану. «Вскрой же ему внутренности стальным клинком», — говорит «Texte d'Alchimie», говоря о минерале, из которого добывается купоросное масло. В рисунках Авраама Еврея Сатурн, вооруженный косою, указывает, что надо очищать серебро свинцом с помощью согревания. На картинке Василия Валентина мы видим всадника, сражающегося шпагой с двумя львами — самцом и самкой; это означает, что посредством огня надо сделать летучее устойчивым. Наконец, мы

опять находим шпагу как символ огня в барельефах Фламелья на кладбище Невинных.

В заключение приведем слова Бернара Тревизана о качествах, которыми должен обладать философский огонь: «Сделайте огонь, дающий пар, переваривающий, постоянный, не слишком сильный, окруженный, воздушный, замкнутый, переменяемый» (*Bernard de Trévisan. Le livre de la philosophie naturelle des métaux*).

ГЛАВА VI

Процессы производства. — Причины разногласия между алхимиками по поводу Делания. — Гниение. — Правила Филалета. — Брожение. — Подсыпание и подливание. — Символы Делания.

Когда материя заключена в философское яйцо и огонь разведен, то химические тела тотчас же начинают действовать одно на другое. Происходят различные химические процессы: осаждение, очищение, отделение газов или паров, кристаллизация и т.д. В это время материя несколько раз меняет цвет. В этой главе мы займемся химическими феноменами, которые названы алхимиками «Деланием», или «Процессом», а в следующей главе мы будем говорить об окраске, или цветах.

Алхимики в своих описаниях особенно различались в означениях количества и наименования процессов. Это и понятно; возьмем для примера период, когда материя выделяет пары и становится черной, затем пары сгущаются и осаждаются в виде жидкости. Один алхимик, рассматривая общий процесс, дает ему название дистилляции, потому что, действительно, в нем мы видим

два процесса: испарение и сгущение. Другой, различая фазы процесса, найдет сублимацию, испарение, осаждение и сгущение; третий, взяв в соображение черный цвет, прибавит третью фазу — гниение. А между тем, все это составляет только один период Делания.

То же самое можно сказать и о всяком другом процессе.

Таким образом, является как бы разница между описаниями одного философа и другого. В то время как Пернети устанавливает двенадцать процессов: пережигание, или кальцинацию, затвердение, или накипь, сгущение, растворение, переваривание, дистилляцию, сублимацию, выделение, разложение, брожение, размножение, подсыхание, — Бернар Тревизан допускает только один:

«Хотя философы и делят Магистерий, принимая во внимание разнообразие процессов, на несколько частей, но в действительности существует только один — образование яйца» (*Bernard de Trévisan. De la nature de l'oeuf*). Но это толкование неясно, и другие алхимики делают иные деления. Гелиас считает семь процессов: сублимацию, кальцинацию, растворение, омовение, насыщение, сгущение, затвердение. Альберт Великий признает четыре: очищение, омовение, растворение и затвердение.

Немало способствует затемнению вопроса то обстоятельство, что одни считают процессы, начиная с приготовления материи, между тем как другие — с момента заключения ее в яйцо. Но, в сущности, Великое Делание можно разделить на четыре фазы: 1-я — Приготовление материи; 2-я — Варение ее в философском яйце и достижение известных цветов в желаемом порядке; 3-я — Процессы, имеющие целью дать философскому камню большую силу: это фиксация и брожение. И, наконец, 4-я — Трансмутация, с помощью камня, неблагородных металлов в золото и серебро: это — *подсытание*.

Все процессы, которые совершались во время Великого Делания, могут быть приведены к одному — к варке, ибо все делается с помощью огня. *Алан де Лилль* говорит так: «Названия — переварка, соединение, смешение, сублимация, сгущение, сушение, накаливание и другие видоизменения, которые можно наблюдать в этом процессе, представляют только фазы, которые называют просто растиранием и перевариванием. Василий Валентин признает только два процесса: растворение и сгущение, то есть последовательные переходы от инертного состояния материи к состоянию деятельному». («*Дух*: Тебе помогают огонь и азот. *Альберт*: О, небесное слово, как я должен совершить это? *Дух*: Раздражай и сгущай, растворяй и соединяй». «*Colloque de l'Esprit de Mercure avec frère Albert*»).

Несмотря на это различие мнений, мы попробуем осветить этот хаос. Первый процесс (приготовление материи) есть соединение. Это — союз серы и ртути, мужского и женского начал. После нагревания появляется черный цвет: происходит гниение. Дальше мы увидим, почему название *гниение* дано феноменам, которые происходят в то время, когда материя чернеет. Вот ее главные моменты: смерть, разрушение, гибель, пережигание, обнажение, отделение, размельчение, расширение, извлечение, разжижение, дистилляция, порча, разделение, насыщение.

Вследствие гниения происходит обмывание. Этот процесс состоит в том, что черный цвет как бы смывают, и камень окрашивается в белый цвет. Философы символизировали это омовение под видом саламандры, очищающейся в огне; асбеста или горного льна, который пламя белит, не уничтожая. «Омовение — это не что иное, как уничтожение черноты, пятен, загрязнения, и представляет продолжение второй степени „огня Египта”» (*Rouillac. Abrégé du Grand-Oeuvre*). Омовение

Стадия нигредо: угасание меркурианского старца, испускающего дух и аниму. Ворон — символ нигредо. (*Jamsthaler. Viatorium spagyricum. 1625.*)

называется также белием, удалением, воскрешением.

Наконец, наступает рубификация, характеризующаяся появлением красного цвета, указывающего, что делание совершено. К этой классификации, основанной на последовательности цветов, или окраски, можно привести все процессы, поименованные алхимиками.

Сам Филалет связывает процессы с цветами, или окраской; он не дает им особых наименований, но

Меркурианский дух *prima materia* в форме саламандры, режвящейся в огне. (*Maier. Scrutinium chymicum. 1687.*)

довольствуется указанием металлов, служивших символами окраске, или цветам. (См. гл. VII.) Вот что он говорит об этом в «*Entrée ouverte au Palais fermé du roi*»:

«1-е. — *Воздействие Меркурия.* — Материя проходит через различные цвета; процесс немного замедляется на зеленом цвете, и наконец субстанция чернеет. Это продолжается пятьдесят дней. Окрашенные пары сгущаются и осаждаются снова назад на твердую матерю. 2-е. — *Влияние Сатурна* обнаруживается черным цветом. Черная растворенная материя кипит,

Ребенок, заключенный в яйцо, символизирует красный цвет, который возвещает конец Великого Делания. Рисунок заимствован из сочинения Бархузена «Liber singularis».

иногда твердеет. Это продолжается сорок дней. 3-е. — Воздействие Юпитера продолжается от черного до начала белого цвета. Испарение и сгущение. В это время появляются всевозможные цвета, которые трудно себе вообразить. Дожди пойдут все обильнее с каждым днем,

и наконец произойдут вещи, весьма приятные на взгляд: на стенках сосуда появятся маленькие белые волокна или волоски. Это влияние продолжается 20 или 21 день. 4-е. — *Воздействие Луны* выразится в совершенной белизне и продолжится в течение трех недель. Материя твердеет и растопляется поочередно несколько раз в день. Наконец она получает форму маленьких белых зернышек. 5-е. — *Влияние Венеры*. — Субстанция принимает взамен белого зеленый цвет, затем светло-голубой и темно-красный. Она распускается и пучится. Это продолжается 40 дней. 6-е. — *Воздействие Марса*. — Материя сохнет, последовательно делается оранжевой и темно-желтой, затем принимает окраску цветов ириса. Это продолжается 45 дней. 7-е. — *Влияние Солнца* характеризуется переходом из оранжевого цвета в красный; она испускает красные пары, затем опускается, делается мокрой, сохнет, течет и крепнет по несколько раз в день. Наконец она распадается на маленькие красные зерна».

Филалет не говорит здесь ни о брожении, ни о подсыпании. Он говорит об этих двух процессах отдельно. Описание представляет только процессы, происходящие в философском яйце.

Умножение — процесс, который следует за достижением красного цвета. Он имеет целью увеличить могущество камня и позволяет быстрее производить превращение металлов. Обыкновенно разбивали философское яйцо, собирали красную материю, смешивали ее с распущенным золотом и получали рассыпчатую красную массу, которую охлаждали разными способами, смотря по желанию философа. По мнению алхимиков, камень таким образом увеличивается не только в количестве, но и в качестве; этот процесс можно продолжать до бесконечности. Теперь будет понятно восторженное восклицание Раймонда Луллия: «*Mare tingerem, si mercurius esset!*» Большая часть философов оперировала так, как

мы только что сказали. «Если ты захочешь воспользоваться физической краской для трансмутации, то сначала потеряешь по фунту на каждую тысячу растворенного золота. Только тогда лекарство будет готово и способно заставить исчезнуть язву металлов» (*Paracelse. Tinctura physicogum*). Эк де Зульцбах ясно описывает весь процесс. «Возьми две марки чистого золота, растопи его в тигле и всыпь туда $1/4$ фунта вышеупомянутого лекарства; оно будет моментально поглощено золотом и составит с ним одно целое; тогда брось туда еще $1/4$ фунта лекарства, чтобы обратить все золото; истолки, затем поставь на сильный огонь, и тогда все превратится в красный порошок, похожий на киноварь или сурик. Брось одну часть его на сто частей чистой Луны, или серебра, и ты получишь великолепное золото» (*Eck de Sulzbach. Clavis philosophorum*).

Некоторые алхимики следовали другому методу: они брали красную материя и, смешав ее с сублимированным меркурием (*bichlorure de mercure*, или двухлористый ртуть), переваривали в реторте на легком огне, и результат, полученный ими, был тот же самый.

После брожения материя была уже способна превращать металлы. Процесс, которым простые металлы превращались в золото и серебро, назывался подсыпанием. Для этого брали металлы: ртуть, свинец и олово. Первый сильно нагревали, но так, чтобы не достигал точки кипения; два же других просто расплавляли, соединяли все три и затем в тигель бросали кусок философского камня, покрытого воском. Когда сплав остывал, находили слиток золота, по весу равный употребленному металлу, по мнению же других — меньшего веса, что зависело от качества употребленного сплава или философского камня. Восковая обертка была, как кажется, необходима, ибо, по Гельвецию, только потому не удалась его первая присыпка, что он пренебрег этой предосторожностью, как он

рассказывает в своей «Veau d'or». Вторая ему удалась только потому, что он завернул камень в воск.

Теперь мы будем рассматривать символы главных процессов. Первый процесс, или «соединение», был символизирован браком царя и царицы, серы и ртути. Пантакль шестого ключа Василия Валентина изображает царя, дающего обручальное кольцо царице, в то время как епископ их благославляет, символизируя союз. Не надо забывать, что союз этот был назван также и философским браком. В фигурах, сопровождающих «Grand Rosaire», напечатанный в «Artis Auriferae», союз этот изображен грубее — чувственным союзом короля и королевы.

«Гниение» символизировалось обыкновенно всем, что могло напомнить идею смерти или черноты, трупа, скелета, ворона и т.д. Таким образом, в «Viatorium spagyricum» гниение символизировано скелетом, стоящим в черном шаре и держащим в правой руке ворона. Пантакль четвертого ключа Василия Валентина имеет тот же смысл: он изображает скелет, стоящий на катафалке.

«Омовение» — процесс, который следует за «гниением», ассимилирован с воскресением, следующим за смертью, как белый цвет (символ жизни) следует в делании за черным цветом (символом смерти).

Восьмой пантакль Василия Валентина относится к этому процессу. Можно его комментировать, таким образом, в его двойном смысле, мистическом и алхимическом. Всякая жизнь является через процесс порчи и гниения. Зерно, положенное в землю, там гниет (по средневековой аллегории), и затем из него возрождается колос. Наше тело, опущенное в землю, в ней разрушается, но в день страшного суда оно воскреснет. Материя, положенная в яйцо, гниет, затем возрождается, теряет свою черноту, белеет и воскресает. Два человека целятся в мишень: один достигает цели — он уяснил себе смысл символов, другой ее никогда не достигнет; это — сумасшедший и мудрец Таро.

«Омовение» называлось также «белением», потому что тогда происходит в яйце внутренняя дистилляция, вследствие которой материя, омываемая постоянной циркулирующей жидкости, белеет. Это изображено в «*Viatorium spraguricum*». Скелеты выходят из гробов — они воскресают; масса птиц летает над ними, одни — поднимаясь, другие — опускаясь, что означает дистилляцию.

Дистилляция иногда разделялась на два процесса: 1-й — выделение паров, или сублимация, символизировалось птицей, поднимающейся с поднятой кверху головой; 2-й — сгущение паров в жидкость, осаждение, или опускание, символизировалось птицей, которая опускается, с головой, опущенной книзу. В «*Grand Rosaire*» ребенок, прыгающий кверху, выйдя из гроба, где заключен химический гермафродит, изображает сублимацию.

«Фиксация» — конечный процесс делания, во время которого появляется красный цвет, представлен в «*Viatorium*» новорожденным ребенком, а у Бархузена в «*Liber singularis de Alchimia*» — молодым царем с короной на голове, заключенным в философское яйцо. В фигурах Ламбспика Отец, Сын и Дух, царствующие в славе, имеют то же самое значение.

ГЛАВА VII

Цвета Делания. — Единогласие философов. — Главные и промежуточные цвета. — Черный цвет, гниение, «голова ворона». — Белизна. — Ирис. — Красный цвет.

В течение процесса Великого Делания материя меняет несколько раз свой цвет. Эти цвета появляются

один за другим в неизменном порядке; правильная последовательность цветов указывает, что делание находится на правильном пути. Уже греческие алхимики упоминали о цветах Великого Делания. Они их насчитывали четыре и ассимилировали с четырьмя странами света: 1. *Север* — чернота, черный. 2. *Запад* — белизна, белый. 3. *Юг* — лиловатость, фиолетовый. 4. *Восток* — желтизна, красный. (См.: *Berthelot. Origines de Alchimie*).

Начиная с греков, все алхимики говорили о цветах, и в этом пункте они сходились во мнениях. Их кажущееся разногласие происходит от того, что некоторые считают важными и перечисляют цвета, о которых другие не упоминают. Но эти мелкие различия относятся только к цветам второстепенным.

В действительности можно разделить цвета Делания на два класса: 1) три главные цвета, о коих сообщают все алхимики, это: черный, белый и красный; и 2) цвета второстепенные и промежуточные, служащие переходом от черного к белому и от белого к красному. Так, например, раньше черного появляется пестрая смесь цветов: между черным и белым — серый, между белым и красным — зеленый, голубой, цвета радуги, или солнечного спектра, а затем — желтый, оранжевый и, наконец, красный.

Главные цвета следуют так: черный, белый, красный. Вот почему философы говорят: «Наш камень имеет три цвета: он черен в начале, бел в середине и красен в конце» (*Albert le Grand. Le Composé des composés*). Также: «Этот дух, как феникс, возрождающийся из своего пепла, снова одевается в тело черное, белое, красное» («*Précepte du père Abraham à son fils*»). Некоторые философы причисляли к главным цветам желтый или оранжевый, а иногда и цвета радуги, называемые ими ирис или хвост павлина, так что число главных цветов доходило до четырех. Но это число никогда не было увеличено; одни промежуточные цвета между белым и красным имели значение; алхимики мало

говорят о тех цветах, которые предшествовали черному и переходу от черного к белому.

Символы цветов многочисленны, и весьма важно их знать. Они относятся только к трем или четырем главным цветам.

Их часто представляют четырьмя птицами: *вороном*, изображающим черный цвет, *лебедем* — белый цвет, *павлином* — цвет ириса и *фениксом* — красный цвет.

Такое изображение они имеют в пантакле девятого ключа Василия Валентина.

Иногда феникс замещается царем, держащим скипетр, как в пятой главе немецкого перевода соч. «*Crede mihi*» Нортон. Цвета символизировались четырьмя временами года: весной, летом, осенью и зимой (см. восьмой ключ Василия Валентина), а равно и металлами, причем Сатурн, или свинец, соответствовал черному, серебро, или Луна, — белому, медь — красному, Марс, или железо, — ирису. Теобальд Гогланд в своем трактате «*Des difficultés de l'Alchimie*» говорит об аллегориях философов, что в начале варения, когда камень черен и почти сырой, его называют свинцом, когда же, потеряв черноту, он начинает белеть, его называют оловом, а затем — золотом, когда он принимает красный цвет.

Воздействия, о которых мы уже говорили с точки зрения процессов, суть следующие: 1-е — влияние Меркурия тотчас после разведения огня в продолжение двадцати дней характеризуется пестрой окраской материи; на тридцатый день начинает преобладать зеленый цвет, и только на сороковой — появляется настоящая чернота. 2-е — воздействие Сатурна; обнаруживается черным цветом. 3-е — влияние Юпитера; сказывается в окраске промежуточными цветами между черным и белым. 4-е — воздействие Луны; проявляется в белом цвете. 5-е — влияние Венеры; производит зеленый цвет,

затем голубой, синеватый и темно-красный. 6-е — воздействие Марса; дает окраску желто-оранжевую, цвета ириса и хвост павлина. 7-е — влияние Солнца; производит красный цвет.

Яснее выразиться нельзя, и читатель легко поймет следующее место Хёффера, приведенное нами ранее:

Выходит черный Сатурн,
Которого Юпитер, появляясь из своего жилища,
Отрекает от господства,
О чем вздыхает Луна,
То же делает и Венера,
Представляющая олово. Более я ничего не прибавлю,
Как только то, что Марс, войдя в него,
Создаст убийственный железный век,
После которого появится
Солнце, когда оно возродится.*

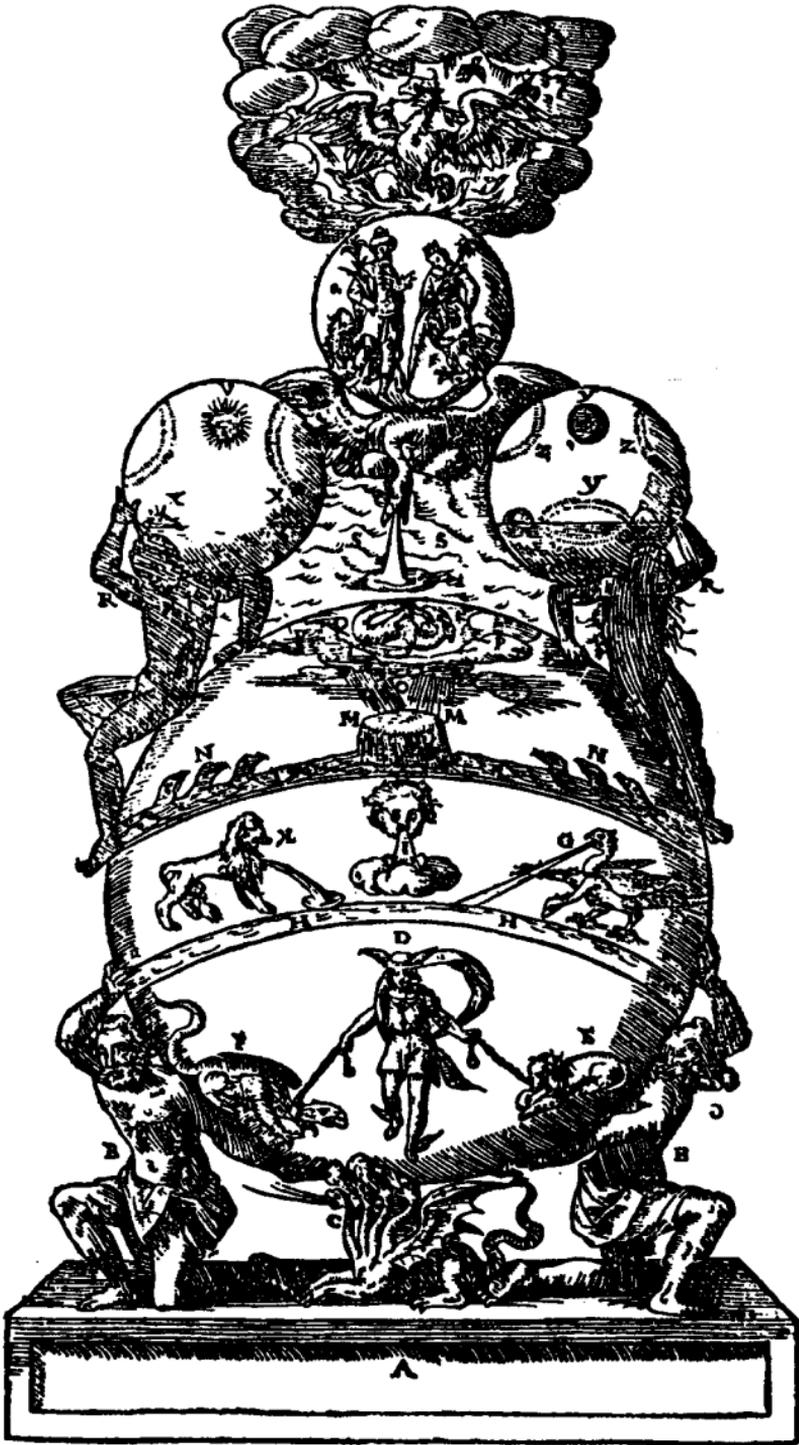
Кроме того, цвета символизировались плодами. В следующем месте речь идет о промежуточных цветах между белым и красным и о самом красном цвете.

«Затем, установив третью степень огня, ты увидишь возрастание всевозможных прекрасных плодов, каковы: айва, лимоны и апельсины, которые вскоре превратятся в красные яблоки» («Cassette du petit paysan»).

Бернар Тревизан аллегорически говорит о цветах: «Об этом сказано, что вещь, хозяин которой красен и имеет белые ноги и черные глаза, есть Магистерий» («La parole délaissée»). И в другом месте: «Вообразите, я у него спросил, какого цвета был король. И он мне ответил, что он был одет в сукно золотистого цвета первого тона и плащ черного бархата поверх белоснежной рубашки, под которой он имел красное, как кровь, тело» (*Bernard de Trévisan. Le livre de la philosophie naturelle des métaux*).

* «Le Grand Olympe», философская поэма.

Ichnographia operis Philosophici alba.

⇨ Последовательные стадии алхимического процесса.

- A — пьедестал, символизирующий землю;
- B — гиганты или Атласы, стоящие на коленях и поддерживающие сферу;
- C — четырехголовый дракон, из дыхания которого рождается поверхность сферы;
- D — Меркурий, держащий серебряную цепь, к которой привязаны два лежащих животных;
- E — зеленый лев;
- F — одноголовый дракон. E и F оба обозначают одно и то же — жидкий меркурий, который является *materia prima* камня;
- G — трехголовый серебряный орел, две головы которого склонены, а третья изрыгает белую воду, или жидкий меркурий, в море, обозначенное буквой H;
- I — рисунок ветра, испускающего дыхание духа (*spiritus*) в море, лежащее внизу;
- K — рисунок красного льва с красной кровью, стекающей из его груди в море под ним, так как море должно быть окрашено, как если бы оно было смесью серебра и золота или белого и красного;
- L — поток черной воды, который находится в состоянии хаоса, символизирующего разложение (*putrefactio*). Из него поднимается гора, черная внизу и белая наверху настолько, что серебряный поток падает с ее вершины. Это иллюстрация первичного растворения и соединения и получающегося в результате второго растворения;
- M — гора, упомянутая ранее;
- N — головы черных воронов, выглядывающих из моря;
- O — серебряный дождь из облаков на вершине горы. Это обозначает второе растворение, посредством которого элементы воздуха извлекаются из земли и воды;
- P — облака, из которых исходит роса или дождь и питающая влага;
- Q — образ небес, где дракон лежит на спине и пожирает свой хвост — это изображение второго соединения;
- R — эфиопы, мужчина и женщина, поддерживающие две высшие сферы. Они сидят на большой сфере и поэтому представляют *nigredo* второй операции во втором разложении;
- S — море чистого серебра, символизирующее жидкий меркурий, посредством которого объединяются примеси;

- T — лебедь, плывущий по морю, выплевывающий молочную жидкость из своего клюва. Этот лебедь — белый эликсир, белый мел, мышьяк философов, вещество, общее обоим ферментам. Его задача — поддерживать верхнюю сферу своей спиной и крыльями;
- V — солнечное затмение;
- X — солнечный закат в море, т. е. в меркуриальные воды, куда также должен стечь эликсир. Это приводит к истинному солнечному затмению и радуге по обеим сторонам, что наводит на мысль о хвосте павлина, который позже возникнет при соединении;
- Y — лунное затмение, которое также сопровождается радугой по обеим сторонам и в нижней части моря, в которое луна должна погрузиться. Это картина белой ферментизации. Но оба моря должны быть довольно темны;
- Z — луна, скользящая в море;
- a — король, одетый в пурпур, с золотой короной, держащий перед собой золотого льва. В руке он держит красную лилию, в то время как королева держит белую;
- b — королева с золотой короной на голове, глядящая белого или серебряного орла, который стоит перед ней;
- c — феникс на сфере, сжигающий сам себя. Из пепла вылетает много золотых и серебряных птиц. Это знак преумножения и роста.

(*Libavius. Alchimia. 1606.*)

Наконец, цвета уподоблялись четырем элементам: «Во время Делания появляются четыре цвета. Черный цвет, как уголь; белый, как цветок лилии; желтый, как ноги птицы, называемой копчиком; красный, как рубин. Они называют чернотой воздух, белизной — землю, желтизной — воду и краснотой — огонь» (*David Lagneau. Harmonia chimica*).

Надо прибавить, что алхимики варьировали в применении названий элементов к цветам: один называл чернотой воздух, а другой — землю. Следующая выдержка значительно отличается в этом отношении от предыдущей. «Во время периода первого влияния камень черен, его называют Сатурном, землей и именами всех черных вещей. Затем, когда он белеет, его именуют

водой и названиями всего влажного, соленого или белой землей.

Когда он желтеет и выпаривается, то получает наименование воздуха, желтого масла и имена всех летучих вещей. Наконец, он краснеет, и его называют: небом, красной серой, золотом, карбункулом и именами всех красных драгоценных вещей, как минеральных, так и животных и растительных («Clangor buccinae»).

Мы теперь будем специально изучать три основных цвета: черный, белый и красный. Первым появляется черный. Алхимики распространялись об этом цвете потому, что он указывает на то, что делание находится на правильном пути: «Материя, приведенная в движение соответствующим жаром, начинает делаться черной. Этот цвет является ключом и началом Делания. В нем заключаются все другие цвета: белый, желтый и красный» (*Huginus a Barmâ. Le regne de Saturne*).

Герметические философы давали разные имена черному цвету. «Эта чернота — знак гниения; философы называют ее западом, темнотой, затмением, головой ворона, смертью» («Le Filet Ariadne»).

Но его главный символ был ворон. «Знайτε также, что ворон, летающий без крыльев в ночной черноте и солнечном свете, есть глава или начало искусства» (*Hermès. Les sept chapitres*). Его также называли *головой ворона*. «Указание на это плодородие даст тот алеф, или темное начало, которое древние называли *головой ворона*» (*Huginus a Barmâ. Le regne de Saturne*). По словам Руйяка («*Abrégé du Grand-Oeuvre*»), черный цвет символизировали вороном потому, говорит он, что воронята рождаются белыми, и родители бросают их до тех пор, пока у них не появятся черные перья. Точно так же алхимик должен покинуть Делание, если чернота не появится. Это признак, что Делание не удалось и что его начать надо снова.

Думали, что мухи рождаются из гниющей грязи, а Ван Гельмонт уверял, что видел, как из старого сгнившего белья родились мыши. Эта теория применялась к трем царствам природы; начало Делания должно, следовательно, быть порчей, гниением, после чего оживленная материя совершенствуется до красного цвета. Кроме того, гниение есть символ смерти, из которой проявится жизнь. Смерть — это ночь, черный цвет; жизнь есть свет, белый цвет. Вот почему алхимики называли черный цвет гниением.

«Таким образом, первому процессу Делания дали название гниения, ибо в это время наш камень черен» (*Roger Bacon. Miroir d'Alchimie*).

Черный цвет появляется около сорокового дня после того, как начали согревать философское яйцо: «Грейте умеренно философский раствор в сосуде, запечатанном герметически, в течение сорока дней до тех пор, пока на поверхности не образуется черная материя, которая есть «голова ворона» философов» (*Alain de Lille. Dicta Alani de lapide philosophico*).

Во время черноты, согласно Филалету и Фламелью, появляется сильный запах, который обнаружится, если во время этой части Делания сосуд лопнет.

Прежде изготовления материя бывает весьма зловонна, но потом запах делается приятным, вследствие чего мудрец сказал: «Эта вода берет запах у мертвого и неподвижного тела» (*Morien. De transmutatione metallorum*). Вода, о которой здесь говорится, есть жидкость, образующаяся от сгущения паров в философском яйце. И действительно, во время черного цвета отделяются пары желтые, красные и зеленые, которые наполняют яйцо. Этот газ, смешанный с парами воды, сгущается и снова падает на материю. Наконец, газ более не выделяется, появляется полная чернота, все успокаивается.

Алхимики гораздо менее распространялись о белом цвете. После черного цвета вскоре появляется серый

цвет. «Цвет серый является после черного» («Note manuscrite en marge de la Bibliotheque des philosophes chimiques»). После этого постепенно появляется белый цвет.

«Признак совершенной белизны есть маленький, очень тонкий кружок, появляющийся вверху сосуда в то время, когда цвет материи переходит в оранжевый» («L'Echelle des philosophes»). Затем этот круг увеличивается и испускает белые лучи, тонкие, как волосы (откуда иногда появляется название: волосьяная белизна); сходясь в центре, эти нити, размножаясь, окрашивают в конце концов всю массу в белый цвет.

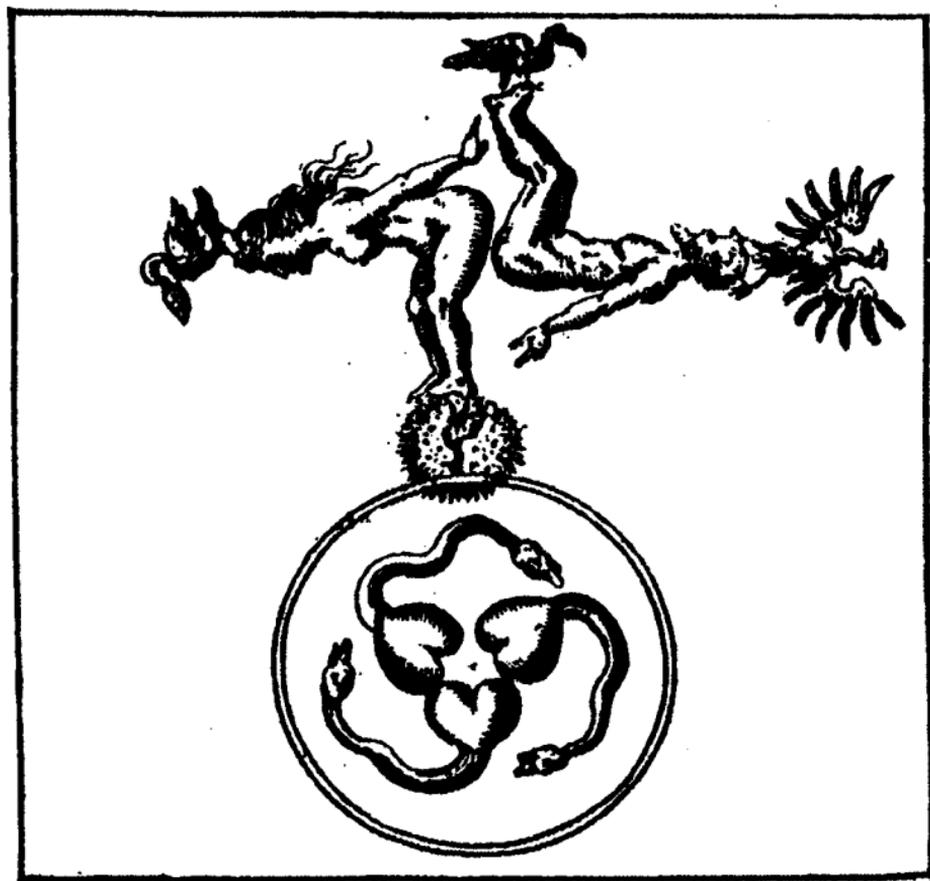
Фламель говорит в своей книге, что белизна есть символ жизни, а чернота — смерти, и вследствие того он представил в своих иероглифах кладбища Невинных тело, дух и душу, или материю камня, как мужчин и женщин, одетых в белое или воскресающих из гробов, чтобы обозначить живительную белизну, являющуюся после смерти, черноты, гниения.

Философы дали много названий белизне. Что касается аллегорий и символов белизны, то Пернети их великолепно разрешает в своем «Dictionaire mithohermétique». «Философы говорят, что когда появляется белизна на материи Великого Делания, значит, жизнь победила смерть, что их „Царь” воскрес, что земля и вода сделались воздухом, что это — воздействие Луны, что их „дитя” родилось, что небо и земля бракосочетались, потому что белизна указывает на союз, или брак, устойчивости и летучести, женского и мужского».

Что же касается красного цвета, то алхимики говорят о нем мало. Он означает счастливый конец Делания. Материя высыхает совершенно и трансформируется в порошок яркого красного цвета. Нагревают сильнее, чем это делали до сих пор, разбивают яйцо и получают философский камень. «Когда камень, достигший красно-

го цвета, начинает разрываться или давать трещины и надуваться, его ставят пережигать на отражающую печь, где он окончательно затвердевает» (*Arnauld de Villeneuve. Novum lumen*).

Символ оконченного Делания — это треугольник, обращенный вершиною вниз, с крестом, находящимся над его основанием. Он изображен в 12-м ключе Таро.

Настоящий рисунок представляет пантакль девятого ключа Василия Валентина. Черный мужчина и белая женщина — устойчивость и летучесть — сера и ртуть. Три змея означают три начала. Ворон — это черный цвет. Лебедь — белый цвет. Павлин — цвета радуги. Феникс — красный цвет. (См. главы II, IV, и VII.)

Теперь, когда Великое Делание нам известно на практике и символах, мы можем понять следующие слова, которые раньше нам показались бы лишенными смысла, если не смешными. Эксимиданус говорит: «Мочите, сушите, черните, белите, обращайтесь в порошок и доведите его до красного цвета, и вы будете обладать всем секретом искусства, заключающемся в этих немногих словах. Первое черно, второе бело, а третье красно; 80, 120, 280 — два их делает, и они сделались 120. Резина, молоко, мрамор, луна = 80. Олово, железо, шафран, кровь = 120. Персик, груша, орех = 280».

«Если вы меня понимаете, вы весьма счастливы; если нет — больше ничего не ищите, ибо все заключается в моих словах» («La Tourbe des philosophes»). Мочите и сушите — это растворение и кристаллизация при приготовлении материи. (См. гл. IV.) Чернить, белить, делать красным есть указание на три главные цвета. Превращайте в порошок, производя посредством огня весь процесс; всякий инструмент, могущий ранить, будет символом огня. (См. гл. V.) Все остальное относится к цветам. Первый будет черный и т.д., это значит, что первый процесс характеризуется черным цветом, второй процесс — белым, третий — красным. Резина, молоко, мрамор, луна — символы белого цвета. Олово, шафран, железо, кровь — символы черного и серого цвета. Числа 80, 120, 280 изображают эти три цвета; а два, их образующие, суть сера и ртуть. Они достаточны для того, чтобы произвести все Делание, переходя постепенно через три цвета.

Хорошо еще, что алхимические трактаты не все так темны, как «La Tourbe des philosophes». И их можно понять и отличить истинное от ложного при небольшом навыке. Тем, кто хотел бы проникнуть глубже в изучение герметизма, мы рекомендуем обратить внимание на трактаты Альберта Великого, Роджера Бэкона, Бернара

Тревиана, д'Эспанье, Фламель, Гигинуса из Бармы, Кунрата, Раймонда Луллия, Парацельса, Филалета, Рипли, Сендивогия, Василия Валентина, Арнольда из Виллановы и Дионисия Захария; а из анонимных сочинений — «Texte d'Alchimie» и «La Tourbe des philosophes».

ГЛАВА VIII

Философский камень. — Проба камня. — Его свойства. — Трансмутация, или превращение металлов. — Эликсир долгой жизни. — Его действия на душу.

Когда Делание достигло красного цвета, из заключенной материи получается философский камень, красный эликсир, или Великий Магистерий. Мы знаем, что матерью, сделавшуюся белой, — белый эликсир — называли Малым Магистерием, но этот Малый Магистерий превращает металлы только в серебро, тогда как Великий Магистерий превращает металлы в золото и, кроме того, обладает другими свойствами; но мы будем говорить только об этом качестве.

Философский камень представляется под видом порошка ярко-красного цвета и довольно тяжелого. Между тем, эти физические свойства не давали достаточных гарантий для алхимиков. Чтобы удостовериться в его качестве, они сыпали его на металлическую пластинку, разогретую докрасна. При этом камень должен расплавиться, не распространяя дыма: «Возьми чистую оловянную пластину, три ее и отполируй, положи на нее немного твоей материи и поставь на раскаленные угли. Если материя расплавится и расплывется по горячей пластине, твое лекарство совершенно; тогда

возблагодари Господа» (*Isaak le Hollandair. Opera mineralia*). Греввер говорит почти то же самое: «Возьми зерно твоей материи, положи его на железную или медную пластину и нагрей ее сильно, пока она не побелеет. Если тогда не поднимется никакого дыма и взятая с огня материя ничего не потеряет ни в весе, ни в величине, то, значит, она хорошего качества» («*Secretum nobillissimum*»). Калид прибавляет некоторые подробности: «Когда камень закончен, кладут частичку его на раскаленную докрасна железную, оловянную или серебряную пластину. Если он расплавится и потечет, как воск, без дыма, сильно прилепля-

ясь к металлу, — он великолепен» («Livre des trois paroles»).

Счастливым алхимиком, обладающим философским камнем, принимал имя адепта; он мог с этого времени употреблять в свою пользу чудесные свойства камня. Дионисий Захарий в своем «Opuscule de la Philosophie naturelle des métaux» и Филалет в «Entrée ouverte au palais fermé du roi» признают у него три свойства: 1-е — превращать металлы в золото и в серебро, 2-е — производить драгоценные камни, 3-е — сохранять здоровье.

Греческие алхимики признавали в красном эликсире только одно свойство — превращать металлы; это только позднее ему стали приписывать некоторые другие свойства.

Алхимики не согласуются в вопросе о результате трансмутации с помощью камня. По мнению одних, получается только маленький слиток. Только часть металла обращается в золото с тем же весом.

«Из одной унции этого порошка, белого или красного, ты сделаешь Солнце в бесконечном множестве, и ты обратишь в Луну всякий сорт металлов, взятых из рудника», и далее: «Ты посыплешь этой материи на тысячу частей обыкновенного ртути, и он будет обращен в настоящее золото» (*R. Lulle. La Clavicule*). Роджер Бэкон утверждает то же самое в конце своего «Miroir d'Alchimie». Дело в том, что камень обладает большим или меньшим достоинством, судя по тому, сколько раз его заставляли бродить: «Так что после одного процесса часть эликсира превращает сто частей все равно какого металла; после двух процессов — тысячу частей, после трех — десять тысяч, после четырех — сто тысяч, после пяти — миллион и так далее до бесконечности» (*Albert le Grand. Le Composé des composés*).

Некоторые алхимики превзошли, однако, Альберта Великого. Один из них вообразил, что таким образом

добытое золото может, в свою очередь, превращать металлы в золото.

Камень, по мнению алхимиков, улучшает не только металлы, но, по аналогии, излечивает человека от всяких болезней и увечий: он может, таким образом, продлить жизнь. Его раствор в алкоголе представляет *жизненный эликсир*.

Артефиус думал при его употреблении прожить 1000 лет. Жан де Ласниоро уверяет даже, что он воскрешает мертвых: «Я вам говорю правду, если бы полумертвый человек мог любоваться красотой и достоинствами нашего камня, то всякий род увечья удалился бы от него; если бы даже он был в агонии, и тогда он бы воскрес» (*Jean de Lasnioro. Tractatus aureus de lapide philosophico*). Некоторые философы давали подробности о лечебном действии философского камня. Согласно указаниям Арнольда из Виллановы: «Он сохраняет здоровье, увеличивает мужество; старика делает молодым человеком. Он изгоняет всякую едкость, он устраняет яд из сердца, он смачивает артерии, укрепляет легкие, очищает кровь и исцеляет раны. Если болезнь началась месяц назад, он исцеляет от нее в один день; если болезнь тянется год, он исцеляет от нее в 12 дней. Если человек болен уже несколько лет, то излечивает в течение одного месяца» («*Le Rosaire*»). Анонимный автор «*De l'Aurora consurgens*» приписывает ему свойства еще более необычайные:

«Он исправляет испорченные, кислые вина, уничтожает ненужную растительность, морщины и веснушки; он дает женщинам молодое лицо, облегчает роды, а в виде пластыря делает выкидыш; он гонит мочу, возбуждает и дает половую силу; уничтожает опьянение; возвращает память...»

Кунрат допускает его влияние не только на тело, но и на дух и душу. «Если дать камень больному, то он

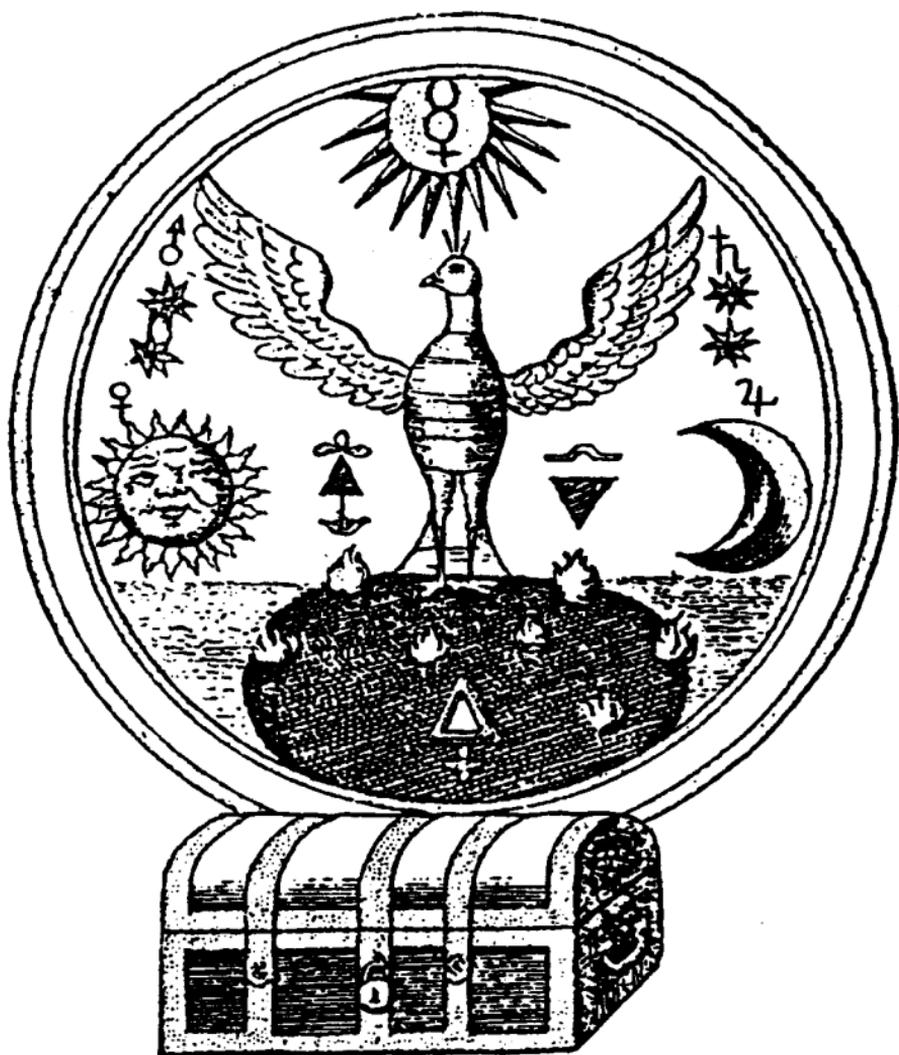

Prima materia в виде дракона, оплодотворяемого святым духом (avis Hermetis - птицей Гермеса). (Theatrum chemicum Britannicum. 1652.)

выгонит из него все болезни, как душевные, так и телесные. Он изгоняет проказу, водянку, эпилепсию, апоплексию, глухоту, слепоту, сумасшествие, гордость и невежество» (H.Khuntrath. Confessio de chao-physico-chimicorum). Также: «С помощью Всемогущего Бога этот камень вас освободит и сохранит от всех болезней, как бы велики они ни были; он предохранит вас от тоски и огорчений и от всего, что могло бы повредить вашему телу и духу» (Hermès. Les sept chapitres).

Он не только исцеляет испорченную нравственность, но увеличивает способность понимания и дает могущество управлять природой и видеть Бога в Его славе.

«Он мне сказал, что если в течение 9-ти дней последовательно я буду употреблять по 9 зерен камня, я буду одарен ангельской интеллигенцией и мне будет казаться, что я в раю» («Cassette du petit paysan»). Спербер идет далее: «Наконец, он очищает и иллюминирует так тело и душу, что тот, кто его имеет, видит как в зеркале все движения небесных созвездий и влияния

Пантакль Василия Валентина

светил, даже не глядя на небесный свод, с закрытыми окнами своей комнаты» (*Sperber. Isagoge de materia lapidis*). Одним словом, адепт может наблюдать невидимое небо, закрытое для других людей.

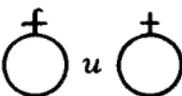
Ранее приводилось мнение, что философский камень производит драгоценные камни, соединяет несколько маленьких жемчужин в одну; наконец, «*Clangor Buccinae*»

нам повествует, что он чудесным образом расплавляет стекло.

Этим мы закончим наш труд и позволим себе утверждать, что лица, внимательно его прочитавшие и удержавшие в памяти главные его черты, будут в состоянии понять какой угодно трактат по алхимии, насколько бы он ни был аллегоричен.

Приводим в заключение пантакль Василия Валентина и предоставляем читателю найти его значение.

НЕКОТОРЫЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ ЗНАЧКИ АЛХИМИИ И ГЕРМЕТИЗМА

-
— обычные квасцы, вечность, движение, мужской принцип, воздух.
-
— золото и Солнце, соль — сильнейшая после селитры и купороса, Бог и вселенная, в масонстве — знак ордена.
-
— соль или *Соль* — ключ алхимического искусства.
-
— селитра — царь всех солей и мельница, которая все перемалывает.
-
— купорос, соль, ближайшая к селитре.
-
— медная зелень и ярь-медянка, стихии в космосе.
-
— поваренная соль (2-й знак).
-
— мертвая голова.
-
— сурьма и киноварь.
-
— сурьмяной цвет, планета Земля.
-
— порошок.

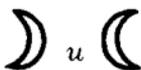
— реальгар.

— каменная соль.

— созвездие Тельца, застывание, аммиачная соль.

— серебро и планета Луна.

— медь и планета Венера.

— бронза.

— Меркурий — планета и металл, «азот» алхимиков.

— возогнанный Меркурий (sublimatum).

— осажденный Меркурий (precipitatum).

— щелочь.

— железный или красный купорос.

— медный купорос.

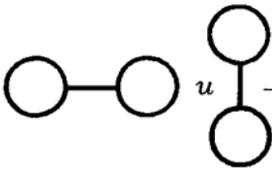
- — стеклянный стакан.
- — железные опилки.
- — железо, планета Марс.
- — реторта.
- — квинтэссенция.
- — дистиллирование.
- — поваренная соль.
- — марказит (сернистое железо).
- — воск.
- — золото и Солнце.
- — «туция», окись цинка.
- — спирт, дух.

— кипячение.

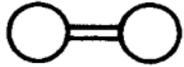

— годичный срок Делания.

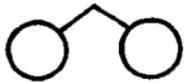

и

— мышьяк.

— аурипигмент.

— магнит.

— возгонка, тонкое.

— очищение.

— реальгар.

— созвездие Рака, соль аммиака, растворение.

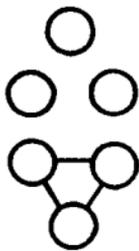
— дневной срок.

— ночной срок.

— камедь, растительный клей.

— масло.

— водка.

— камфора, *stratum super statum*.

— твердая соль.

— вода (стихия древних).

— огонь (стихия древних).

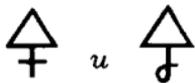
— земля (стихия древних).

— воздух (стихия древних).

— углубление.

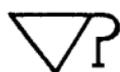
— сера, дух Юпитера. Перевернутый крестом вверх — знак Великого Делания.

— сера философов (идеальная).

— азотная кислота.

— царская водка.

— поваренная соль.

— моча.

— месячный срок.

— созвездие Близнецов, реальгар, затвердевание.

— квасцы обыкновенные.

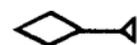
— винный камень.

— сурьма.

— мыло.

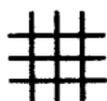
— каменная соль.

— щелочь.

— окончание Великого Делания, пантакль Соломона — инволюция и эволюция.

— амальгама (1).

— амальгама (2).

— амальгама (3).

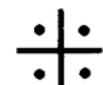
— марказит (сернистое железо).

— цинковый купорос.

— уксус и четыре элемента древних.

— дистиллированный уксус.

— спирт, дух, газ.

— созвездие Весов, возгонка, римский купорос.

— осаждение.

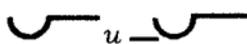
— созвездие Водолея, селитра, умножение камня.

— вода.

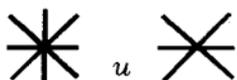
— свинцовые белила.

— сода.

— созвездие Стрельца, квасцы, смешение.

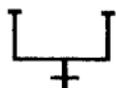
— нашатырь, щелочная соль.

— созвездие Овна, антимоний, кальцинация.

— замазывание.

— пережженные винные дрожжи.

— фитиль.

— негашеная известь.

— сделать огнестойким.

— созвездие Рыб, ртуть, прибавление.

— винный камень.

	— винный камень.
	— известь.
	— прокаливать.
	— кристалл.
	— замазывание.
	— киноварь.
	— фильтрация.
	— отожженная медь.
	— олово и планета Юпитер.
	— масло.
	— созвездие Козерога, перистые квасцы, брожение.
	— созвездие Льва, золото, переваривание.

Ʒ

— глет, окись свинца.

ℳ

— магнезия.

h, h₂ и h̄

— свинец и планета Сатурн.

Ⓕ

— порошок.

♏

— созвездие Скорпиона, сера, разделение.

♍ и ♎

— созвездие Девы, красный аурипигмент, дистилляция.

aaa

— амальгама.

B

— ванна.

С

— кристалл.

C и G

— известь.

CC

— corne de cerf (растение).

E

— квинтэссенция, сгущение.

Е	— зола.
Н	— сгущение.
h	— свинец.
<i>M</i>	— магнезия.
MB	— водяная баня.
N	— замазывание.
O	— соль.
Р	— порошок.
Р	— дух, газ, спирт.
S _P	— spiritus, дух, газ, спирт.
SSS	— слой на слое.
sss	— слой на слое.

— бура.

— вино.

— винный спирт.

— паровая ванна.

— амальгама.

— тальк.

— уксус.

— дистиллированный уксус.

— винный камень.

— замазывание.

— перистые квасцы.

— углубление.

— толченный кирпич.

— кирпичный порошок.

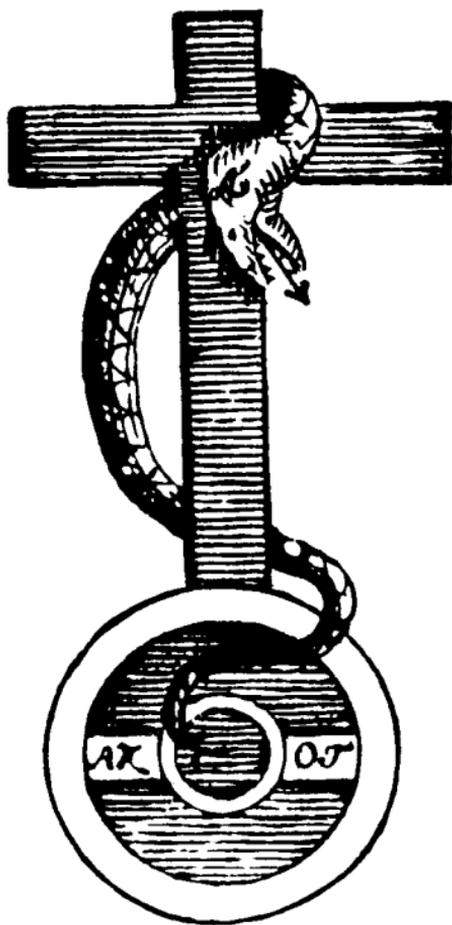
— марказит (сернистое железо).

— песок.

Е. П. БЛАВАТСКАЯ
АЛХИМИЯ В XIX СТОЛЕТИИ

зык древней химии, или алхимии, как и язык древних религий, всегда был символическим.

В «Тайной Доктрине» мы показали, что все в этом мире следствий имеет три атрибута или представляет собой тройственный синтез семи принципов. Чтобы сформулировать это более понятно, скажем, что все существующее в этом мире образовано из трех принципов или четырех аспектов, в том числе и человек. Как человек, будучи сложным существом, состоит из тела, разумной души и бессмертного духа, так и каждая вещь в природе обладает объективной внешней формой, живой душой и божественной искрой, чисто духовной и субъективной. Первое из этих утверждений бесспорно, едва ли можно отрицать и второе, ибо если официальная наука допускает, что металлы, минералы, дерево и лекарства способны оказывать воздействие, то она молчаливо признает его истинность. Что же касается третьего, присутствия квинтэссенции абсолютного в каждом атоме, — материализм, который не нуждается в *anima mundi*, категорически отвергает его.

Здесь есть и своя положительная сторона. Поскольку материализм лишь служит доказательством моральной и духовной слепоты, мы вполне можем позволить слепому поводырю вести слепых и на этом успокоиться.

Итак, любая наука, как и все в мире, имеет три фундаментальных принципа и может практически при-

меняться с использованием всех трех или только одного из них. Прежде чем алхимия стала существовать как наука, ее квинтэссенция уже действовала (и, конечно, действует и поныне) в природных взаимосвязях на всех планах. Когда на земле появились люди, наделенные высшим разумом, они предоставили этой силе возможность действовать и таким образом получили свои первые уроки. Все, что от них требовалось, — это подражать, и только. Но для того, чтобы достигать тех же результатов по собственной воле, они должны были развить в себе силу, именуемую в оккультизме *Крия-Шакти**. Это способность творческая уже потому, что является активным агентом соответствующего свойства на объективном плане. Подобно молниеотводу, ведущему электрический флюид, способность *Крия-Шакти* служит проводником творческой квинтэссенции и направляет ее. Будучи оставлена на волю случая, она может убить, будучи руководима человеческим разумом — способна созидать, сообразуясь с его предназначениями.

Так родились алхимия, магнетическая магия и многие другие ветви древа оккультной науки.

Когда с течением веков возникли народы, в своей самовлюбленности и непомерном тщеславии убежденные в полном превосходстве над всеми остальными (будь то предшественники или современники), когда развитие *Крия-Шакти* стало все более и более трудным и сей божественный дар почти исчез с лица земли, — они постепенно забыли науку своих далеких предков. Более того, они совершенно отвергли традицию праотцов, презрительно отрицая присутствие духа и души в этой древнейшей из наук. Из трех великих атрибутов природы они признавали только существование материи, вернее, ее иллюзорного аспекта, ибо по отношению к

* *Крия-Шакти* (санскр.) — творящая сила мысли. — *Прим. ред.*

подлинной материи, или *субстанции*, как раз именно материалисты исповедуют полное невежество, и на самом деле они никогда не улавливали ни малейшего ее отблеска, даже самого отдаленного.

Так родилась современная химия.

Все меняется в результате циклической эволюции. Совершенный круг становится Единицей, треугольником, четырехугольником и пятиугольником. Творческий принцип, истекающий из бескорнего корня абсолютного Существования, не имеющего ни начала, ни конца, или *perpetuum mobile*, который символически изображается в виде существа, поглощающего свой хвост, дабы достичь головы, превратился в *Азот* средневековых алхимиков. Круг становится треугольником: один эманурует из другого, как Минерва из головы Юпитера. Круг олицетворяет абсолют; правая дуга обозначает метафизический, левая — физический синтез. Тогда, когда мать-природа делает из своего тела горизонтальную черту, соединяя их, наступает момент пробуждения космической активности. До этого *Пуруша*, Дух, отделен от *Пракрити*, еще непроявленного материального начала. Его ноги существуют лишь в потенциале; неспособный двигаться, он не имеет и рук, чтобы работать над объективной формой земных вещей. Лишенный членов, *Пуруша* не может начать строить, пока не оседлает слепую* *Пракрити*, и тогда треугольник станет пятиугольником, звездой микрокосма. Но прежде, чем они достигнут этой стадии, ими должна быть пройдена фаза четверичности, где зарождается крест. Это крест земных магов, щеголяющих своим поблекшим символом (крестом, разделенным на четыре части, складывающиеся в слова «Таго», «Тора», «Атор» и «Рота»). Первичная материя, или Земля Адама, Святой Дух древних алхи-

* Санкхья — философия Капилы.

миков-розенкрейцеров благодаря каббалистам, этим лакеям современной науки, стали ныне содой (Na_2CO_3) и спиртом ($\text{C}_2\text{H}_6\text{O}$).

Ах! Утренняя звезда, дочь зари, как утратила ты ныне свое высокое положение — бедная алхимия! На нашей старой планете, трижды обманутой, все обречено прискучивать и проходить. И все-таки то, что было когда-то, до сих пор существует и будет существовать всегда, до скончания времен. Слова меняются, их значение быстро искажается. Но вечные идеи остаются, и они не исчезнут. Под ослиной шкурой, в которую, как в волшебной сказке Перро, облеклась Принцесса Природа, чтобы вводить в заблуждение глупцов, ученик философов прошлого всегда распознает истину и будет поклоняться ей. Эта ослиная шкура, казалось бы, больше по вкусу новейшему философствованию и материалистичным алхимикам, приносящим живую душу в жертву мертвой форме, чем Принцесса Природа в своей наготе. И поэтому шкура спадет только перед Очарованным Принцем, который узнает символ помолвки в присланном кольце. Всем тем придворным льстецам, что толпятся вокруг Дамы Природы, когда разрывается ее материальная оболочка, ей нечего предложить, кроме ослиной шкуры. Именно по этой причине они утешаются, давая новые имена вещам старым как мир и громогласно возвещая об открытии чего-то нового. Некромантия Моисея стала современным спиритизмом, а наука Посвященных древних Храмов, магнетизм индийских гимнософистов, целительный месмеризм «Спасителя» Асклепия принимаются теперь, только если их называют гипнотизмом, то есть настоящим именем черной магии.

Фальшивые носы везде и всюду! Но давайте порадуемся: чем больше в них фальши и чем они длиннее, тем скорее отвалятся и упадут сами собой!

Сегодняшние материалисты хотели бы заставить нас поверить, что алхимия, или трансмутация основных металлов в золото и серебро, с самых давних пор была лишь чистой воды *шарлатанством*. Это не наука, говорят они, а суеверие; следовательно, все, кто верят или делают вид, что верят в нее, — либо простофили, либо мошенники. Наши энциклопедии полны оскорбительных выражений в адрес алхимиков и оккультистов.

Ну что ж, господа академики, это все, конечно, превосходно, но тогда будьте любезны представить хоть какое-нибудь доказательство *абсолютной* невозможности трансмутации. Поведайте нам, как случилось, что металлические основания найдены даже в щелочах. Мы знаем некоторых ученых-физиков, которые считают идею приведения элементов к их первичному состоянию, и более того — к единой изначальной сущности (например, мистер Крукс с его *метаэлементами*), не столь уж нелепой, как кажется на первый взгляд. Господа, эти элементы — коль скоро вы однажды позволили себе предположить, что все они исходно существовали в виде огненной массы, из которой, как *вы* утверждаете, сформировалась земная кора, — могут быть снова возвращены в первоначальное состояние и проведены через ряд превращений, дабы стать когда-нибудь чем-то большим, нежели то, чем они были вначале. Нужно только найти растворитель, достаточно сильный, чтобы за несколько дней или пусть даже лет осуществлять то, для чего природе требуются века. Химия, и прежде всего мистер Крукс, убедительно доказали: родственные связи между металлами настолько заметны, что свидетельствуют не только об общем источнике, но и одинаковом происхождении.

Далее, господа, вы, кто так громко смеется над алхимией и алхимиками и отвергает эту науку, как случилось, что один из крупнейших ваших химиков, автор «Химического синтеза» месье Бертло, весьма

сведущий в алхимии, не может отказать алхимикам в самом глубоком знании материи?

И как случилось, что месье М.-Э.Шеврель*, этот почтенный ученый, чьи познания не менее, чем его преклонный возраст, при полном использовании всех способностей, заставили восхищаться нынешнее поколение, до которого с его высокомерной самонадеянностью так трудно достучаться, — как случилось, скажите на милость, что он, сделавший так мало полезных открытий для современной промышленности, мог стать обладателем такого количества алхимических трудов?

Так ли уж невероятно, что ключ к его долголетию может быть найден в одном из этих трудов, каковые, по-вашему, являются лишь кучей суеверий, столь же вздорных, сколь и нелепых?

Тот факт, что этот большой ученый, патриарх современной химии, взял на себя труд завещать библиотеке Музея** находившиеся у него многочисленные работы по этой «лженауке», в высшей степени показателен. Не приходилось пока слышать и о том, чтобы светила науки, приставленные к этому святилищу, выбросили эти книги по алхимии в мусорную корзину как ненужный хлам, будто бы полный фантастических грез — порождений болезненного и неуравновешенного ума.

Кроме того, наши ученые мужи забыли о двух вещах: во-первых, не имея ключа к особому языку алхимических книг, они не имеют и права решать, истинно или ложно проповедуемое на этом языке; во-вторых, Мудрость, безусловно, не с нами родилась, да и не должна вместе с нами погибнуть.

* Мишель-Эжен Шеврель, известный французский химик; род. в 1786 г. Умер в Париже в 1889 г. в возрасте 103-х лет. — Прим. сост. англ. изд.

** Имеется в виду Британский Музей. — Прим. ред.

Любая наука, повторим, имеет *три аспекта*; два — объективный и субъективный — признают все. К первому мы можем отнести алхимические превращения (вне зависимости от участия в них *порошка проекции**); ко второму — все интеллектуальные построения. В третьем сокрыто значение высочайшей духовности. Теперь, раз символы первых двух внешне идентичны и, сверх того, как я постаралась показать в «Тайной Доктрине», допускают семь толкований, различающихся по значению применительно к тому или иному плану природы (физическому, психическому или чисто духовному), — будет легко понять, что только высокие посвященные способны интерпретировать язык философов-герметиков. А так как, кроме того, в Европе больше ложных алхимических сочинений, чем подлинных, то запутался бы сам Гермес. Кто не знает, например, что определенный набор рецептов может найти вполне конкретное практическое применение в технической алхимии, в то время как, будучи использован для передачи идеи из области психологии, тот же самый символ приобретает совсем иной смысл. Наш покойный брат Кеннет Мак-Кензи хорошо выразил это в следующих словах, относящихся к герметическим наукам:

«...Для алхимика-практика, чьей целью было получение богатства при помощи особых правил его искусства, развитие полумистической философии являлось делом второстепенной важности и совершалось безотносительно какой-либо окончательной системы теософии; тогда как мудрец, достигший высот метафизического умозрения, отказывался от чисто материальной части этих занятий, как недостойной более его внимания».**

Отсюда ясно, что символы, взятые в качестве руководящих принципов трансмутации металлов, имеют

* Другое название философского камня. — *Прим. ред.*

** *Royal Masonic Cyclopedia*, p. 310.

очень мало общего с методами, которые мы сейчас называем *химическими*. Здесь, кстати, возникает вопрос: кто из наших видных ученых осмелился бы объявить мошенниками таких людей, как Парацельс, Ван Гельмонт, Роджер Бэкон, Берхау и многих других знаменитых алхимиков?

Несмотря на то, что господа академики насмеваются над Каббалой так же, как и над алхимией (в то же самое время черпая из этой последней свое вдохновение и лучшие открытия), каббалисты и вообще оккультисты Европы начинают *sub rosa** преследовать тайные науки Востока. Действительно, мудрость Востока не существует для наших западных мудрецов; она умерла вместе с тремя Волхвами. Тем не менее, алхимия, которая при тщательном исследовании оказывается основой всех оккультных наук, пришла к ним** с Дальнего Востока. Некоторые утверждают, что она является просто посмертной эволюцией магии халдеев. Мы постараемся доказать, что последняя — лишь преемница, предшествовавшая допотопной алхимии и позднейшая по отношению к алхимии египтян. Олаф Борричй, авторитет в этом вопросе, призывает нас искать ее истоки в глубочайшей древности.

К какой эпохе мы можем отнести происхождение алхимии? Ни один из современных авторов не в состоянии дать точного ответа. Одни указывают на Адама как на ее первого адепта; другие приписывают ее возникновение неблагоразумию «сынов Божиих, которые увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их к себе в жены»***. Моисей и Соломон — более поздние

* Букв.: «под рукой»; по секрету, секретно (*лат.*); здесь: втихую. — *Прим. ред.*

** Западным мудрецам. — *Прим. ред.*

*** Книга Бытия VI, 2.

знатоки этой науки, поскольку им предшествовал Авраам, а его, в свою очередь, опередил в *Науке Наук* Гермес. Разве мы не знаем со слов Авиценны, что «Изумрудная Скрижаль» — самый старинный алхимический трактат из ныне существующих — была найдена на теле Гермеса, похороненного в Хебронe много веков назад Саррой, женой Авраама? Однако слово «Гермес» никогда не служило именем какого-либо человека: это родовое название, подобное использовавшемуся в прежние времена слову «неоплатоник» и применяемому ныне — «теософ». Что в действительности известно о Гермесе Трисмегисте, «трижды величайшем»? Меньше, чем об Аврааме, его жене Сарре и наложнице Агари, которых Св. Павел признает *аллегорией**. Даже во времена Платона Гермес уже отождествлялся с Тотом египтян. Но слово «thoth» означает не только «ум»; оно также значит «собрание» или «школа». На самом деле Тот-Гермес есть просто персонификация голоса (священного учения) жреческой касты Египта, голоса Великих Иерофантов. Но коль это так, то разве мы можем сказать, в какую доисторическую эпоху эта иерархия посвященных жрецов стала процветать в земле *Кем*? Даже если бы мы смогли ответить на этот вопрос, то были бы все еще далеки от решения наших проблем. Ибо древний Китай не менее, чем древний Египет, претендует на роль родины *алкагеста* и физической и трансцендентальной алхимии; и весьма возможно, что Китай прав. Давний житель Пекина миссионер Уильям А.П.Мартин называет его «колыбелью алхимии». «Колыбель», пожалуй, едва ли подходящее слово, но несомненно, что Небесная

* Св. Павел объясняет это совершенно ясно: по его словам, Сарра символизирует вышний Иерусалим, а Агарь — «гору Синай в Аравии», которая «соответствует нынешнему Иерусалиму» (Послание к Галатам IV, 25-31).

Империя вправе числиться среди самых древних школ оккультных Наук. Во всяком случае, как мы покажем, в Европу алхимия проникла из Китая.

Между тем, наш читатель может выбирать, так как другой благочестивый миссионер, Худ, торжественно уверяет, что алхимия родилась в саду, «посаженном в Эдеме, в стороне, обращенной к Востоку». По его словам, она есть порождение Сатаны, искушавшего Еву в образе Змея; но он (Сатана) забыл запатентовать свое открытие, как наш великолепный автор показывает нам самим названием этой науки. «Змей» по-древнееврейски — «Нагаш», во множественном числе — «Нагашим». Очевидно, что как раз от этого слога «шим» происходят слова «химия», «алхимия». Разве это не ясно как день и не установлено согласно строжайшим правилам современной филологии?

Теперь давайте перейдем к нашим доказательствам.

Крупнейшие специалисты по древним наукам, в том числе Уильям Годвин, представили нам неоспоримые свидетельства того, что, хотя алхимия была широко развита почти у всех народов древности задолго до новой эры, греки приступили к ее изучению только после начала христианской эры и она не становилась общедоступной вплоть до гораздо более поздних времен. Конечно, имеются в виду миряне, непосвященные греки. Ибо адепты эллинских храмов *Великой Греции* знали ее со дней аргонавтов. Так что возникновение алхимии в Греции относится к этому времени, как хорошо поясняют аллегорические сказания о «Золотом Руне».

Таким образом, нам нужно лишь процитировать то, что говорит Свидас в своем «Лексиконе» относительно экспедиции Ясона, слишком хорошо известной, чтобы ее требовалось пересказывать здесь:

☞ Гермес Трисмегист. (*Senior. De chemia, in Mangetus, Bibliotheca chemica curiosa. 1702.*)

Египта, раз тех египетских трактатов больше не существовало. Мы утверждаем, что большинство из них были лишь более или менее верными интерпретациями аллегорических рассказов о золотых, синих и желтых драконах и розовых тиграх, алхимических символах китайцев.

Все трактаты, которые сегодня можно найти в публичных библиотеках и музеях Европы, представляют собой лишь сомнительные гипотезы некоторых мистиков разных времен, остановившихся на полпути к великому Посвящению. Стоит лишь сравнить какие-нибудь из так называемых «герметических» трактатов с теми, что недавно были вывезены из Китая, чтобы убедиться, что Тот-Гермес (а вернее, наука, носящая его имя) здесь абсолютно ни при чем. Из чего следует, что все, что было известно касательно алхимии со средних веков до девятнадцатого столетия, попало в Европу из Китая и позднее трансформировалось в герметические писания.

Большинство этих писаний, созданные греками и арабами в восьмом-девятом веках, в средние века подверглись переработке и в девятнадцатом столетии остаются непонятными. Сарацины, чья самая известная школа алхимии находилась в Багдаде, хотя и принесли с собой более древние традиции, сами же и потеряли ключ к ним. Великий Гебер заслуживает скорее титула отца современной химии, чем герметической алхимии, хотя считается, что алхимическая наука попала в Европу именно благодаря ему.

Со времени диоклетиановского акта вандализма ключ к тайнам Тота-Гермеса покоится, глубоко захороненный, лишь в инициатических криптах древнего Востока.

Теперь давайте сравним китайскую систему с так называемыми герметическими науками.

1. Двойная цель, к которой стремятся обе школы, одна и та же: получение золота и омолаживание челове-

ка и продление его жизни с помощью *menstruum universale** или *lapis philosophorum***. Третья цель, или истинный смысл «трансмутации», совершенно игнорировалась адептами *христианства*, так как, будучи удовлетворены *своей верой в бессмертие души*, последователи алхимиков былых времен никогда не понимали эту цель должным образом. В наше время — отчасти из-за пренебрежительного отношения, отчасти из-за неупотребления — она была полностью исключена из *summit bonum****, к которому стремились алхимики христианских стран. Тем не менее, только эта последняя из трех целей привлекает внимание *истинных* восточных алхимиков. Все Адепты-Посвященные, презирая золото и испытывая полное безразличие к жизни, очень мало заботились о достижении первых двух целей алхимии.

2. Обе школы признают существование *двух эликсиров*: великого и малого. Использование второго на физическом плане имеет отношение к трансмутации металлов и восстановлению молодости. Великий «Эликсир», являющийся таковым лишь символически, дарует наивысшее благо — *сознательное бессмертие в Духе*, Нирвану, на протяжении всех циклов, предшествующую *Паранирване*, или абсолютному слиянию с *Единой Сущностью*.

3. Принципы, лежащие в основе двух систем, тоже одинаковы, а именно: составная природа металлов и их развитие, проистекающее из одного общего зародыша. Иероглифы китайского алфавита *tsing* («зародыш») и *t'ai* («матка»), с которыми мы постоянно сталкиваемся в китайских сочинениях по алхимии****, являются праро-

* Универсальный растворитель (лат.). — Прим. ред.

** Философский камень (лат.). — Прим. ред.

*** Высшее благо (лат.). — Прим. ред.

**** «The Study of Alchemy in China», by the Rev.W.A.P.Martin, of Peking. (Доклад, сделанный в октябре 1868 г. на заседании Oriental Society, New Haven, Conn., USA). — Прим. сост. англ. изд.

дителями таких же слов, которые мы столь же часто встречаем в алхимических трактатах герметиков.

4. Ртуть и свинец, ртуть и сера одинаково используются на Востоке и на Западе, причем, как мы видим и на примере многих других общих элементов, обе школы алхимии признавали за ними тройственное значение. Последнее, третье из этих значений как раз и не понимают европейские алхимики.

5. Алхимики обеих сторон принимают также доктрину цикла трансмутаций, в течение которого драгоценные металлы возвращаются к своим первоэлементам.

6. Обе школы алхимии тесно связаны с астрологией и магией.

7. Наконец, у обеих в ходу *экстравагантная* фразеология — факт, отмеченный автором «Изучения алхимии в Китае», полагающим, что язык европейских алхимиков, так сильно отличающийся от языка всех других западных наук, является превосходной имитацией метафорического языка восточных народов, будучи блестящим доказательством того, что европейская алхимия ведет свое происхождение с Дальнего Востока.

Не должно возникнуть возражений и относительно указанного нами близкого родства алхимии с *магией* и *астрологией*. «Магия» — древний персидский термин, означающий «знание» и охватывающий все науки, изучавшиеся в те времена, как физические, так и метафизические. Халдейские жрецы и ученые халдеи обучали *магии*, от которой произошли *магизм* и *гностицизм*. Разве Авраама не называли «халдеем»? И не кто иной, как Иосиф*, благочестивый еврей, говоря об этом патриархе, сообщает, что он учил в Египте *математике* (т.е. эзоте-

* Иосиф Флавий, древнееврейский историк, автор «Иудейских древностей». — Прим. ред.

рической науке), в том числе *науке звезд*: ученому магу необходимо было быть астрологом.

Но было бы большой ошибкой смешивать средневековую алхимию и алхимию допотопных времен. В соответствии с сегодняшними представлениями, в алхимии существуют три основных агента: *философский камень*, используемый при трансмутации металлов; *алкагест*, или универсальный растворитель; и *эликсир жизни*, обладающий свойством неограниченно продлевать человеческую жизнь. Однако ни настоящие философы, ни посвященные не уделяли внимания двум последним. Подобно *единой и неделимой* Троице, три алхимических агента стали действовать отдельно друг от друга исключительно благодаря падению науки под влиянием человеческого самомнения. В то время как каста жрецов, алчных и честолюбивых, антропоморфизировала духовное и абсолютное Единство, разделив его на три *персоны*, лже-мистики отделили божественную Силу от универсальной *Крия-Шакти* и превратили ее в *три фактора*. В своей «*Magia naturalis*» Джамбаттиста делла Порта ясно говорит следующее:

«Я не обещаю тебе ни золотых гор, ни философского камня... ни даже прекрасного напитка, дающего бессмертие тому, кто выпьет его... Все это *просто грезы*; ибо мир непостоянен и подвержен изменениям, всему, что он порождает, суждено разрушиться».

Гебер, великий арабский алхимик, высказывается еще более определенно. Следующие его слова, приведенные нами, производят впечатление пророческого предсказания будущего:

«Если мы утаили нечто, вы, сыны учения, не удивляйтесь; ибо не от вас утаили мы это, но передали таким языком, дабы могло быть сокрыто от злых людей и дабы не смог узнать его несправедливый и низкий. Но вы, сыны истины, ищите и вы обретете сей прекраснейший

дар Божий, который он предназначил для вас. Вы же, сыны глупости, несчастий и богохульства, да избегнете вы искать это знание; губительным будет оно для вас и повергнет вас в презрение и нищету».*

Посмотрим, что говорили по этому вопросу другие авторы. Решив думать, что алхимия в конечном счете была лишь философией, всецело метафизической, а не физической наукой (в чем они ошибались), они заявили, что удивительная трансмутация основных металлов в золото была просто метафорой трансмутации человека, освобождающегося от своих наследственных пороков и приобретенных недостатков, чтобы суметь достичь ступени возрождения, которое возвысит его до божественного существа.

Здесь действительно дается синтез трансцендентальной алхимии и ее главной цели; однако все цели, преследуемые ею, этим не исчерпываются. Аристотель, рассказывавший Александру, что «философский камень вовсе не камень, он существует в каждом человеке, везде, во все времена и зовется конечной целью всех философов», ошибался в своей первой посылке, хотя и был прав во второй. На физическом плане тайна алкагеста производит элемент, называемый философским камнем; но для тех, кто заботится не о тленном золоте, алкагест, как поясняет философ Уайлдер**, есть лишь *algeist*, или божественный дух, уничтожающий любую более грубую природу, с тем чтобы ее нечистые принципы могли быть устранены...» *Elixir vitae*, следовательно, есть только живая вода, являющаяся, по словам Годвина, универсальным лекарством, обладающим силой омолаживать человека и бесконечно продлевать жизнь».

* Цитируется доктором Александром Уайлдером (*Dr. Alexander Wilder*) в его работе «*New Platonism and Alchemy*», Albany, N.Y., 1869, р. 26. — Прим. сост. англ. изд.

** Там же.

Около сорока лет назад доктор Герман Копп издал в Германии «Историю химии». Рассуждая об алхимии, рассматриваемой им в качестве предтечи современной химии, немецкий ученый употребляет многозначительное выражение, которое сразу поймут пифагореец или платоник: «Если слово *мир* означает *микрокосм*, представленный человеком, тогда становится легко истолковать сочинения алхимиков».

Ирней Филалет заявляет следующее:

«Философский камень представляет большой космос (или макрокосм) и обладает всеми свойствами большой системы, собранными и включенными в меньшую систему. Последняя имеет магнетическую силу, притягивающую к ней то, что ей сродни в космосе. Эта божественная сила, которая простирается на все творение, но воплощенная в уменьшенном и ограниченном подобии себя (каковым является человек)».

Послушаем, что пишет Алипилий в одной из своих переведенных работ:

«Кто познал Микрокосм, не может долго оставаться в неведении относительно Макрокосма. Это то, о чем так часто говорили египтяне — неутомимые исследователи Природы, громко провозглашавшие, что каждый должен познать себя. Этот призыв неразумные ученики их восприняли в моральном смысле и в невежестве своем выбили на стенах своих храмов. Но я напому тебе, кто бы ты ни был, желающий погрузиться в сокровенные глубины природы: если то, что ищешь, не находишь ты внутри себя, ты никогда не найдешь его вне себя. Если не познал ты совершенство своего собственного дома, зачем ищешь совершенства других вещей? Вся сфера земная не вмещает столько великих тайн и совершенств, сколько суть в маленьком Человеке, созданном по образу Божьему. Жаждающий первенствовать среди изучающих Природу — нигде он кладезя бесценней не

обращает для исполнения желанья своего, чем в себе самом.

Поэтому я последую здесь примеру *египтян* и от всей души, руководствуясь истинностью скромного опыта, полученного мною, обращаюсь к ближнему своему их словами и во всеуслышание сейчас провозглашаю: „О Человек, познай самого себя; в тебе сокрыто сокровище сокровищ...”»*

Ирелей Филалет Космополит, английский алхимик и философ-герметик, намекая на преследование, которому подвергалась философия, писал в 1669 году:

«... Многие действительно верят, будучи невеждами в Искусстве**, что если бы пожелали они воспользоваться им, то сделали бы то-то и то-то; и даже мы сами раньше именно так полагали, но, становясь все более осторожными из-за опасности, подстерегавшей нас, мы избрали более тайный метод...»***

И алхимики были достаточно мудры, чтобы действительно так поступить. Во времена, когда за малейшее отличие во взглядах на религиозные вопросы к мужчинам и женщинам относились как к еретикам, подвергали их анафеме и объявляли вне закона и когда науку клеймили как *колдовство*, было вполне естественно, как говорит профессор А. Уайлдер, «... что люди, вынашивав-

* «Centrum Naturae Concentratum», или «The Salt of Nature Regenerated». Написано Алипилием Мавританином (*Alipili a Mauretianian*), опубликовано в Англии в 1696 г. (British Museum, 1033, d. 35). Цитированный отрывок находится на страницах 78-80. — *Прим. сост. англ. изд.*

** Т.е. в алхимии. — *Прим. ред.*

*** Отрывок из небольшой книги Ирелея Филалета Космополита (*Eyraeneus Philaletha Cosmopolita*), озаглавленной «Secrets Revealed, or An open entrance to the Shut Palace of the King». Опубликовано *William Cooper, Esq., London, 1669, 8 vo.* Отрывок можно найти в главе 13, с. 33, он соответствует копии, находящейся в Британском музее. — *Прим. сост. англ. изд.*

шие идеи, которые выходили за рамки общепринятых, изобрели специальный язык символов и паролей, с помощью которого можно было общаться друг с другом, оставаясь незаметными для своих кровожадных врагов».*

Автор напоминает нам об индусской аллегории, которая рассказывает, как Кришна однажды повелел своей приемной матери заглянуть к нему в рот, и она увидела там всю вселенную. Это находится в полном соответствии с каббалистическим учением, подтверждающим, что микрокосм есть лишь точное отражение макрокосма — фотографическая копия для того, кто понимает. Вот почему Корнелий Агриппа, пожалуй, самый известный из всех алхимиков, отмечает:

«Существует одна вещь, сотворенная Богом, исполненная всею чудесностью земной и небесной; она воистину животная, растительная и минеральная; вездесущая, известная немногим, никем не названная надлежащим именем, но сокрытая в числах, изображениях и загадках, вещь сия такова, что без нее ни алхимия, ни натуральная магия не могут достичь своей настоящей цели».**

Намек становится еще яснее, когда мы читаем следующий отрывок из «Алхимического Энхейридиона» (1672 г.):

«Сейчас, в этих словах, открою я тебе то положение, что занимает в природе философский камень, облеченный *тройным* покровом, именно этот камень богатства и милосердия, могучее лекарство от увядания, содержащий все тайны; он сам объявляется божественной тайной и даром Божьим, выше которого нет ничего в мире сем. Поэтому с усердием внимай моим словам, а именно

* «New Platonism and Alchemy», с. 26. — Прим. сост. англ. изд.

** Там же, с. 28. — Прим. сост. англ. изд.

тому, что облечен он тремя покровами, каковые суть тело, душа и дух».*

Иначе говоря, этот камень содержит секрет трансмутации металлов, тайну эликсира долгой жизни и сознательного бессмертия.

Философы прошлого считали необходимым разгадывать единственно эту последнюю тайну, оставляя меньшим светочам с их современными фальшивыми носами удовольствие изнурять себя в попытках разрешить первые две. Она есть то самое Слово, или «неизреченное имя», о котором Моисей сказал, что нет нужды далеко ходить за ним, «но весьма близко к тебе слово сие; оно в устах твоих и в сердце твоём»**.

Филалет, английский алхимик, говорит о том же, но другими словами:

«...Подобны искусно заточенному ножу окажутся сочинения наши в мире сем; одним лакомства доставят они, другим послужат лишь для того, чтобы отрезать пальцы свои; и нет в том вины нашей, ибо со всей серьезностью возглашаем мы всякому, кто подступится к этому труду, что на высочайшую часть философии, что есть в природе, покушается он, и хотя по-английски пишем мы, труден, как греческий, будет он для иных, которые думать будут, что хорошо понимают нас, когда наипривратнейше истолкуют нас; ибо мыслимо ли, чтобы они, неискушенные в Природе, оказались бы сведущи в писаниях наших, каковые суть свидетельства Ее?»***

От того же предостерегает своих читателей д'Эспанье:

«Пусть любящий Истину использует лишь немногих авторов, но с наилучшей репутацией и подлинно досто-

* «New Platonism and Alchemy», с. 28. — Прим. сост. англ. изд.

** Второзаконие, XXX, 14.

*** *Irenaeus Philaletha* или *Eirenaeus Philalethes*. Ripley Revived, 1678, pp. 159-160. — Прим. сост. англ. изд.

верных. Пусть усомнится он в легко понятном, особенно когда таинственных наименований и тайнодействия касается оно; ибо под покровом темноты сокрыта истина; и ничто и никогда в писаниях философов не было более лживым, чем их ясность, и более истинным, чем темнота».*

Истина не может быть выставлена на всеобщее обозрение; и сегодня более, чем тогда, когда апостолам советовали не метать бисер перед свиньями.

Все процитированные нами фрагменты дают, как мы полагаем, весьма многочисленные доказательства выдвинутого нами положения. Если не считать школ адептов, почти недоступных для западных исследователей, то в целом мире — а в Европе и подавно — не существует ни единого сочинения по оккультным наукам, и прежде всего по алхимии, написанного ясным и точным языком либо обнаруживающего систему или метод, которому можно было бы следовать, как в естественных науках. Любой трактат, который исходил от посвященного или адепта минувших или нынешних времен, *будучи не в состоянии раскрыть все*, ограничивается тем, что проливает свет на некоторые вопросы, которые позволяет открыть, когда это необходимо, тем, кто достоин знания, оставляя в то же время сокрытыми от недостойных вместить истину из опасения, что они захотят злоупотребить ею. Следовательно, тот, кто выражает недовольство неясностью и путаницей, которые, как кажется, преобладают в трудах учеников Восточной школы, и сравнивает их с работами средневековых или современных авторов, которые кажутся написанными более понятно, лишь докажет одно из двух: либо он вводит в заблуждение других, пав жертвой самообмана, либо рекламирует современное шарлатанство, *ни на минуту*

* «New Platonism and Alchemy», с. 29. — Прим. сост. англ. изд.

не забывая, что обманывает своих читателей. Легко найти полусовременные сочинения, где есть четкость и метод, но излагаются лишь *собственные* идеи автора, имеющие ценность только для тех, кто абсолютно *незнаком* с подлинной оккультной наукой. Мы начинаем много говорить об Элифасе Леви, который знал, вероятно, больше, чем все наши великие европейские маги 1889 года вместе взятые. Однако когда полдюжины книг аббата Луи Констана уже прочитаны, перечитаны и выучены наизусть, насколько далеко мы продвинулись в практической оккультной науке или хотя бы в понимании теорий каббалистов? Его стиль поэтичен и совершенно очарователен. Его парадоксы — а парадоксом является почти каждая фраза в его книгах — насквозь проникнуты французским духом. Но даже если мы изучили их так, что сможем повторить по памяти от начала до конца, чему, скажите на милость, он в самом деле научил нас? Ничему, ровным счетом ничему — кроме, быть может, французского языка. Мы знаем несколько учеников этого великого мага современности — англичан, французов и немцев, людей глубокого ума и железной воли, посвятивших целые годы такому изучению. Один из его последователей назначил ему пожизненную ренту, которую он получал свыше десяти лет, и вдобавок платил ему сто франков за каждое письмо, когда вынужден был уезжать. Этот человек по прошествии десяти лет знал о магии и Каббале меньше, чем чела, обучавшийся десять лет у индийского астролога. В библиотеке Адьяра у нас есть его письма по вопросам магии в нескольких рукописных томах, переведенных с французского на английский, и мы ручаемся, что поклонники Элифаса Леви не покажут нам ни одного человека, кто мог бы стать оккультистом (даже теоретически), следуя учению этого французского мага. Почему это так, если очевидно, что он получил свои тайны от

Посвященных? Да просто потому, что он *никогда не получал права посвящать других*. Те, кто что-нибудь знают об оккультизме, поймут, что мы подразумеваем под этим; те же, кто только *претендуют* на это*, оспорят нас и, возможно, возненавидят еще более за то, что мы изрекли столь суровые истины.

Оккультные науки, или, вернее, тот *ключ*, который единственно объясняет их особый язык, не может быть обнаружен. Подобно Сфинксу, умирающему в тот момент, когда загадка его существования разгадана Эдипом, они остаются тайными** лишь до тех пор, пока неведомы непосвященным. Кроме того, их нельзя ни купить, ни продать. Розенкрейцером *становятся*, а не делаются» — гласит старинное изречение философов-герметиков, к которому оккультист добавляет: «Наука Богов берется силою, она должна быть завоевана и не дается сама». Именно это хотел передать автор «Деяний Апостолов» в ответе Петра Симону Магу: «Деньги твои да будут в погибель с тобою, потому что ты помыслил дар Божий получить за деньги»***. Оккультное знание не должно использовать ни для получения денег, ни для достижения какой бы то ни было личной цели, ни как средство удовлетворения своего тщеславия.

Мы даже пойдем дальше и скажем, что (за вычетом тех исключительных случаев, когда золото могло бы быть средством спасения целой нации) даже самый акт трансмутации, если единственным мотивом служит приобретение богатства, становится черной магией. Так что тайны магии, оккультизма или алхимии едва ли могут

* Игра слов: в английском языке *pretender* означает «притворщик», «обманщик»; а также «претендент». — *Прим. ред.*

** *Occult* — «тайный», «скрытый», «сокровенный», «оккультный». — *Прим. ред.*

*** Деяния VIII, 20.

быть раскрыты в период существования нашей расы, поклоняющейся золотому тельцу со все возрастающим неистовством.

Поэтому какую ценность имели бы сочинения, обещающие дать нам ключ к посвящению в ту или иную из этих двух наук — магию или алхимию, которые в действительности едины?

Мы прекрасно понимаем таких Адептов-Посвященных, как Парацельс и Роджер Бэкон. Первый явился одним из великих предвестников современной химии, а второй — физики. Роджер Бэкон в своем «Трактате о замечательных силах Искусства и Природы» ясно показывает это. Мы находим в нем провозвестие всех наук наших дней. Здесь он говорит о порохе и предсказывает использование пара в качестве движущей силы. Гидравлический пресс, водолазный колокол и калейдоскоп — все они описаны здесь; он предсказывает изобретение летающих *машин*, сооруженных таким образом, что сидящий в середине этого *механического приспособления*, в котором мы легко узнаем модель современного воздушного шара, должен лишь поворачивать механизм, чтобы привести в движение искусственные крылья, которые немедленно начинают колотить по воздуху наподобие птичьих. Кроме того, он защищает своих собратьев-алхимиков от обвинения в употреблении загадочной тайнописи.

Причина же, почему мудрецы скрывали свои тайны от масс людских, — осмеяние и пренебрежение секретами мудрости мудрых, а равно невежество приискать сообразное употребление столь высоким материям. Ибо если игрою случая узнавали они соответственную тайну, то искажали и извращали ее на потребу суете муравейника человеческого. И неосмотрителен вверяющий тайну перу своему, если не утаил от заурядного ума и не заставил более разумно потрудиться и попотеть пре-

жде, нежели уразумеет ее. От начала всего проплывает в потоке этом целая флотилия мужей мудрых, что путями многими труднейшие части мудрости от большинства укрывают, дабы не вместило их. Одни знаками и стихами много тайн поведали. Другие — словами загадочными и образными. Третьи — способом писания своего сокрыли свои тайны, ведь, например, никто не знает, как прочесть Сочинение без гласных, если значение тех слов неведомо ему (имеется в виду *тайный язык герметиков*)*.

Этот род тайнописи был в ходу у евреев, халдеев, сирийцев, арабов и даже греков и широко применялся в прежние времена, особенно евреями.

Доказательством этого служат древнееврейские рукописи Ветхого Завета, книг Моисея, или Пятикнижия, которые введение мазоретических точек сделало в десять раз более фантастичными. Но как случилось с Библией, понуждаемой, благодаря Мазоре и Отцам Церкви, говорить все, что потребуется, кроме того, что там сказано на самом деле, так же было и с каббалистическими и алхимическими трудами. В Европе ключ к ним был утерян много веков назад, и Каббала (*хорошая Каббала маркиза де Мирвилля, как полагает бывший раввин, благочестивый шевалье Драж, самый ревностный католик из всех гебраистов*) служит теперь свидетельством, подтверждающим Новый и Ветхий Заветы. По мнению нынешних каббалистов, Зохар является книгой современных пророчеств (*связанных главным образом с католическими догмами римской церкви*) и

* Латинское название произведения Роджера Бэкона — «De mirabili potestate artis et naturae». Дата публикации оригинала приблизительно 1256-57 гг. Перевод отрывка, цитированного Е.П.Б., сверен с копией в Британском музее, которая является точным переводом «собственной копии д-ра Ди», опубликованной в Лондоне в 1659 г. Отрывок находится в главе VIII, стр. 37. — *Прим. сост. англ. изд.*

краеугольным камнем Евангелия. Это и на самом деле могло бы быть так, если бы признавалось, что и в Евангелиях, и в Библии каждое имя есть символ и каждый рассказ — аллегория (точно так же, как во всех священных писаниях, предшествовавших христианскому канону).

Прежде чем закончить эту статью, уже изрядно затянувшуюся, давайте сделаем краткое резюме сказанного.

Я не знаю, возымеют ли наши доводы и многочисленные цитаты какое-то действие на наших читателей в их общей массе. Однако же я знаю наверняка, что на каббалистов и сегодняшних «Учителей» они подействуют, как красная тряпка на быка; но мы давно перестали бояться рогов и пострашнее этих. Эти «Учителя» всей своей наукой обязаны мертвой букве Каббалы и принадлежащим перу нескольких мистиков нашего и прошлого столетий фантастическим интерпретациям, в которые «Посвященные» библиотек и музеев, в свою очередь, внесли изменения; поэтому они готовы сражаться за них не на жизнь, а на смерть. Люди услышат лишь шум битвы, и победителем выйдет тот, кто перекричит всех. Тем не менее — *Magna est veritas et praevalebit**.

1. Утверждалось, что алхимия проникла в Европу из Китая и что, попав в руки профанов, алхимия (как и астрология) уже не является больше чистой и божественной наукой школ Тота-Гермеса эпохи первых египетских династий.

2. Столь же несомненно, что Зохар, фрагментами которого располагает Европа и другие христианские страны, не тождествен Зохару Шимона Бен-Йохая, а есть лишь компиляция, составленная в тринадцатом веке на основе старинных текстов и устной традиции

* Велика истина, и она восторжествует (лат.).

Мозесом де Леоном из Гвадалахары, во многих случаях, как считает Мошейм, следовавшим толкованиям, которые были даны ему христианскими гностиками Халдеи и Сирии. Подлинный, древний Зохар содержится в своей целостности только в халдейской «Книге Чисел», от которой до нас дошли всего две или три неполные копии, хранящиеся у посвященных раввинов. Один из них жил в Польше в строгом уединении и перед смертью, в 1817 году, уничтожил свой экземпляр; что касается другого, мудрейшего раввина Палестины, то он уехал из Яффы несколько лет назад.

3. Из подлинных герметических книг уцелел лишь отрывок, известный как «Изумрудная Скрижаль», о котором и следует сегодня говорить. Все труды, составленные по книгам Тота, были уничтожены и сожжены в Египте по приказу Диоклетиана в третьем веке нашей эры. Все остальные, включая Поймандр*, в своем нынешнем виде есть просто воспоминания, более или менее смутные и ошибочные, различных греческих или даже латинских авторов, зачастую без смущения выдававших собственные интерпретации за подлинные герметические фрагменты. И даже если эти последние случайно сохранились, они были бы столь же непонятны теперешним «Учителям», как сочинения средневековых алхимиков. В доказательство чего мы процитировали их («Учителей») личные, притом вполне искренние, признания. Мы указали причины, имевшиеся для того, чтобы использовать столь непонятный язык: (а) их тайны, слишком священные, чтобы позволить невеждам профанировать их, были записаны и объяснены только для немногих адептов-посвященных; к тому же эти тайны были слишком опасны, чтобы позволить им попасть в руки

* По-видимому, имеется в виду «Божественный Пимандр Гермеса Меркурия Трисмегиста». — *Прим. ред.*

тех, кто мог использовать их не по назначению; (б) в средние века принимавшиеся меры предосторожности десятикратно усилились, ибо в противном случае алхимики рисковали оказаться изжаренными заживо к вящей славе Господа и Его Церкви.

4. Ключ к тайному языку алхимиков и истинному значению символов и аллегорий Каббалы должно искать лишь на Востоке. А раз этот язык не был вновь открыт в Европе, что же тогда могло бы послужить путеводной звездой для наших современных каббалистов, чтобы они умели распознать истину в сочинениях алхимиков и той малой толике написанных *настоящими посвященными* трактатов, которые все еще можно встретить в наших библиотеках? Отсюда следует, что, отвергая помощь из единственного источника, откуда в этом столетии можно надеяться получить ключ к древнему эзотеризму и Религии Мудрости, они — будь то каббалисты, «избранники Божии», или нынешние «Пророки» — упускают единственный шанс усвоить изначальные истины с пользой для себя.

Во всяком случае, мы можем быть уверены, что отнюдь не Восточная школа оказывается пострадавшей стороной.

Позволим себе заметить, что многие французские каббалисты часто высказывают мнение, что Восточная школа — как бы она ни кичилась обладанием тайнами, неизвестными европейским оккультистам — немногого стоит, *потому что принимает женщин в свои ряды.*

На это мы могли бы ответить басней, рассказанной братом Жозефом Наттом, «великим магистром» Женской Масонской ложи в Соединенных Штатах*, с целью

* Grand Chapter, State of New York, Order of The Eastern Star. Lecture and Discourses in the Grand Chapter: Woman and the Eastern Star, April 4, 1877.

показать, на что способны женщины, если они свободны от мужских оков — человеческих или Божьих:

«Лев, проходивший мимо скульптуры, которая изображала атлетическую, могучую фигуру человека, разрывающего пасть льва, сказал: „Если бы эта композиция создавалась львом, то эти двое поменялись бы местами!“»

Подобное замечание справедливо и по отношению к женщине. Если бы ей только позволили создавать композицию человеческой жизни, она бы расположила ее части в обратном порядке. Именно она первая привела мужчину к Древу Познания и заставила его познать Добро и Зло; и если бы ее не трогали и позволили делать то, что она пожелает, — привела бы его к Древу Жизни и тем самым сделала бессмертным.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Авензоор 21
Авиценна (Avicenne) 21, 75, 153
Авраам 153, 160
Авраам Еврей 56, 72, 83, 97, 100
Агриппа Корнелий 165
Алипилий Мавританин (Alipili a Mauretanian) 163
Алфидиус 21
Альберт Великий (Albert le Grand, Albertus Magnus) 21, 30, 41, 43, 44, 45, 56, 69, 78, 86, 95, 102, 111, 121
Аристотель 21, 35, 162
Арнольд из Виллановы (Arnauld de Villeneuve) 41, 56, 68, 77, 95, 120, 122, 125
Артефиус (Artephius) 37, 39, 43, 85, 125
Асклепий 148
Барле (Barlet) 35
Барнальд Никола (Barnauld) 22, 59
Бартоломей 22
Бархузен (Barchusen) 64, 71, 76, 79, 95, 99, 106, 110
Беккер 29
Бельи Рох 22
Бен-Йохай Шимон 172
Бертло (Berthelot) 20, 30, 46, 57, 149
Берхау 152
Бодуэн 53
Борричий Олаф 152
Бэкон Роджер (Bacon) 21, 27, 36, 44, 45, 56, 77, 90, 91, 95, 118, 121, 124, 152, 170, 171
Валуа (Valois) 46, 48
Василий Валентин (Basile Valentin) 22, 34, 36, 41, 49, 63, 70, 83, 86, 94, 100, 109, 112, 120, 122, 127, 128
Вергилий 60
Виженер Блез де (Blaise de Vigenère) 22, 46, 48, 50
Виколь 22
Гебер (Geber) 20, 89, 158, 161
Гелиас (Helias) 40, 59, 95, 102
Гельвеций 22, 76, 108
Гельмонт ван 22, 118, 152
Гермес (Hermes) 20, 22, 51, 91, 117, 126, 153
Гесиод 60
Гигинус из Бармы (Huginus a Barmâ, Huginius) 82, 84, 90, 117, 122
Глаубер (Glauber) 30, 32, 45
Гогланд Теобальд 112
Годвин Уильям 155, 157, 162
Голланд Исаак (Isaak le

- Hollandair) 22, 81, 123
 Гомер 60
 Гомери Кроссе де ла 22
 Греввер (Grever) 79, 123
 Гроспарми 22
 Губернатис де (Gubernatis de)
 156
- Демокрит 40, 53
 Дешарме П. (Decharme) 156
 Джонсон 58
 Ди Джон (Dee) 50
 Диоклетиан 157, 173
 Дионисий Захарий 22, 27, 122,
 124
 Дорн 22
 Драх 171
 Дюлко 22
 Дюма 19
 Дюфренуа Лангле 24
- Зосима 20, 40, 62
 Зульцбах Эк де (Eck de
 Sulzbach) 108
- Иосиф Флавий 160
 Иреней Филалет (Euraeneus
 или Irenaeus Philaletha,
 Eirenaeus Philaletes) 163,
 164, 166
- Калид (Calid) 21, 48, 55, 73,
 123
 Калиостро 24
 Камбриель 24
 Келли (Kelley) 22
 Керцелянус Бернард Пено 22
 Килиани 24
 Кирхер Афанасий 32
 Клавес Гастон (Claves) 22, 27
 Клеопатра (Cleopatre) 20, 64
 Колезон (Colleson) 80, 84
- Констан Луи 168
 Коперник 24
 Копп Герман 163
 Корбен Анри 14
 Кришна 165
 Кроллиус 22
 Крукс 52, 149
 Кунрат (Khunrath) 36, 50, 57,
 63, 122, 126
- Лавуазье 20
 Ламбспик 110
 Ласниоро Жан де (Jean de
 Lasnioro) 125
 Леви Элифас 168
 Леон Мозес де 173
 Либавий (Libavius) 22, 77, 92
 Либуа (Libois) 24, 62
 Лилль Алан де (Alain de Lille)
 21, 103, 118
 Луллий Раймонд (Lulle) 21,
 63, 79, 84, 92, 97, 107, 122,
 124
 Люкас Луи 24
- Мазора 171
 Майер Мишель (Mayer) 13, 23,
 50
 Мак-Кензи Кеннет 151
 Макер 80
 Манже (Mangeti) 61
 Марк Антоний (Marc Antonio)
 37, 98
 Мартин Уильям (Martin) 153,
 159
 Мирвилль де 171
 Моисей 148, 152, 166, 171
 Мориен (Morien) 21, 118
 Мошейм 173
- Натт Жозеф 174
 Нортон 22, 112

- Овидий** 60
Останес 20
- Павел Св.** 153
Пансофус Ионитор (Pansophus) 64
Пантей (Panthée) 50
Парацельс (Paracelse) 22, 27, 30, 36, 44, 47, 48, 50, 53, 63, 108, 122, 152, 170
Пелар 20
Пернеги Йозеф (Pernety) 24, 28, 58, 60, 71, 102, 119
Петр Св. 169
Пизе Бернард де 22
Пифагор 24, 53
Планискамп 23, 95
Платон 53, 153
Порта Джамбаттиста делла 22, 161
Прокл 46
Псевдодемокрит 20
- Разес** 79
Рипли Джордж (Riplée) 22, 85, 88, 99, 122
Ричард Английский 87
Розер 21, 83, 94
Руйяк Филипп (Rouillac) 70, 80, 91, 98, 99, 103, 117
- Сен-Жермен** 24
Сендивогий 22, 34, 35, 122
Синезиус 20, 40
Соломон 152
Спербер (Sperber) 126
Свидас 155
- Тиффери** 24
Тот 153, 173
Тот-Гермес 153, 158, 172
Тревисан Бернар (Bernard de Trévisan) 22, 43, 50, 76, 77, 95, 101, 102, 113, 122
Третейм Иоганн 62
Трисмегист 35
Тритемий 22
Турнейсер 22
- Уайлдер Александр (Wilder)** 162, 164
- Фигье** 62
Филалет (Philalèthe) 23, 71, 80, 83, 86, 91, 104, 107, 118, 122, 124, 166
Фламель Николай (Flamel) 22, 44, 56, 72, 86, 92, 97, 101, 118, 119, 122
Фома Аквинский (Thomas d'Aquin) 21, 77
- Хёффер (Hoeffler)** 48, 56, 62, 113
Христос 16
Худ 155
- Шварц Ф. Л. (Schwartz)** 156
Шеврель 150
- Эксимиданус** 121
Эспанье де (d'Espagnet) 35, 40, 72, 122, 166
Эттейла 24
- Augurel** 84
Bonus 65
Eleazar 73
Fontaine Jean de la 44, 78
Glanville 38

Happelius 98

Jamsthaler 104

Kelley 51

Lagneau David 116

Lambsprinck 73

Lavinus Venceslas 86

Lebreton 71

Maier 105

Meung Jan de 78

Mylius 57, 60, 82, 88

Respour de 32

Schoen Erhard 42

Senior 155

Vogel 89

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Азот** 49, 147
Акростих 59
Алкагест 30, 161, 162
Алхимические знаки 56, 129
Алхимические символы 57
— **Аполлон** 58
— **Бахус** 58
— **Венера** 41, 47, 58, 107, 112
— **волк** 83
— **ворон** 57, 112, 117
— **Геката** 58
— **дерево** 89
— **Диана** 58
— **дракон** 72, 86
— **змея** 71, 72
— **золотое руно** 58, 156
— **королева** 70
— **король** 70, 112
— **лебедь** 112
— **лев** 71, 86
— **Луна** 41, 46, 58, 77-79, 107, 112
— **Марс** 41, 46, 58, 66, 107, 113
— **Меркурий** 41, 47, 66, 83, 105, 112
— **орел** 71
— **павлин** 112
— **саламандра** 103
— **Сатурн** 41, 46, 58, 66, 83, 105, 112
— **Солнце** 41, 46, 77-79, 107, 113
— **Феникс** 57, 112
— **философский брак** 70
— **Юпитер** 41, 106, 112
Алхимические элементы 37-40, 68
— **вода** 37-40, 65
— **воздух** 37-40, 64
— **земля** 37-40, 65
— **Квинтэссенция** 39, 40
— **огонь** 37, 39, 40, 41, 65
Алхимия 8, 10, 11, 16, 20, 27, 152, 172
Андроид 30
Аргиропея 27
Арес 53
Архей 53
Атанор 51, 67, 95-97

Беление 110

Великое Делание 51, 60, 66, 67, 75, 76, 84-89, 97, 102, 121
— **белый цвет** 119
— **красный цвет** 119
— **символы цветов** 112, 113, 116
— **цвета** 62, 111
— **черный цвет** 117

Гниение 109
— **синонимы** 103
Гомункул 30

- Земля Адама** 147
Золото философов 79
Зохар 172
- Изумрудная Скрижаль** 153, 173
- Квинтэссенция** 32
Клиссус 53
Криптография 62, 63
Крия-Шапти 146, 161
- Магистерий** 29, 79, 84, 86
 — Великий 88, 89, 122
 — Малый 88, 89, 122
Магнезия (сера) 68
Макрокосм 163
Малое Делание 89
Меркурий 36, 37, 39, 40, 43-45, 47, 50, 52, 53, 64, 67, 68, 70-73, 76-79, 103
 — синонимы 75
Меркурий философов 75, 78, 87
 — мудрых 64
Микрокосм 163
Мировой Дух 32
Мышьяк 36, 44, 50
- Обмывание**
 — синонимы 103
Олово 41, 47
Омовение 103, 109, 110
- Палингенезия** 32
Пантакль 63, 109, 112
Первичная материя 33, 34, 35, 40, 41, 47, 53, 64, 147
Порошок проекции 151
Пракрити 147
Протиль 52
Пуруша 147
- Ребис** 70, 86
Ртуть 37, 41, 78, 160
Рубификация 104
- Свинец** 160
Сера 36, 37, 39, 40, 43-45, 47, 50, 52, 53, 64, 67, 68, 70-73, 76-79, 103, 160
 — синонимы 73
 — философов 64, 75
Серебро 77
 — философов 79
- Символы**
 — железа 41, 58
 — золота 41, 58, 77, 80
 — меди 41, 58
 — ртути 64, 70, 79
 — огня 100
 — олова 41, 47
 — свинца 41, 46, 58, 83
 — серебра 41, 58, 77, 80, 83
 — серы 64, 70, 79
 — соли 64
 — сурьмы 83
 — элементов 65
- Соединение**
 — синонимы 109
Соль 36, 37, 40, 43, 52, 53, 64, 67, 68, 70, 75, 76, 77, 79
Субстанция мировая 33
- Тройной сосуд** 97
- Умножение** 107
Универсальный растворитель 161
Уроборос 64
- Фиксация** 110
Философский камень 12, 16, 29, 30, 58, 89, 91, 119, 122, 125, 127, 161-163, 165

Философское яйцо 67, 72, 90,
98, 107

— синонимы 92-95

Хилус 36, 53

Химический гермафродит
86

Хризопея 27

Царское Искусство 10, 16

Эликсир 16, 27, 58, 89

— белый 29, 122

— Великий 159

— жизни 125, 161

— красный 29, 122, 124

— малый 159

СОДЕРЖАНИЕ

АЛХИМИЯ И ДУХОВНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ	5
ТЕОРИИ И СИМВОЛЫ АЛХИМИКОВ	17
Введение	19
Часть первая. ТЕОРИИ	26
Часть вторая. СИМВОЛЫ	54
АЛХИМИЯ В XIX СТОЛЕТИИ	143
Именной указатель	176
Предметный указатель	180

Шварц Ф., Пуассон А., Блаватская Е.П.

ШЗЗ Теории и символы алхимиков. — М.: Новый Акрополь, 1995. — 192 с.: ил.

ISBN 5-85738-006-6

Эта книга посвящена одной из самых древних и загадочных наук. В ней дается краткий очерк истории алхимии — от зарождения в древнеегипетских храмах до ее судьбы в новейшее время, объясняется значение этой науки для духовной эволюции человечества, а также приводится подробная характеристика различных алхимических теорий. Особый интерес представляет описание и толкование важнейших алхимических символов.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Издательство «Новый Акрополь» выражает свою признательность Г. Е. Игнатовой и Л. Г. Мебелю за помощь в подготовке книги.

Ш 0403000000-006 Без объявл.
Э 20 (03)-95

УДК 54:1
ББК 24в

**Фернан Шварц,
Альберт Пуассон,
Елена Петровна Блаватская**

ТЕОРИИ И СИМВОЛЫ АЛХИМИКОВ

Редактор *Л. Ю. Сергиенко*
Художественный редактор *С. Н. Сенцов*
Технический редактор *А. С. Мишачева*
Литературные редакторы *Н. В. Машкова, О. В. Наумова*
Научный редактор *Е. В. Косолобова*
Корректор *Т. В. Лямзина*

Сдано в набор 10.03.95. Подписано в печать 26.08.95. Формат 84x108 ¹/₃₂.
Бумага офсетная. Гарнитура «Журнальная». Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 10,08. Тираж 7000 экз. Цена договорная.

Издательство «Новый Акрополь». Лицензия ЛРН№030414 от 17.07.92.
115569, Москва, ул. Шипиловская, 7.
Зак. 57423

Отпечатано в типографии АО «Молодая гвардия»,
103030, Москва, Суцневская, 21

НОВЫЙ АКРОПОЛЬ

КУЛЬТУРНАЯ АССОЦИАЦИЯ

ФИЛОСОФСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НА ПОРОГЕ ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

... Акрополем в Афинах назывался священный холм в центре города, на котором возвышались храмы. Для древних греков он являлся сакральным местом встречи богов и людей, видимого и невидимого миров, местом, где прошлое, настоящее и будущее сливаются в одно — вечное существование...

«Новый Акрополь» сегодня — это международное гуманистическое философское движение, объединяющее 150 центров в 55-ти странах мира.

«Новый Акрополь» существует с 1957 г. Как международная ассоциация он был официально зарегистрирован в Брюсселе (Бельгия) в 1981 г.

Деятельность «Нового Акрополя», его цели и принципы неразрывно связаны с теми проблемами и вопросами, которые стоят перед человечеством на пороге третьего тысячелетия.

Из устава Международной ассоциации:

1. Объединять людей вокруг идеала всеобщего братства, невзирая на расовые, социальные, национальные и религиозные различия.

2. Помогать человеку в развитии целостного видения мира через сравнительное изучение философских систем, религий, наук и искусств.

3. Исследовать непознанные законы Природы и непроявленные потенциалы человека.

В своей работе «Новый Акрополь» объединяет разнообразные направления культурной и социальной деятельности, создавая уникальный комплекс взаимосвязанных и дополняющих друг друга программ развития личности,

способный дать импульс духовному возрождению человека и общества.

«Новый Акрополь» работает параллельно по многим разнообразным направлениям; главные из них:

— целостное воспитание, реализующееся через Студию целостного человека;

— социально-экологическая деятельность — благотворительные, экологические, гуманитарные и другие акции и программы;

— научно-исследовательская и культурно-просветительская работа — сравнительное изучение древней Мудрости и современных гуманитарных и естественных наук, издание книг, проведение конференций, семинаров;

— символическое искусство — изучение и развитие разных видов искусства, основанное на анализе универсального языка символов, проведение праздничных балов и театрализованных представлений.

В России центры «Нового Акрополя» работают в Москве, Санкт-Петербурге, Новгороде, Твери, Калининграде; на Украине — в Киеве и Черкассах.

СТУДИЯ ЦЕЛОСТНОГО ЧЕЛОВЕКА

В рамках «Нового Акрополя» работает Студия целостного человека, которая предлагает комплексную программу теоретического и практического обучения. В ее основе лежит идея целостного развития личности, гармонизации Духа, Души и Тела.

Воспитание основывается на принципах инициатической педагогики, предполагающей не передачу мертвой информации и сухих логических схем, а познание через

«пережитое», через внутренний опыт, когда человек переходит из состояния пассивного наблюдателя в состояние активного участника жизни.

Программа Студии целостного человека построена по принципам классических философских школ древности. Она призвана способствовать выявлению в каждом из нас Целостного Человека, развитию внутренней стойкости перед жизненными испытаниями, пробуждению любви к Мудрости и душевного благородства.

Программа базируется на сравнительном изучении традиций, культур, религий и философских систем Востока и Запада, современной глубинной психологии, антропологии, социологии и других гуманитарных и естественных наук.

Большое внимание уделяется изучению универсального языка символов, новых путей гармоничного общения с Природой для восстановления утраченных связей с ней.

Ученик Студии — это не просто пассивный слушатель лекций. В процессе занятий развивается принцип «внутреннего диалога», позволяющий проявить характерные черты индивидуальности ученика, его внутреннего мира, скрытые потенциалы его личности.

Для обучения в Студии целостного человека не важен возраст, не нужна специальная подготовка. Студия открыта для всех, кто молод душой и стремится к Мудрости, кто верит в реальность мечты, добро и красоту.

Телефоны для справок: (095) 391-18-14 Москва
(812) 127-87-71 Санкт-Петербург
(816-22) 9-95-55 Новгород
(082-22) 6-06-29 Тверь
(0112) 43-00-09 Калининград
(044) 513-53-82 Киев
(047) 243-02-59 Черкассы

В издательстве «Новый Акрополь»
готовится к печати книга из серии
«История, традиция, культура».

Э. А. Уоллис Бадж ЕГИПЕТСКАЯ МАГИЯ

В этой книге представлены две работы выдающегося египтолога Э.А.Уоллиса Баджа «Египетская религия» и «Египетская магия». В первой из них автор описывает воззрения древних египтян на воскресение и жизнь после смерти, почерпнутые из оригинальных источников, главным из которых является большое собрание религиозных текстов, известное под общим названием «Книга Мертвых». В «Египетской магии» продолжается изучение традиций древних египтян, рассказывается об их вере в магию, т.е. в силу магических имен, заклинаний, изображений, амулетов и церемоний.

Автору свойственен глубокий, нестандартный подход к этой интереснейшей теме, и многие из приводимых в книге фактов и мнений пока не нашли отражения в современной научной литературе.

В издательстве «Новый Акрополь»
готовится к печати книга из серии
«Философское наследие»

Е. П. Блаватская ИЗБРАННЫЕ СТАТЬИ

Часть II

В нее войдут работы Е.П.Блаватской, посвященные различным аспектам древних традиций: «Тибетские учения», «Египетская магия», «Каббала», «Тетраграмматон», «Шестиконечные и пятиконечные звезды», «Эзотерический характер Евангелий», «Алхимия в XIX веке» и другие. Они практически неизвестны российскому читателю и занимают важное место в наследии этого выдающегося философа.

В издательстве «Новый Акрополь»
готовится к печати книга из серии
«История, традиция, культура»

С. Рейнак ОРФЕЙ

Всеобщая история религий

С. Рейнак посвящает свой труд Орфею — первому поэту и музыканту, учредителю мистерий и истолкователю воли богов.

В книге дается очерк истории развития основных мировых религий, описывается религиозная жизнь в странах древнего мира — Египте, Вавилоне, Ассирии, Индии, Персии, Греции, Риме. Автор находит много интересных аналогий между орфизмом и христианством.

Книга выдержала несколько переизданий на языке оригинала, она написана живым и эмоциональным языком и будет весьма интересна широкому кругу читателей.